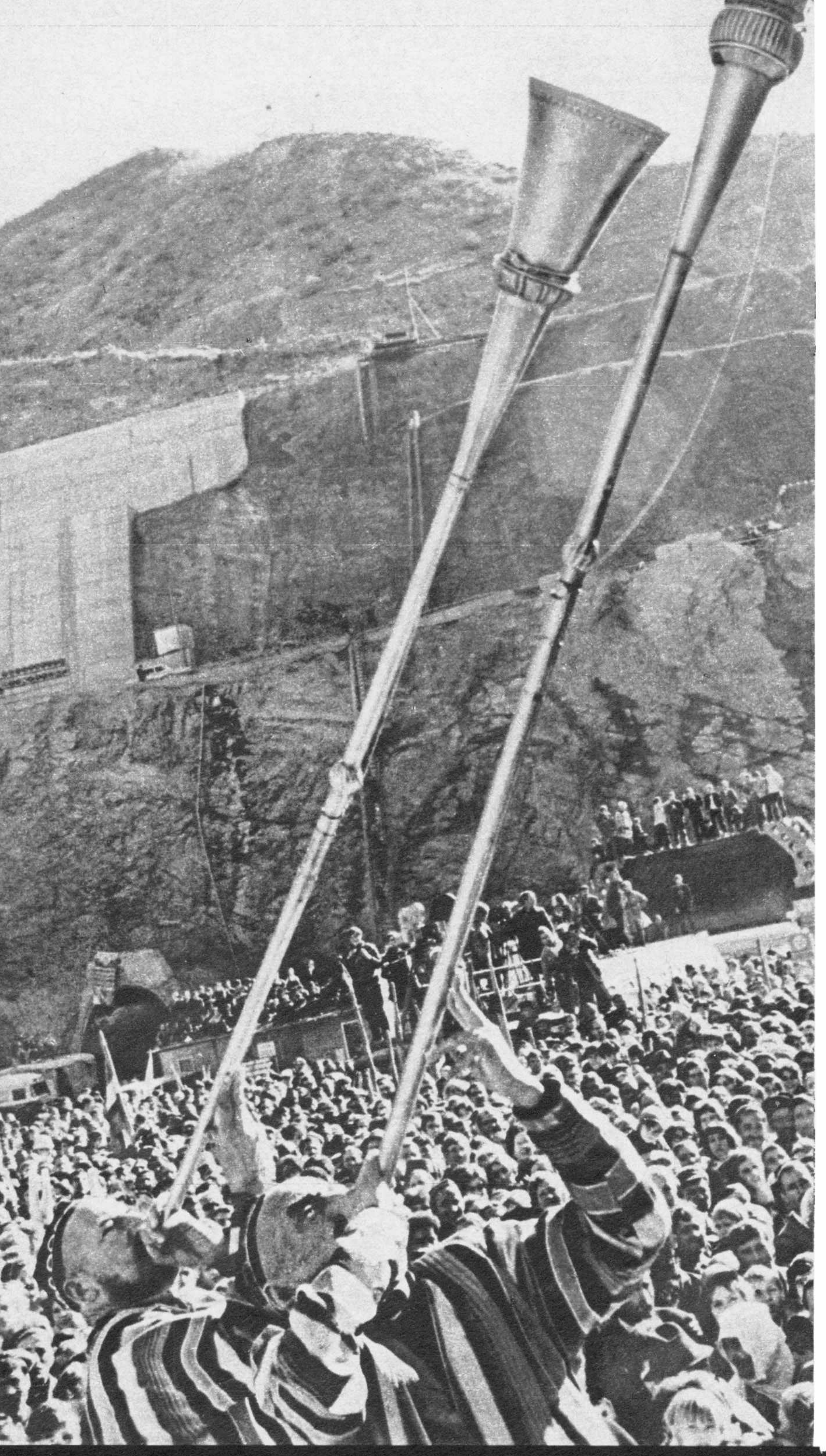

ОГОНЁК

№ 50 ДЕКАБРЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Так начинался праздник в Нуреке.

Митинг у здания ГЭС.

СВЕТ НАД

МОГУЧАЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ДЕРЖАВА

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

1952 год. В номере 41 «Огонька» было опубликовано интервью с заместителем министра электростанций СССР И. И. Дмитриевым «Могучая электрическая держава». Есть в интервью такие строки: «Завтрашний день советской энергетики — это Куйбышевская и Сталинградская ГЭС...». Читаешь эти слова и удивляешься: неужели с тех пор прошло только двадцать лет! Тогда проекты новых гидроэлектростанций казались нам какой-то фантастикой, ошеломляющей воображение, тогда цифры роста энергетики представлялись просто астрономическими... И вот наступило время, когда новостройки тех лет стали историей...

Корреспондент «Огонька» Б. Смирнов попросил начальника главного планово-экономического управления, члена коллегии Министерства энергетики и электрификации СССР С. Г. Мхитаряна прокомментировать интервью «Огонька» двадцатилетней давности.

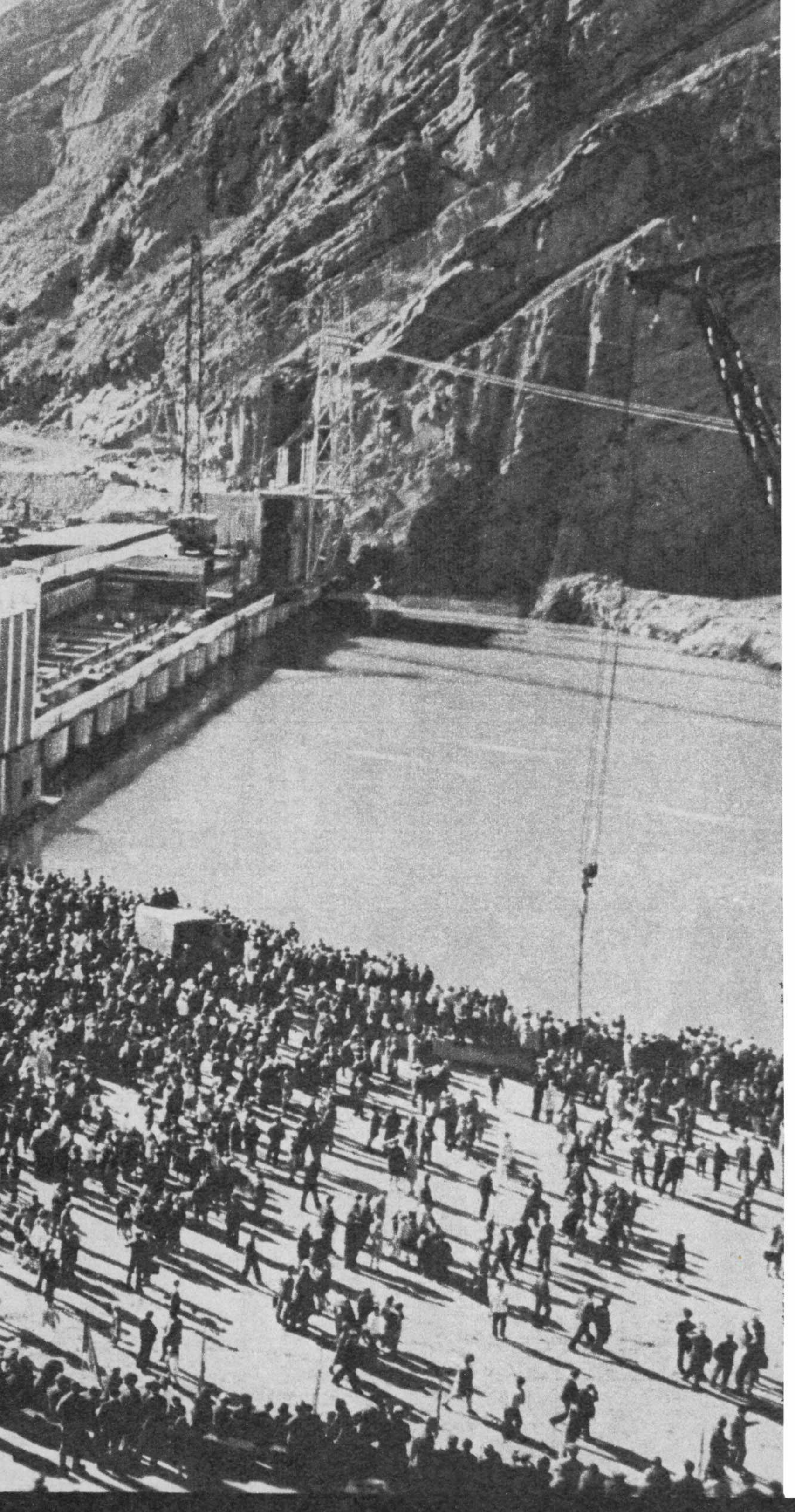

Фото Г. КОПОСОВА.

Ветеран стройки, бригадир бетонщиков Камол Хамсариев.

СТРАНОЙ

— Все задачи, которые в интервью рассматривались как планы на будущее, давно уже решены и стали для нас днем вчерашним. А вот об атомной энергетике в то время еще и разговора не было,— сказал Сурен Григорьевич,— ведь наша опытная атомная электростанция, первая в мире, появилась в 1954 году. Она открыла перед энергетикой громадные перспективы. С помощью атома мы начинаем осваивать территории, где ограниченны минеральные источники топлива, например, европейскую часть страны, Север и другие районы. Неизбежно настанет время, когда именно атомные электростанции (АЭС) будут основными производителями электроэнергии в стране, но это произойдет примерно к двухтысячному году. Сейчас в Европейской части СССР уже строятся АЭС мощностью два миллиона киловатт и более. В девятом пятилетии должны быть введены в строй Ленинградская, Кольская, Курская АЭС, предполагается ввод Чернобыльской, первого блока Армянской, идет строительство Билибинской атомной станции на Чукотке. Намечено сооружение Смоленской АЭС, двух таких станций на Украине...

Еще один важнейший фактор, который не мог быть учтен в интервью двадцатилетней давности,— это формирование Единой энергетической системы СССР. Благодаря этой системе централизованно получать электроэнергию будут не только крупные населенные пункты страны, но и все колхозы, совхозы. Сейчас строятся межсистемные линии высоковольтных электропередач. Еще недавно даже в песне прославля-

Продолжение см. на стр. 6—7.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 50 (2371)

9 ДЕКАБРЯ 1972

Будапешт. 30 ноября. Митинг советско-венгерской дружбы на Чепельском комбинате. На трибуне — Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

ДРУЖБА НА В

Встреча Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева и Первого секретаря ЦК ВСРП товарища Я. Кадара.

Глава партийно-правительственной делегации СССР Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев и Первый секретарь ЦК ВСРП товарищ Я. Кадар, члены советской делегации посетили школу в одном из новых районов венгерской столицы.

Советские гости на «Красном Чепеле».

Л. И. Брежнев беседует с жителями Будапешта.

СЕ ВРЕМЕНА

Телефото В. Мусаэльяна и В. Соболева (ТАСС), А. Пахомова.

Яркой демонстрацией братской дружбы и сотрудничества КПСС и ВСРП, Советского Союза и Венгерской Народной Республики явился официальный дружеский визит в Венгрию партийно-правительственной делегации СССР во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

1 декабря в Будапеште завершились переговоры между советской партийно-правительственной делегацией во главе с Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Л. И. Брежневым и венгерскими руководителями во главе с Первым секретарем Центрального Комитета ВСРП Я. Кадаром.

В исключительно сердечной обстановке, в духе полного взаимопонимания и единства проходили дружеские беседы между Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым и Первым секретарем ЦК ВСРП товарищем Я. Кадаром.

Товарищи Л. И. Брежнев и Я. Кадар совершили поездку по Будапешту. Они посетили новостройки венгерской столицы. Вместе с ними были секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. Советские гости осмотрели станцию нового будапештского метро «Площадь Кошута», посетили дома-новостройки, школу.

Во время визита в ВНР члены советской партийно-правительственной делегации побывали в нескольких венгерских областях, встречались с коллективами промышленных и сельскохозяйственных предприятий, с представителями народной интеллигенции.

С искренним радушием и сердечной теплотой принимали советских гостей на комбинате «Красный Чепель». Вместе с советской делегацией были Первый секретарь ЦК ВСРП Я. Кадар, Председатель Совета Министров ВНР Ене Фок, Первый секретарь Будапештского горкома партии К. Немет. После знакомства с заводскими цехами во Дворце спорта комбината состоялся многотысячный митинг советско-венгерской дружбы. Вместе с чепельцами в нем приняли участие представители крупнейших предприятий венгерской столицы.

В речи на митинге Первый секретарь ЦК ВСРП товарищ Я. Кадар отметил, что нынешний визит советских друзей «знаменует собой новый важный этап венгеро-советской дружбы и братского сотрудничества».

Бурной овацией встретил рабочий Чепель речь главы партийно-правительственной делегации СССР Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

«Наша дружба,— сказал Л. И. Брежнев,— носит поистине всенародный характер. Это дружба на сегодня, на завтра, на все времена!»

Товарищ Л. И. Брежнев передал в подарок венгерским друзьям работу выдающегося советского скульптора Ивана Шадра «Рабочий со знаменем».

Советская партийно-правительственная делегация во главе с товарищем Л. И. Брежневым встретилась с руководителями и активистами Общества венгеро-советской дружбы.

Отмечая большие заслуги Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в развитии и укреплении венгеро-советской дружбы, правление общества приняло решение наградить Л. И. Брежнева золотым знаком Общества венгеро-советской дружбы. Эту награду товарищу Л. И. Брежневу вручил член Политбюро ЦК ВСРП, председатель Государственного собрания ВНР, председатель Общества венгеро-советской дружбы Антал Апро. В знак дружбы и признательности Л. И. Брежнев передал правлению общества памятные подарки.

1 декабря советская партийно-правительственная делегация отбыла на Родину.

Перед завершением переговоров.

ПЛЕНУМ МАСТЕРОВ КУЛЬТУРЫ

29 ноября в Москве состоялся объединенный пленум правлений творческих союзов и организаций СССР. Тема, которой посвящен пленум,— «50-летие образования Союза Советских Социалистических Республик и развитие советской многонациональной культуры».

Тепло встретили собравшиеся товарищей А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулакова, А. Я. Пельше, М. А. Суслова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева.

Пленум открыл вступительным словом секретарь правления Союза писателей СССР, Герой Социалистического Труда Н. С. Тихонов. Затем выступили первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков, первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР Л. А. Кулиджанов, первый секретарь правления Союза композиторов СССР Т. Н. Хренников, первый секретарь правления Союза художников СССР Н. А. Пономарев, заместитель председателя правления Союза журналистов СССР, председатель правления агентства печати Новости И. И. Удальцов, первый секретарь правления Союза архитекторов СССР Г. М. Орлов, композитор Д. Д. Шостакович, писатели С. В. Михалков, В. П. Козаченко, С. С. Наровчатов, кинорежиссер С. И. Ростоцкий, поэт Максим Танк, художник Таир Салахов, писатель Чингиз Айтматов, народная артистка СССР Б. А. Руденко, драматург А. П. Штейн, кинодраматург А. У. Ашимов, народный артист СССР К. Ю. Лавров, писатель Ю. В. Бондарев, писатель В. Э. Бээкман. Поэт С. П. Щипачев прочитал отрывок из своей поэмы «Высокое небо».

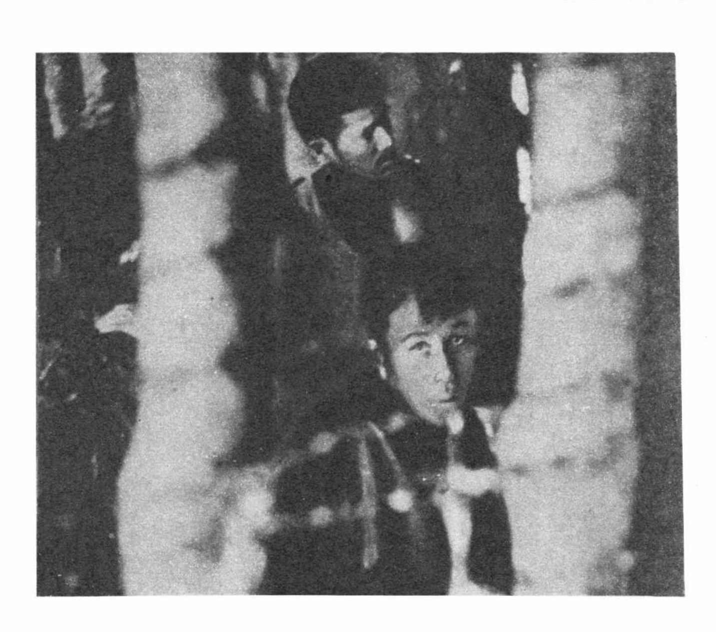
С большим воодушевлением участники пленума приняли приветственное письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

В зале заседания.

СПАСТИ ЖИЗНЬ ПАТРИОТОВ

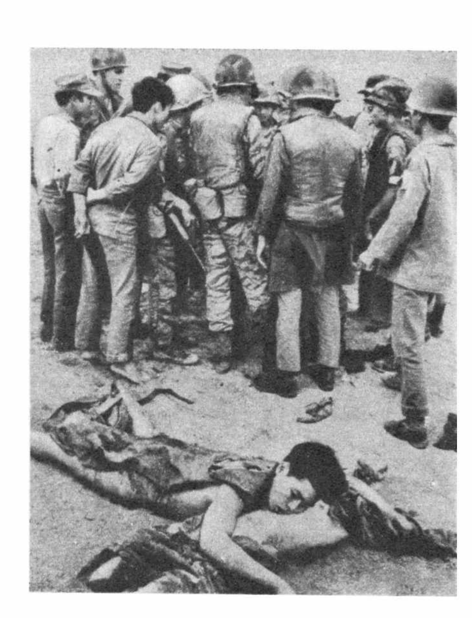

С 13 по 20 декабря 1972 года по призыву Всемирного Совета Мира проводится Международная неделя действий по спасению жизни политических заключенных, томящихся в тюрьмах и лагерях сайгонской администрации.

●

Сайгонский режим стал символом вопиющего надругательства над правами человека, синонимом жестокости и преступлений. В Южном Вьетнаме полностью ликвидировано самоуправление в провинциях и деревнях. Функция законодательного собрания сведена к штампованию решений, принятых правительством. Печать находится в тисках системы «залогов» и «штрафов», которая исключает свободу слова. Суровый закон о печати привел к закрытию большинства южновьетнамских газет. Более 200 тысяч людей, неугодных сайгонскому режиму, томятся за решеткой. Многие граж-

«Тигровые клетки» — мрачные застенки, в которых томятся политзаключенные без всякой надежды выйти на свободу.

В президиуме пленума.

Фото В. Князева, М. Цебоева и ТАСС.

данские лица, подозреваемые по «соображениям безопасности», были заключены в тюрьмы на основе статьи 19 пресловутого закона 004 от 15 февраля 1966 года, гласящего, что любое лицо может быть задержано по административному решению на срок до двух лет; этот срок может продлеваться до бесконечности. Политзаключенные постоянно подвергаются пыткам и самому бесчеловечному обращению. Среди них не только сторонники Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. Патриоты, выступающие против агрессии Соединенных Штатов во Вьетнаме, подвергаются арестам, им приклеивается ярлык «коммунистов» или «сочувствующих». Концентрационные лагеря, несколько сотен тюрем, подземные казематы, так называемые «тигровые клетки» — вот фасад сайгонского режима.

Все советские люди, все прогрессивное человечество требуют немедленного прекращения войны во Вьетнаме и жестоких репрессий, которые обрушиваются на патриотов Южного Вьетнама.

Ю. СВЕРДЛОВ

Они были зверски убиты сайгонской солдатней за то, что боролись за свободу и демократию в Южном Вьетнаме.

Фото из журналов «Вие Нуове—Джорни» и «Лайф».

СОЦИАЛИЗМ И МИР

Валентин АЛЕКСАНДРОВ

Упрочение социалистического содружества давно уже стало признанным фактором мирового развития. Оно проявляется в развертывании интеграции в экономике, в координации внешнеполитических действий стран социализма, в единении их оборонных усилий. Такой ход дела вполне закономерен. Сама природа единого общественного строя социалистических стран предполагает их взаимное тяготение и неуклонное сближение.

На протяжении короткого отрезка времени мы стали свидетелями двух важных событий этого плана: приезда в Москву посланцев Народной Республики Болгарии и визита в Венгрию партийно-правительственной делегации Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

Встречи в Москве и Будапеште продолжают установившуюся традицию широких консультаций, обмена мнениями по актуальным и перспективным проблемам, которые вполне естественно возникают с развитием наших стран. «Наши дружественные встречи,— говорил Л. И. Брежнев,— искренние беседы, обмен мнениями и опытом всегда проникнуты духом товарищества, глубокого взаимного уважения, нашей общей преданностью великим идеалам и целям социализма».

Нынешние встречи проходили на фоне новых явлений в международной жизни. Речь идет о качественно более высокой ступени отношений мирного сосуществования, которые формируются сейчас под влиянием внешней политики социалистических стран. Свидетельством именно этого процесса служит и новая обстановка в Европе и ростки изменений в политике основных капиталистических держав по отношению к странам социализма.

Советский Союз всегда выступал за мирное сосуществование стран с различным социальным строем. С образованием мировой системы социализма эта борьба приобрела еще больший размах; она стала одной из принципиальных сторон коллективной политики социалистических государств.

Рано или поздно количество перерастает в качество, если не прекращается нарастание количественных изменений. Международная жизнь, включая отношения мирного сосуществования, подвластна действию этого диалектического закона. Принципы сосуществования под влиянием изменения в соотношении сил, под воздействием динамизма социалистической дипломатии из частных обязательств все более определенно преобразуются в обязательства универсальные.

Мир не конъюнктурное соображение для стран, строящих социализм. В условиях мира они могут значительно быстрее идти к своим созидательным целям, не отвлекая силы на непроизводительные нужды военного противоборства. Известно, что по инициативе стран социализма за последние годы заключено немало международных соглашений и договоров, которые укрепляют мирные связи, способствуют решению проблемы разоружения.

Чем прочнее будет мир, тем богаче и разностороннее будут отношения между странами социализма. Разрядка напряженности в международной жизни позволяет переключать больше средств на мирные цели, а это влечет за собой более интенсивное выравнивание уровней экономического развития, ускоренную интеграцию хозяйственной жизни, эффективное соединение в международном масштабе преимуществ социалистического строя с достижениями научно-технической революции.

Социалистическое содружество от упрочения мира получает весомый эффект не только в сфере материального производства. Теснейшим образом с экономикой связаны духовная жизнь, возможности культурного обмена, расширение контактов.

Современные мирные отношения социально противоположных групп государств было бы ошибочно представлять как безоблачные и безмятежные. Мирное сосуществование предполагает непримиримую идеологическую борьбу. На этом фронте социалистические страны также стоят вместе. Они используют достижения общественных наук, опыт друг друга, чтобы еще прочнее были позиции социализма, чтобы возрастало его влияние на все стороны жизни человечества. Далеко не случайно вопросы идеологической работы, борьбы против различных форм антикоммунизма и антимарксистских взглядов нашли освещение в итоговых документах советско-болгарских и советско-венгерских переговоров.

Процесс упрочения мирных отношений отражает глубину накопившихся в мире изменений, смысл которых заключается в том, что наша эпоха есть эпоха перехода человечества от капитализма к социализму. Каждая весомая акция, направленная на упрочение социалистических международных связей, как, например, недавние советско-болгарские и советско-венгерские переговоры, ведет к перевесу в сторону социализма, в сторону мира. Поэтому встречи и переговоры такого масштаба, как в Москве или Будапеште, не оставляют равнодушными людей, даже находящихся далеко от этих столиц. Итоги этих встреч как выражение крепнущей сплоченности стран социализма, как свидетельства усиления его благотворного влияния на мир с удовлетворением воспринимаются всеми, кто хочет, чтобы небосклон международной жизни не застилали тучи военной угрозы.

СВЕТ НАД СТРАНОЙ

Начало см. на 2-й стр. обложки.

лась ЛЭП-500, а ныне уже действуют линии напряжением в 750 киловольт. Такими будут и энергомосты Донбасс — Западная Украина, Ленинград — Москва. А на очереди создание ЛЭП-1150 киловольт для переменного тока и ЛЭП-1500 для тока постоянного.

Помните строки из интервью: «В 1951 году выработка электроэнергии в СССР составила 100 миллиардов киловатт-часов, то есть больше, чем смогли произвести Англия и Франция, вместе взятые». В 1972 году мы выработали уже 860 миллиардов киловатт-часов. Теперь уже мы обгоняем Англию, Францию да еще ФРГ и Италию.

А как возросла мощность наших гидроэлектростанций! Настоящим гигантом стала Красноярская ГЭС — 6 миллионов киловатт. Еще мощнее — на 400 тысяч киловатт — будет Саянская ГЭС. Но значение гидроэлектростанций не только в их величине. Токтогульская и Нурекская ГЭС, например, решают целый комплекс проблем — они обеспечат электроэнергией очень важные экономические районы Средней Азии, дадут воду большим массивам засушливых земель. Зейский гидроузел, напротив, избавит плодородные земли от ежегодных катастрофических паводков, а Колымская ГЭС поможет освоить суровый сибирский Север.

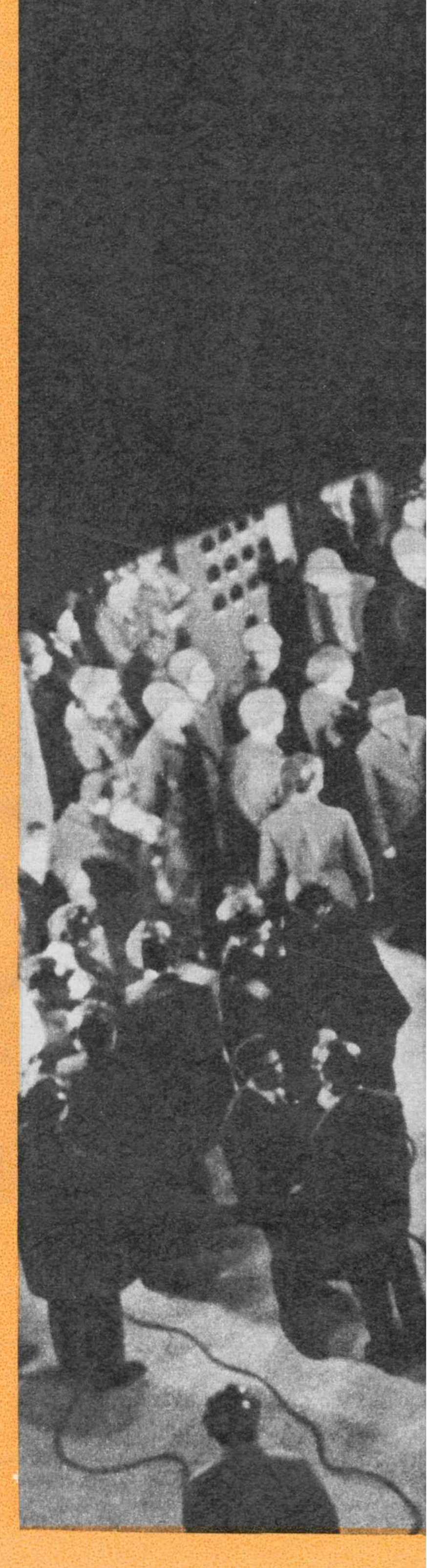
Да, роль гидроэлектростанций в нашем народном хозяйстве чрезвычайно велика, но все же они вырабатывают в нашей стране лишь 17—18 процентов электроэнергии. Главными же ее производителями остаются тепловые электростанции. Строительство новых, крупных ГРЭС с мощными энергоблоками идет сейчас по всей стране. Однако и на старых, давно работающих ГРЭС тоже происходят изменения: они переходят с твердого топлива на нефть, мазут и газ.

— Сурен Григорьевич, что является сейчас, в наши дни, самым характерным для развития энергетики Советского Союза?

— Самым характерным? Давайте сопоставим цифры: по всей стране за пять лет производство электроэнергии возрастет в 1,4 раза, в то время как по Таджикской ССР этот показатель составит 2,1 раза, по Туркмении — 1,9, по Белоруссии — 1,8... Так записано в Директивах XXIV съезда КПСС. Что означают эти цифры? Да то, что в наших союзных республиках электроэнергетика растет быстрее, чем в целом по СССР! В 1913 году в той же Киргизии или в Таджикистане потребление электроэнергии на душу населения практически равнялось нулю, а сейчас оно составляет там примерно по тысяче киловатт-часов на человека. Как вы думаете, во сколько раз производство электроэнергии увеличилось в республиках за 50 лет? В десять раз, в сто? Нет, несравненно больше: на Украине, например, оно возросло в 1 600 раз, в Молдавии — в 81 500 раз, в Киргизии — в 40 500 раз! Столь же выразительны цифры роста энергетики и других республик. А электроэнергия, как известно, — это культура жизни, это развитие промышленности и сельского хозяйства, это технический прогресс, это, наконец, само будущее...

КАК Э

Л. КОРОБОВА,
Г. КОПОСОВ,
специальные
корреспонденты «Огонька»

Неожиданно с перевала Шар-Шар блестящей лентой вспыхнула вода. Таким я увидела Нурекское водохранилище, которое здесь, в Таджикистане, с гордостью называют морем. Шоферы, ехавшие с грузом в сторону Куляба, тоже останавливались на перевале и долго смотрели на чудо в горах. Молчали, восхищенные увиденным, хотя это чудо свершалось на их глазах, с их участием. А море синело, голубело на солнце и с высоты перевала казалось нарисованным в этой знойной долине. Люди долго не уходили с перевала, очарованные красотой того, что может создать человек.

Десять лет назад, спускаясь с перевала от Душанбе к Нуреку, я увидела петляющую реку. «Это и есть Вахш», — равнодушно промолвил шофер. На заднем сиденье «газика» дремал начальник строительства Нурекской ГЭС С. К. Калижнюк. Эти полтора часа пути были единственными, когда его не тревожили звонки диспетчеров.

Известность стройки, о которой тогда много писали и говорили, не вязалась с тем, что я увидела: низкие, глинобитные кибитки, пыльные улицы, душные вагончики. Лишь около вагончиков первых геологов-изыскателей гудел движок, и таджикские ребятишки бегали смотреть диковинную машину.

Электрическая эпопея Нурека началась с двух дизельных двигателей старой фирмы «Ман». Эти машины более года питали электроэнергией все строительство и единственный тогда экскаватор № 36.

По вечерам, собираясь в зеленом комсомольском вагончике, молодежь задавала начальнику один вопрос: «Будет ли Нурек?» Калижнюк присаживался на табуретку, умолкал, требуя тишины, и под зоркими взглядами юных глаз резко, грубовато почти выкрикивал: «Нурек будет!» Он говорил о трудностях, которые предстоит пережить, о том, как нужна Нурекская ГЭС Средней Азии и Казахстану. Калижнюка любили. Калижнюку верили, да и как можно было не верить человеку, построившему Каракумский канал в пустыне.

На берегах Вахша уже гремели взрывы. Первые проходчики пробивали штольню к первому туннелю. Первые двухэтажные деревянные дома, как верстовые столбики, утвердились у комсомольского штаба. Уже тогда в Нуреке работали представители более 30 национальностей: таджик Товар Курбанов, русский инженер Владимир Коваленко, приехавший в Нурек с первыми геологами, грек Янис Чобанис, грузин Зураб Гамренели, узбек Валерий Мухаммадиев и тысячи других строителей.

В маленьком домике на окраине Нурека жили руководители стройки. Было тесно, но этого старались не замечать. Над чертежами засиживались допоздна. Из соседних с Нуреком кишлаков шли на стройку люди. Спустившись с гор, где им знакомы были лишь омач да кетмень, они увидели новую технику, новых людей. Робким юношей пришел из туткаульского колхоза Абдулло Саидов. Он устроился сторожем и не отходил от Прохора Полосухина, собиравшего первый экскаватор. Теперь Абдулло Саидов давно уже управляет большим экскаватором, у него свои ученики.

На главной улице — проспекте имени Ленина — возводились четырехэтажные дома. И молодой прораб Валя Шёрстова ездила в дождь и снег через перевал за необычными для знойного Нурека деревьями — дубками. Российское дерево плотно прижилось на нурекской земле рядом с чинарами и тополями.

Метр за метром отвоевывали у скал проходчики, и теперь уже оба берега были изрезаны туннелями. Взрывы в Пулисангинском ущелье не умолкали. К ним привыкли не только люди, даже птицы.

Перекрытие Вахша стало первой, самой большой победой строителей, однако до пуска было еще далеко. Теперь уже сотни машин возили грунт к плотине. Сейчас она поднялась на 150 метров...

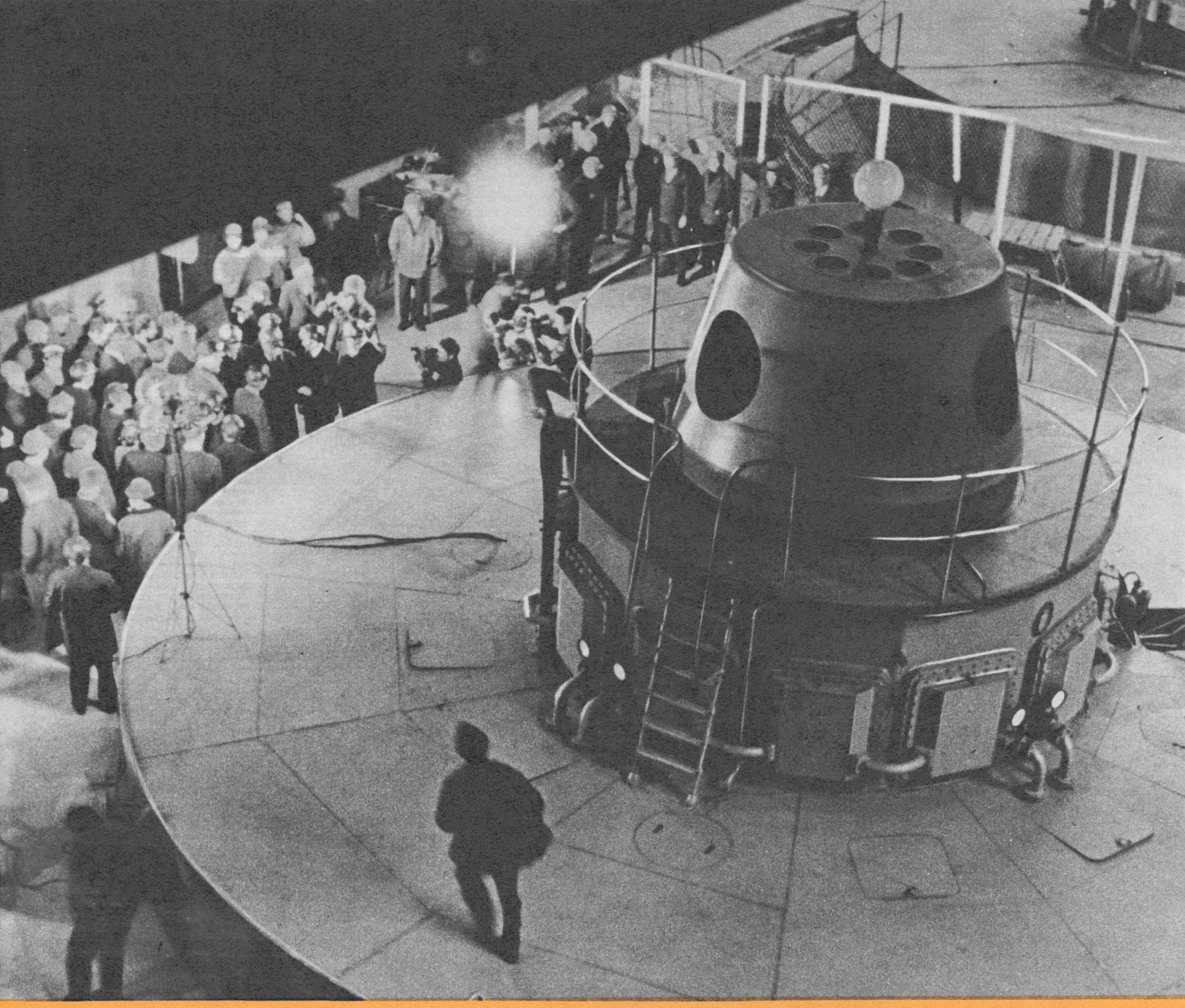
На Нурекской ГЭС многое было впервые: новые методы строительства, новая технология, новые машины. Десятки институтов проводили здесь научные исследования. Более тридцати диссертаций защищено на нурекских темах!

Белый город, пронизанный светом, стал зеленым и красивым. Та улица, что сбегает от главного проспекта к Вахшу, носит имя покойного Калижнюка. В Нуреке четыре новых школы, Дом культуры — один из лучших в Таджикистане. Пожалуй, нигде я не встречала так много детей, как в Нуреке.

Каждый здесь знал, что он строил, помнил, что объем Нурекского водохранилища достигнет 10,5 миллиарда кубометров воды. С пуском на полную мощность гидроэлектростанция даст 11,2 миллиарда киловатт-часов в год. Начнется освоение Дангаринского плато, где можно будет снимать по три урожая в год. Больше воды получат Каракумский и Аму-Бухарский каналы. Воду Нурекского моря ждут ирригаторы трех хлопководческих республик: Таджикистана, Узбекистана и Туркмении. Вот какова цена победы гидростроителей, сдавших первый Нурекский агрегат досрочно!

С годами многое видится яснее, — какой трудной была победа! Более десяти лет радостей и горестей, удач и ошибок, и все для того, чтобы разлилась синяя гладь моря, чтобы вращалась турбина первого агрегата.

...Все готово к пуску. У всех звеньев гидроагрегата начеку электрики, монтировавшие генератор. Все работы они выполнили досрочно и готовы принять первые нурекские киловатты.

Вот он, первый агрегат — гордость строителей!

В тот счастливый день, 15 ноября, на площади у здания ГЭС собрались тысячи строителей. Как давно они ждали этого дня! Дана команда: «Открыть затворы!» Где-то в толще скалы, в ее стальных артериях ожила рукотворная река, рванулась к лопастям турбины. Турбина легко начинает вращаться, мгновенно набирает обороты — до 200 в минуту. Вращение турбины передалось на ротор генератора — и пошла первая электроэнергия Нурекской ГЭС! Через главный трансформатор по высоковольтной линии она мгновенно влилась в энергетическую систему Таджикистана...

...В те торжественные минуты мне вспомнилась одна давно прошедшая ночь. Вода вдруг хлынула в первый строительный туннель. Под дождем люди наращивали перемычку, отгораживавшую входной портал от реки. Вода подхватила трансформаторную подстанцию и потащила ее в коловерть Вахша. С берега мы увидели, как раскрылась пасть скального экскаватора и ковш с необычным грузом — электриками А. Кашиным и А. Джураевым — повис над бешеной рекой. Люди, свешиваясь с края ковша, подцепили тонущие трансформаторы...

...Перед отъездом я зашла в нурекский хозяйственный магазин, где много лет назад впервые увидела керосиновые лампы. Сейчас их не было на прилавке, и я спросила о них у старого продавца. Он засмеялся, с нескрываемым любопытством посмотрел на меня и указал на белые, изящные катера, что рядком стояли на полу.

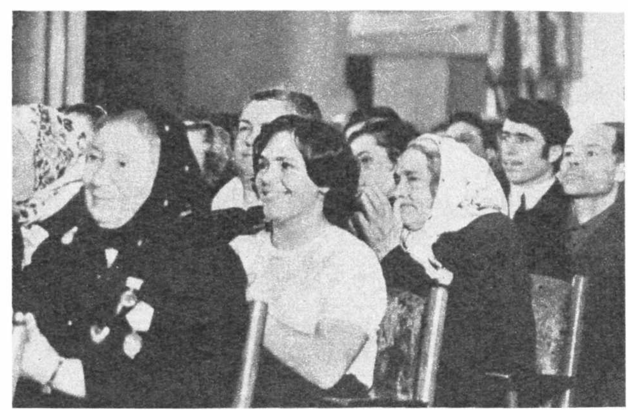
— Давно это было! — вздохнул старый таджик.— Новый товар у нас, видите? Море появилось...— и чуть наклонившись, коснулся рукой блестящего борта.

Я покидала солнечный Нурек, а из памяти не выходили слова: «Давно это было...» Разве давно? Нет, совсем недавно — ровесники Нурека учатся в третьем классе.

ТО БЫЛО

Ведущая В. Леонтьева и рабочий консервного завода А. Лукьянов.

Все они герои передачи... Фото Г. Александровой.

ПАМЯТЬ

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Большой, просторный зал переполнен зрителями. Сцена, микрофоны, юпитеры. Но нет привычного барьера между сценой и залом. Нет ни тени недоверия, отчужденности между теми, кто сидит в зале и кто находится на клубной сцене колхоза имени Суворова, Винницкой области.

Хозяйка вечера, диктор Центрального телевидения Валентина Леонтьева, знакомит нас, телезрителей, с сидящими в зале колхозниками. Телекамера как бы невзначай на какой-то момент останавливается на чьем-то лице, и мы слышим рассказ В. Леонтьевой о судьбе героя, труженика — одного из жителей колхоза имени Суворова,— и снова камера возвращается к лицу человека, сидящего тут же, в зале, о котором, оказывается, мы и слушали сейчас рассказ... И все эти люди, и этот человек — кавалер ордена Славы, колхозник А. П. Квасняк, старейший механик колхоза Н. С. Семенчук, председатель колхоза Герой Социалистического Труда Ф. А. Желюк,— все они тоже слушают рассказ о своей судьбе, стараясь не выдать того, что они переживают. И от этого сдержанного достоинства, скромности лица их становятся еще более выразительными, прекрасными.

Андрея Петровича Квасняка в колхозе называют «мастер — золотые руки». Его руки способны сделать все, даже скрипку,— вот она, стройная, блестящая, с чистым мелодическим строем. А в конце войны, в боях за освобождение Чехословакии, Андрей Петрович удержал высоту один — его товарищи были убиты — и заслужил почетную награду, орден Славы... Вот он стоит сейчас на сцене колхозного клуба, невысокий, худой, с глубокими, темными, внимательными глазами и выпуклым, умным лбом; стоит, смотрит в зал, где сидят его односельчане, старается не выдавать своего волнения. И только мы, телезрители, чувствуем, как он дышит — прерывисто. Его дыхание, его волнение передаются и нам...

Так же внимательно, серьезно слушают рассказ о судьбах односельчан сидящие в зале колхозники. Да им наверняка все об этом уже известно, но вместе с ними здесь, в зале, как бы присутствуют тысячи, миллионы телезрителей, которые смотрят эту передачу и впервые знакомятся с А. Квасняком, П. Новиковым, Е. Нагорянской, со всеми жителями колхоза имени Суворова...

В. Леонтьева показывает фотографию, очень-очень давнюю, хранившуюся в архивах. Там, среди делегатов 7-го съезда Советов, рядом с С. М. Буденным сидит женщина.

— Узнаете вы ее? — обращается диктор к залу.

И ее узнают. Это Ефросинья Ивановна Нагорянская. Мы слышим рассказ об удивительной ее судьбе. О том, как выступала она на 2-м съезде колхозников-ударников и что тогда говорила, о чем мечтала... Узнаем, как ушел ее четырнадцатилетний сын Петя в партизаны и не вернулся. Сын Сережа тоже погиб... А вот сейчас сидят с Ефросиньей Ивановной рядом взрослые, уважаемые люди — тоже ее дети. А она, уже старенькая, морщинистая, в платочке, слушает рассказ о своей молодости и кивает, как бы молча соглашаясь, переживая все вновь... Телекамера скользит дальше по залу, по лицам других женщин, старых и молодых, и в платочках и модно причесанных. И они тоже, как Ефросинья Ивановна, непроизвольно кивают головами, согласно прикрывают глаза, переживают общую свою судьбу, общие радости и горе; все они — сверстницы, преемницы, потомки... Память у них общая, и слушают они рассказ друг о друге, будто о самих себе.

Героическая судьба этих людей складывалась в годы тяжелых испытаний Родины. Но и счастливое мирное время создает своих героев. И хотя они еще не совершали таких подвигов, как их отцы, у них тоже свои испытания, свои победы. Вот они — юные герои, нынешняя гордость колхоза имени Суворова. Это и старший экономист Галина Нагорянская, окончившая академию и вернувшаяся дипломированным специалистом в родное село... И Тамила Панько, сдавшая вступительные экзамены в Киевский университет на круглые пятерки... И Катя Загородная, ученица 10-го класса, научный сотрудник колхозного музея Суворова, энтузиаст, даже, можно сказать, фанатик своего дела.

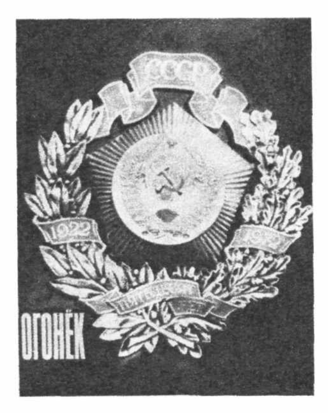
Нам рассказывают о героях тружениках, о матерях, чьи дети заслужили долгую славу, долгую память... И матери — женщины в праздничных цветастых платках — утирают слезы, не изнеженно прикладывая платочки к глазам, а нетерпеливо, как бы даже досадуя, негодуя на себя,— что, мол, разревелась... Эти женщины не привыкли плакать, стеснялись... Они выстояли, выдержали такое, на что никогда бы не хватило слез. Но вот слово, доброе, от всей души, иной раз так может растрогать, что нет сил удержаться, не проронить слезу...

Память... Люди многое могут вспомнить хорошего и дурного, доброго и жестокого. Но вот об этой седой маленькой женщине в памяти встретившихся с ней людей сохранилось только самое доброе, ласковое, нежное. Первая учительница Екатерина Николаевна Кржанская.

Еще в 1914 году приехала она в это село народной учительницей. Сохранилась фотография тех лет: девичьи округлые щеки, брови темные и густые, твердый подбородок, а в глазах еле сдерживаемая веселость, смех...

Гремит старый школьный звонок, на сцену выходит Екатерина Николаевна, а за партами сидят бывшие ее ученики, солидные, взрослые люди. Они рассказывают своей первой учительнице о том, как живут, где работают. Один стал инженером, другой юристом, третий доцентом... Взрослые, уже пожилые люди, они подходят к старой женщине и бережно, благодарно целуют ей руку: «Спасибо Вам, Екатерина Николаевна!»...

«От всей души» — так назвали передачу авторы: Л. Муравина, К. Прошутинская, М. Краснянская, С. Клементиновский, А. Инин, режиссер И. Романовский, оператор В. Костин; хочется присоединить к числу авторов этой передачи и обаятельнейшую Валентину Леонтьеву... Как же много нашли они доброты, благожелательности, искреннего восхищения жителями колхоза имени Суворова, чтобы за полуторачасовую передачу ни разу не сфальшивить, не нарушить найденный строй, все провести на едином дыхании, от всей души!..

ПОЧЕТНЫЙ ЗАКАЗ

В цехах производственно-технического объединения «Русские самоцветы» родилось немало великолепных изделий из самоцветов и редких металлов. Но такого почетного заказа, как нынешний, мастерам еще не приходилось выполнять: им поручено изготовить юбилейный Почетный знак ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС, знак, учрежденный в ознаменование 50-летия образования Союза ССР.

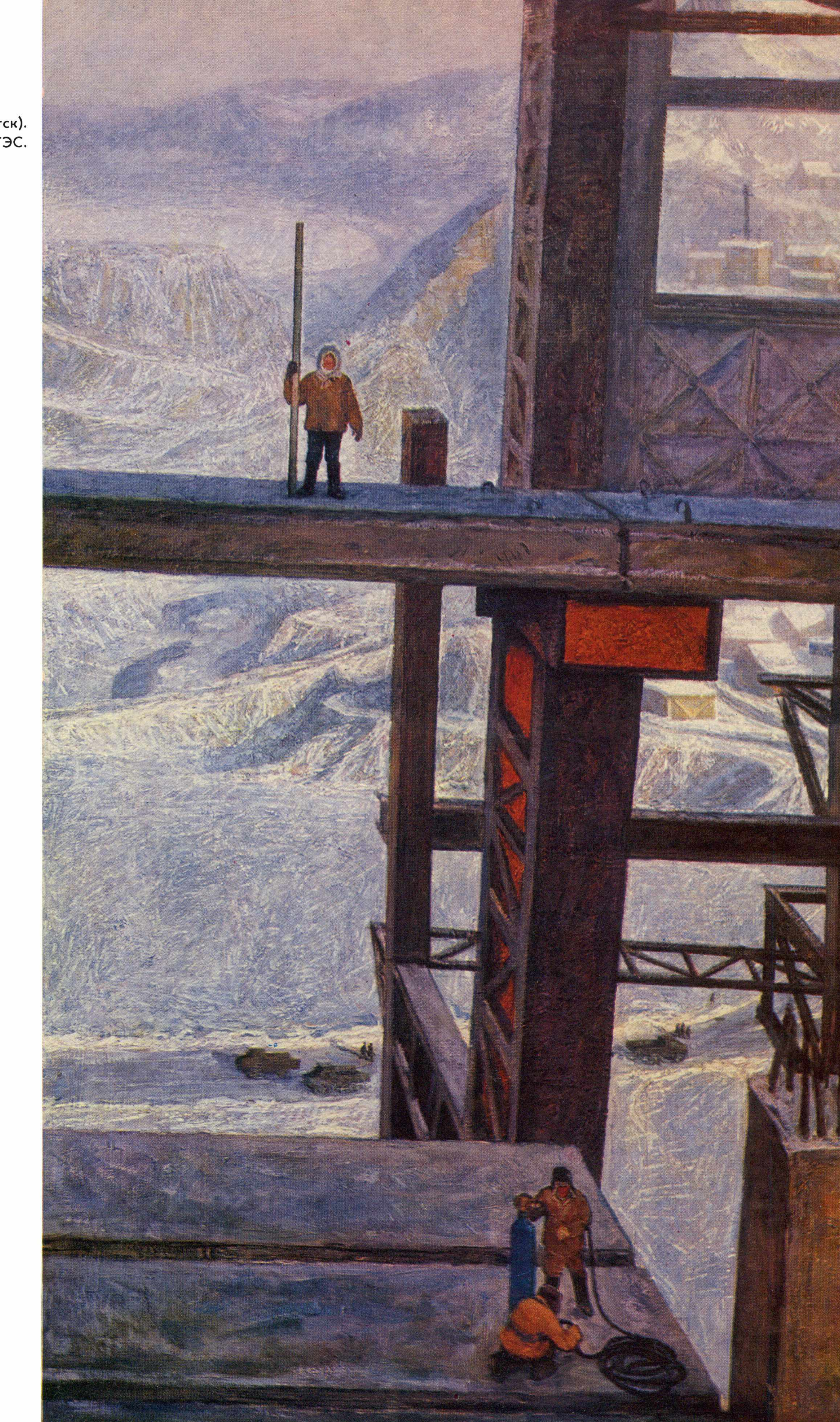
Этот же заказ выполняет и столичный монетный двор. Ленинградцы поручили работу над Почетным знаком самым лучшим, самым опытным специалистам. Вот слесарь-лекальщик Георгий Осипович Грабовский. Почти два десятилетия делает он сложнейшую оснастку — по ней создавались, например, кулоны из хрусталя. А сегодня — юбилейные почетные знаки, на изготовление которых идет золото, серебро, латунь, разноцветная эмаль. Помогают выполнять заказ и другие предприятия — ленинградский монетный двор, петродворцовый часовой завод и «Ленэмальер».

Вот он, первый юбилейный Почетный знак, только что собранный в цехах «Русские самоцветы».

Такой знак учрежден для награждения коллективов предприятий, колхозов, организаций и учреждений, добившихся наивысших результатов во Всесоюзном социалистическом соревновании в честь юбилея. Почетный знак будет вручаться на торжественных заседаниях, собраниях, митингах.

К. ЧЕРЕВКОВ,
фото Н. Ананьева.

А. Осипов (Якутск).
БУДЕТ ГЭС.

Н. ГЕТМАН (Магадан). ОЛЕНЕВОДЫ.

ОСЕНЬЮ В КАРНАБАТЕ

Николай БЫКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Болгария в самом начале осени! Теплый еще и прозолоченный солнцем и смелой акварелью виноградников воздух, теплые камни возле теплого моря, тепло рук и глаз новых знакомых, тепло встреч и проводов...

И еще беспокоящее чувство: как суметь рассказать обо всем увиденном? А показать добрым хозяевам хотелось многое. Потому и передача впечатлений, оставшихся после таких поездок, обычно пестра, мозаична.

И все-таки и все-таки... Дома надо ответить на десятки вопросов типа «ладно ль за морем, иль худо? И какое в свете чудо?» Так вот, чудес во всем свете теперь все меньше и меньше. И не чудо, а закономерность — бурное развитие Народной Республики Болгарии.

Цель поездки определена была задолго до пересечения границы — Карнабат, что неподалеку от Бургаса, портового и рабочего города на болгарском Черноморье. Почему же выбран был именно Карнабат? Земля слухом полнится! В Карнабате недавно создан аграрно-промышленный комплекс — АПК, один из самых больших в стране. Вообще же создание АПК является следующим этапом развития сельского хозяйства республики. Необходимость, так сказать, назревшая: без осуществления программы АПК нельзя перевести сельское производство на промышленные рельсы. Апрельский Пленум Центрального Комитета БКП 1970 года, а затем X съезд БКП разработали теоретические положения, указали пути осуществления научно-технической революции в сельском хозяйстве.

...Георгий Хынков, директор комплекса, старался как можно тактичнее выведать, какие пути привели меня именно в Карнабат. Я отвечал, что иду по пути памяти его московских друзей и дружеской привязанности.

— Да, да, конечно, — по-русски отвечал с внимательной улыбкой Георгий Хынков.

— Давно ли существует комплекс?

— Два года.

Мне было, конечно, приятно передать Хынкову приветы, кроме того, я рассчитывал на откровенность, хотелось поговорить по душам, и в поле — не за столом...

— Понимаю, понимаю! — Георгий поднялся. — Тогда в поле! У нас сегодня соревнование пахарей.

Карнабат — милый городок. Площадь в центре, от нее расходятся бульвары. Тихо, уютно.

А «Волга» уже летела сквозь золото полей! По дороге на то самое поле, где собрались лучшие пахари, Хынков рассказывал:

— Цель комплексов одна — внедрение промышленных методов производства. Концентрация площадей, поголовья, средств производства, денег и глубокая специализация...

АПК в Карнабате напомнил мне наши крупные аграрно-промышленные объединения, например, в Молдавии. Только в Болгарии нет головного предприятия, а создано управление. Это штаб специалистов и финансовых работников. Они и координируют строительные дела, программируют перспективные мероприятия по дальнейшей концентрации производства.

Карнабатский комплекс — один из самых крупных в Болгарии. Он объединил семь кооперативов и одно государственное хозяйство. Кооперативы и госхозы — две различные формы хозяйствования на земле. Но комплексы — это новый шаг в завтра.

— Сколько же всего земли?

— Сорок шесть тысяч гектаров. Нива занимает больше сорока тысяч. Виноградники и сады больше двух тысяч гектаров. Сеем пшеницу, ячмень, кукурузу, сахарную свеклу. У нас много коров, свиней, овец более шестидесяти тысяч, много птицы...

Я добросовестно записал, сколько в хозяйствах комплекса тракторов, зерновых и кукурузных комбайнов. Здесь около двухсот грузовых и сорок одна легковая машина, автобусы и четыреста автоприцепов.

Я поинтересовался, насколько рентабельны хозяйства.

— Об убытках не может быть и речи! В этом году произведено продукции на сорок два миллиона левов. Четвертая часть дохода пойдет на оплату труда. Комплекс имеет свою ремонтную базу, но капитальный ремонт производит государственный завод.

— А каковы людские ресурсы?

— Всего территорию населяют сорок шесть тысяч человек, из них половина члены кооперативов, или, по-вашему, колхозники, но трудоспособных восемь тысяч. Специалистов двести, около половины из них — с высшим образованием. Более семисот шоферов и трактористов.

— Георгий, — спросил я, — а велик ли управленческий аппарат?

— У меня два заместителя, шесть главных специалистов, включая юриста. В наших руках пять миллионов левов на год! Создан совет, в который входят все руководители предприятий. Что же касается принципа материального поощрения, то тут курс у нас такой: работа должна быть выгодной. Поэтому действует такой принцип: оплачивать труд только из суммы чистой прибыли. Таким образом, уровень рентабельности прямо отражается на уровне жизни. А рентабельность — это результат производительности труда. Ведь комплекс и создан, чтобы производительность резко возросла, значит, чтобы люди жили лучше. Кроме кооперативного и государственного фондов, у нас есть еще фонд экономического воздействия и помощи. Он может достигать и ста процентов запланированной в начале года оплаты на случай стихийного бедствия. Это полезный фонд — он дает гарантию!

...Соревнование лучших пахарей шло на поле кооператива «Путь к коммунизму» за околицей села Антимово. Поле ровное-ровное. Флажками разбито на загонки. Тут и участники соревнований и болельщики. Знакомые марки машин. Вот-вот прозвучит команда и взревут тракторы. Толпятся журналисты. Все знакомо!

К нам с Хынковым подошел высокий человек с пепельной шевелюрой; орлиный нос, за черными очками — острые глаза. Бригадир из Антимово Герой Социалистического Труда НРБ Ради Великов — он герой и этого года. Его бригада намолотила по пятьдесят три центнера пшеницы с каждого гектара.

— Пожалуйста, поболейте за моих! — пробасил бригадир.

Кооператив «Путь к коммунизму» выставил несколько человек, но главная надежда на Султанку Василеву. Султанку я уже видел — высокая, красивая, совсем молодая женщина. Василева — чемпионка Народной Республики Болгарии в прошлом году. Новый чемпионат начинается для нее снова здесь, за околицей родного села Антимово.

И гигант Великов, и веселый Хынков, и я, — все мы следим за трактором с большой звездой на радиаторе. Я приметил на нем три знакомых буквы — «АТЗ». Алтаец! На развороте, разгоняя болельщиков ревущей махиной, Султанка успела улыбнуться Хынкову — и снова в борозду. Ревут, захлебываясь, моторы. Зелень полей зеленеет на полотнищах государственных флагов.

Я вижу плакат «Състезание на найдобрите млади орачи». Вспомнился оратай древнерусский Микула Селянинович с сошенькой. Не его ли потомок сработал этот «АТЗ» в Рубцовске — за шесть тысяч километров от Бургаса, — тот самый, что ведет, как по струне, Султанка Василева?.. Далеко же ты пролегла, борозда нашего оратая!

Потом выпрягали тракторы из плугов, раздавали завтраки умученным трактористам и объявили (надо сказать, после долгого спора в судейском автобусе) победителей. Среди мужчин — Стойчо Димитров, среди женщин — Султанка Василева.

Георгий Хынков пожал им руки, и мы поехали.

— Заедем в Антимово, — предложил Хынков.

И я увидел идеальный механизированный ток антимовского кооператива. Это гигантский ангар с цементным полом, с несколькими подъездными путями. Внутри агрегаты для очистки зерна и семян любых зернобобовых культур. Рядом — мощная сушилка производительностью пятьдесят тонн за четыре-пять часов. (Кстати, очистка тоже высокопроизводительна. За смену — двести тонн!) А таких агрегатов три. Стоимость «ангара» из сборного железобетона побольше ста тысяч левов.

— Будем строить такие комплексы и в других хозяйствах, — объяснял Хынков. — Здесь кооператив специализируется на семеноводстве.

Потом директор повез на виноградник. Какой же болгарин упустит случай похвастать золотой лозой! Мне показали массив в пятьсот гектаров. А рядом пашня, где скоро высадят лозу еще на двухстах гектарах.

Вот такие могучие плантации — гордость и Хынкова и всех бургасских виноградарей, которые уже сейчас собирают по сто центнеров винограда с гектара при средней себестоимости центнера в двенадцать левов. Я обратил внимание, что лозу здесь не привязывают. Вдоль столбиков протянуты две проволоки, а куст держится между ними. Весной женщины проходят вдоль шпалеры и заправляют лозу между поддерживающими проволоками. Все другие операции в междурядьях механизированы — высота кустов рассчитана так, что специальные тракторы, как на ходулях, проходят над шпалерами.

А Хынков, очень довольный произведенным эффектом, направил машину в село Зимин — на строительство свиноводческого комплекса в кооперативе имени Георгия Димитрова. Я сразу понял: этот комплекс — его козырь.

...Комплекс накануне ввода в строй. Административное здание, столовая, кормозавод и ряды кор-

пусов. Откормочники. Их, кажется, более двадцати. Так что за год здесь будут откармливать до сорока тысяч свиней. Все семь кооперативов приняли долевое участие в строительстве. Государственный банк предоставил кредит на восемь лет. Высокая механизация, рациональная организация труда, кормление по науке — все это должно повысить доходы пайщиков. Технико-экономический расчет обещает снизить себестоимость одной тонны свинины до шестисот шестидесяти левов. А расчеты базируются на реальных урожаях в этой зоне. Например, животноводство развивается в расчете на среднегодовую урожайность зерновых не менее сорока двух центнеров с гектара.

Мы с Хынковым довольно долго уясняли: каков же все-таки урожай в здешних кооперативах? Дело в том, что болгары считают урожай на килограммы с д е к а р а. Декар — десятая часть гектара. Мы долго переводили с «болгарского» на «русский», и у нас получилось, что осенью этого года кооператоры Карнабатского комплекса взяли в среднем (восемь хозяйств!) почти по сорок три центнера пшеницы с гектара, по сорок одному — ячменя, почти по сорок — кукурузы и по четыреста — свеклы.

Объединение хозяйств по принципу природно-экономического родства с учетом традиционных соседских связей оказалось выгодным для всех. Жизнь комплекса за два года из стадии эксперимента перешла в стадию наращивания производственных мощностей. Виноград, свиноводство, семеноводство. А есть здесь еще и знаменитые помидоры, известные у нас, во Франции и в других странах-покупательницах. В сложном хозяйстве Карнабатского комплекса действует консервный комбинат. Здешний салат из перца «Кликач» пользуется шумной славой, а слава дает большой доход. Почти девяносто процентов этого салата идет на экспорт!

— Но все это только начало,— предупреждает Хынков.

И я записываю: «Все это только начало, а к 1975 году площадь под виноградником увеличится в д в о е».

— И еще запиши: четыре тысячи гектаров займут виноградники...

— Когда?

— Лет через десять...

Директор любит мечтать. Но то, что он мне рассказывает, не мечта, а строки из перспективного плана развития АПК. Не случайно у директора самые тесные связи с НИИ зерна. Не случайно его специалисты выхлопотали семена наших лукьяненковских пшениц «Аврора» и «Кавказ». Я заметил себе, что уже в этом году обеспеченность животноводства кормами очень высокая — до девяноста процентов потребности!

Георгий Хынков познакомил меня с председателем кооператива имени Георгия Димитрова. И я узнавал в чертах грузного, немногословного Желязко Георгиева такие родные черты своих хороших знакомых на Алтае, на Кубани и в Курской области.

А рядом, совсем рядом шумело море. И тысячи автомашин останавливались у самой полосы пенного прибоя, и веселые загорелые люди кидались в волны. А потом все это разноязычное племя выходило на берег и разбредалось по бесчисленным прибрежным ресторанам и кафе. Аппетит у туристов отменный, и болгарский крестьянин добродушно усмехается:

— У нас на всех хватит! Земле нужен мир, а стол у нас большой, прочный.

София — Москва.

КАК З ЭТУ

Лариса ЛАТЫНИНА,
заслуженный мастер спорта,
заслуженный тренер СССР

II

27 АВГУСТА, НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ДО НАШЕГО СТАРТА

Все 120 участниц соревнований разбиты на пять потоков — два утренних и три вечерних. Девятнадцать команд. Сильные, послабее и слабые. Впрочем, все эти градации очень относительны. Нам ясно одно: основные наши соперницы — гимнастки Германской Демократической Республики. Так сложилась ситуация в последние годы. Если вспомнить, и раньше спор за золотые медали всегда вели две команды. В пятьдесят четвертом и через два года, в Мельбурне, мы вели спор с венгерскими девушками. С пятьдесят восьмого начался десятилетний спор с чехословацкими гимнастками, а два года назад, в Любляне, в борьбу за золотые медали вступила команда ГДР...

Вновь я возвращаюсь в прошлое. Первенство мира в Любляне. Перед поездкой в Югославию мы собрались на Черноморском побережье. Оля Корбут прилетела в Адлер с опозданием. Доставить ее в Леселидзе попросили человека, не имеющего отношения к гимнастике. Может быть, он не очень хорошо представлял себе возраст Корбут, а может быть, галантность входила в его принципы, но так или иначе, Оля появилась в гимнастическом зале, размахивая маленьким чемоданчиком и большим букетом цветов. Прибежала ко мне с письмом от своего тренера Ренальда Ивановича Кныша и цветами. Я прочитала «строгое» письмо и сказала:

— Цветы надо поставить в воду. И можешь сходить посмотреть море.

— В море я уже искупалась и свои цветы поставила, а это ваши, Лариса Семеновна.

— Ведь подарили цветы тебе?

— Да. Но разве я не могу подарить, кому хочу?

С Ольгой все ясно: она готовится к Любляне как первая запасная — седьмая в команде. В контрольных соревнованиях разыгрывалось место восьмой в команде — второй запасной. За последний билет в Любляну спорило трое: Эля Саади, Таня Щеголькова, Русико Сихарулидзе. Три девочки жили в одной комнате и крепко дружили. Когда Сихарулидзе выиграла соревнование Таня и Эля подбежали к ней, обняли, поздравили. А через час я нашла победительницу на берегу моря плачущей во всю мочь.

— Ты что, Русикоша?

— Ничего. Просто так, Лариса Семеновна.

— Нет, просто так, дорогая, таких слез не проливают.

— Мне девочек жалко, Таню и Элю. Я поеду, а они останутся.

— А девочки что говорят?

— Они меня утешают,— всхлипнула победительница.

И все же запасные это не такая уж сложная проблема. Но приходит день, когда надо расставить по местам шесть основных участниц. Жесток в этом отношении наш прекрасный вид спорта. В гимнастике лидеры выступают последними, и давно известно, что к ним судьи щедрее. Сколько бы ни было разговоров о равных шансах всех в команде, приходится проставить порядковые номера выступлений в каждом виде гимнастического многоборья. Вот они, цифры, от первой до шестой. Сложите их — и обладательница наибольшей суммы — это и есть лидер команды, по оценке тренеров. А чем меньше сумма, тем больший «огонь на себя» вызовет гимнастка.

Дебютантка Тамара Лазакович получила сумму 4. Пожалуй, на другую она и не могла тогда рассчитывать. Но вслед за ней уготовано выступать олимпийской чемпионке Ларисе Петрик, и здесь же, в первом эшелоне, чемпионка Европы шестьдесят девятого года Оля Карасева. Конечно, это богатство команды, когда такие гимнастки экстра-класса начинают первыми. Но легко ли им самим от такого изобилия талантов?

Цифры, количественные показатели, столь милые исследователям спорта. Вроде они отвечают на вопрос «кто есть кто?» в гимнастике. Нет, отвечают люди, а их расставлять в команде очень трудно, хоть старшей из них двадцать три года, а младшей — шестнадцать. Названы порядковые номера, и наступает трудный день, когда «я хочу», «я не могу» сталкивается с императивным «ты должна». Ох, как это нелегко!

Лариса Петрик молчит, сидит на берегу моря, бросает камешки, смотрит на расходящиеся круги. Все уже сказано, и ответ получен:

— Ты капитан команды, Лора, покажи пример.

А Оля Карасева? Она как будто восприняла все как нужно. Кого же ей ругать? Судьбу? Только себя! Сорвалась два раза — и на первенстве и на Кубке. Сама же сорвалась. И лидеры не безгрешны. Им «авансировали» преимущество. И Зина Воронина, и Люба Бурда, и Люда Турищева понимают: надо оправдывать доверие в Любляне. Зина вскоре после рождения сына начала тренироваться, и, как всегда, легко и непринужденно. К обычным разговорам о доме добавились рассказы о Димке.

Димка растет не по дням, а по часам, и Зина так же быстро подходит к пику формы. А Люба и Люда? Вот кто получил наибольшие стартовые суммы — 19 и 20. А ведь два года назад в Мехико они начинали. Перед этим первенством Люба Бурда и Люда Турищева — сильнейшие в стране. Вынесут ли они груз лидерства?

Да, это не всем ясно. После Мехико лишь одного человека не стало в нашей команде. Непосвященный скажет: выбыла одна гимнастка — заменили другой, ну, переставили кой-кого местами. И что же, команда та же? Нет! Новая команда. Признанного всеми лидера нет, заслуги и силы многих равны. Всем неспокойно. В том числе и тренерам. Здесь, дома, вроде роздали «всем сестрам по серьгам», а что получим в Любляне? Несколько лидеров — много риска.

Все это мы обсуждаем в Леселидзе, хотя все хорошо знают, что ответ на вопрос, удалось ли сформировать настоящую команду, выдержит ли молодежь, будет получен только на чемпионате.

* * *

Любляна. В последние часы перед стартами в респектабельных стенах «Салона» царит небывалое оживление. Коричневые панели под

Продолжение. См. «Огонек» № 49.

ОВУТ ДЕВОЧКУ?

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ О БОЛЬШОЙ КОМАНДЕ.

дуб, и серые ковры, и тихие голоса диссонируют с оживленными стайками гимнасток. Вестибюль отеля — темная рама, обрамляющая картину, полную ярких красок молодости, трепетного ожидания.

Начинается наш спор с немецкими девушками, которые еще совсем недавно гостили у нас в Леселидзе. Критический момент первого дня — первый подход Тамары Лазакович к бревну. Журналисты комментировали эти минуты так: «Нервы у советских гимнастов отнюдь не железные. Выступление на бревне чуть не закончилось катастрофой. Шестнадцатилетняя Лазакович, которая дебютировала на чемпионате мира, допустила два падения, что вывело из равновесия всех ее подруг».

Да, команду изрядно зашатало тогда на бревне. Почему Тамара упала? Почему именно в равновесии действует цепная реакция неудач, из-за которой наша команда после первого дня на втором месте да и преимущество Люды Турищевой в личном зачете невелико?

Первые ответы тренеров просты и категоричны: мы зря заставляли гимнасток двигаться «на носочках». Нас не было рядом — и это самая крупная ошибка. Нельзя было везде ставить Лазакович первой.

Эти первые ответы не содержали главного ответа — что делать, чтобы команду не лихорадило на следующий день. И потом, как успокоиться самим?

Писать о бессонной ночи тренеров, пожалуй, не принято, как и о предстартовой лихорадке спортсменов. Все это тривиально. Но тривиальные эти явления существуют и будут существовать вечно, как и спорт. Ночью в номере сидят двое — Викентий Дмитриев и Владислав Растороцкий. Ученица первого потеряла все шансы на личный успех, ученица второго имеет все шансы стать чемпионкой мира. И... первый тренер успокаивает второго:

— Ты, Слава, не волнуйся. Люда выступит во второй день, как надо.

— Знаешь, Викентий, у меня было три талантливых девочки в группе. Про одну я говорил: «Будет чемпионкой страны». О другой: «Ее место в сборной». А про третью: «Из нее тоже что-нибудь да получится». Вот третья-то и была Люда Турищева.

— Получится, Слава! Все получится!

Нравятся мне их отношения. Внешне они люди полярно противоположные. Невозмутимый, даже флегматичный Дмитриев, с тихим голосом и таким же смехом, и порывистый, экспансивный, громкоголосый Растороцкий. Лед и пламень? По сути, вряд ли. Но поддерживать и дополнять друг друга они здорово умеют. Так было и в Леселидзе и в Любляне. И в 1971 году в Минске, на Кубке Европы, когда их ученицы, соперничая, поделили все золотые награды поровну...

Когда я твердо поверила в победу команды? Тогда, когда увидела лица наших тренеров перед вторым днем соревнований. Они смотрели на помост в «Хала-Тиволи» уверенно и твердо, как хозяева положения.

— Ничего не произошло,— так сказали мы девочкам.— Просто перед произвольной программой у нас на одну десятую меньше. Может любая из вас отыграть эту одну десятую.

Все молчали, но мы знали, каждая про себя твердит: «Да, я могу». А личное первенство? Карин Янц или Люда Турищева? В Ландскруне верх одержала Янц. По неписаной традиции почти всегда чемпионка Европы через год становится и чемпионкой мира или Олимпийских игр. В нечетный год одна медаль, в четный — вторая.

После Кубка Европы шестьдесят девятого года обозреватель весьма авторитетной спортивной газеты «Экип» Ноэл Куэдель утверждал: «Это может скоро и очень скоро сделать Янц недосягаемой. Янц является типом гимнастки будущего».

Я глубоко уважаю Карин Янц. Но я не могла не поспорить с Куэделем, тем более что в этой же статье омоложение «элиты мировой гимнастики» он связывал с наступлением новой эры «чемпионок-куколок».

Париж, где издается «Экип»,— законодатель мод, но не в спортивной гимнастике. Я возражала: «С таким заключением я решительно не согласна. Кто победит? Да разве можно ответить на этот вопрос заранее? Без одухотворенности, интеллектуального начала, женской красоты не может быть подлинной большой гимнастики. Поэтому я не верю в то, что когда-нибудь наступит эра «гимнасток-куколок». Поэтому я глубоко верю в то, что наша команда сумеет доказать обратное».

Вот и пришло время доказывать — в Любляне. А теперь это уже страница в гимнастической летописи. Что заносили в нее тогда по горячим следам? Напряженный поединок между двумя соперницами, Янц и Турищевой, продолжался до последней минуты. На последнем снаряде Янц постигла досадная неудача, которая отбросила ее на четвертое место. А в это время Турищева выходила на ковер, сияющая, счастливая. Она уже не думала ни о соревнованиях, ни о судействе и с большим вдохновением исполнила свою произвольную комбинацию. Оценка 9,9 балла явилась лишь формальной. Бревно решило и участь команд. «Мужественно проявили себя советские спортсменки. Победа досталась им, причем заслуженная победа» — это «Чехословенски спорт». А вот оценка газеты, представляющей интересы наших подруг-соперниц, «Дойче Шпорт-эхо»: «Двойной триумф советских гимнасток оказался превосходным. Заслуженно превосходным, так как в час испытаний они сумели показать высокие результаты и продемонстрировать отчаянные, рискованные упражнения».

Мужественно, отчаянно, рискованно!.. Что же скрывать, приятно читать это об изящных гимнастках. А в те минуты? Вспоминаю свой разговор с одним из тренеров, когда шли состязания на бревне.

— Я закрою сейчас глаза. И ты мне ничего не говори. Буду слушать. Охнет зал, значит, все пропало.

— А если зал охнет от восторга?..

Вот разговор абсолютной чемпионки мира Людмилы Турищевой на следующий день с конструкторами гимнастического оборудования.

— Каким бы вы хотели видеть бревно?

— Каким? Ну хотя бы в два раза шире.

Любляна... Что еще на этой странице? Тогда я с удовольствием читала в той самой газете «Экип», что недавно вещала о «гимнастках-куколках», о «девочках, которые покинут сцену до того, как достигнут расцвета».

«Кроме технического совершенства, у советских гимнасток есть что-то, что называется грацией, легкостью, свежестью. И то, что все это оценивается в баллах и десятых балла, отступает на второй план. Важно, что они превращают гимнастику в искусство, в универсальный вид спорта, который представляет собой смешение строгой дисциплины, освоения отдельных элементов и творчества. Для советских гимнасток «укрощение» снарядов — давно пройденный этап. Теперь они открывают нам все новые возможности. Это настоящие исследователи».

...Наконец-то после Любляны у нас опытная, закаленная команда, но почему же в семьдесят первом залихорадило тех, кто был уже испытан и в Дортмунде, и в Мехико, и в Любляне?

Потому что в семьдесят первом ушла из сборной Лариса Петрик? Казалось бы, вчера мы встретились с ней в Киеве, где она стала абсолютной чемпионкой страны. Вчера? Семь лет назад! А затем непрочными стали в сборной позиции Оли Карасевой и Зины Ворониной.

Для одних слова «молодежь наступает» — привычная фраза из газетного отчета, а для других она наполнена реальной и не очень приятной сутью: ты должна бороться. И, как ни горько, отступать. И Ольга и Зина проигрывают первенство и Кубок семьдесят второго года. Я надеюсь на последние контрольные соревнования в Минске. Очень надеюсь.

— Лариса Семеновна,— говорит мне один из тренеров,— вы больше хотите Олиной и Зининой победы, чем они сами.

Конечно, это — преувеличение. Они сами очень хотели победить, но не смогли, а для старшего тренера, который никого из гимнасток не тренирует, все члены сборной и кандидаты должны быть равными — и здесь ничего не возразишь. Все это так. Но мне хочется верить, что я не прощаюсь с Зиной и Олей, а расстаюсь с ними на время.

Да, так или иначе, а на XX Олимпийские игры приехала команда, в которой лишь две гимнастки выступали на прошлой Олимпиаде и лишь три соревновались в семидесятом на первенстве мира. И все же я верю, что это та же команда, которая после Дортмунда решила никому не уступать...

И вот мы в мюнхенском Шпортхалле, залитом очень ярким светом, звучащем переливом баварских колокольчиков. Последние минуты. Хочу отвлечься. Пытаюсь посмотреть на девчонок глазами зрителя. Белые купальники, красные сумочки. Хорошо! Что бы там ни говорили, но элегантность, вкус входят в стиль гимнастики. Однако это не главное. Главное в мастерстве, и оно не позволяет нам смотреть на гимнастический помост со стороны. Последние горячие секунды слетают с циферблатов, как магнезия с ладоней гимнасток. Полина Астахова выводит команду СССР к первому снаряду. Мы смотрим на прямоугольник основания брусьев, к которым подходит Эля Саади. Начался отсчет минут, секунд, баллов, десятых, сотых...

В Минске на контрольных соревнованиях все снаряды были тех же фирм, что и в Мюнхене. Так же расставлены. И зрителей хватало. Но модель есть модель. Впрочем, и чисто внешне не все совпало. Помост в Мюнхене оказался ниже стандартного. Электрическое освещение в четыре раза выше нормы: один-

Команда СССР на мюнхенском помосте. Справа налево: Полина Астахова—выводящий тренер, Эльвира Саади, Любовь Бурда, Тамара Лазакович, Людмила Турищева, Антонина Кошель, Ольга Корбут.

надцать с половиной тысяч счастливцев, попавших в Шпортхалле, должны видеть все отлично. И миллионы телезрителей тоже. Но это не такие уж разительные отличия. А вот судьи! Судьи здесь не те, что в Минске. Победителям жаловаться не принято. Все же сошлюсь на прессу хозяев Игр. «На этот раз служительницам Фемиды следовало бы снять повязки, а не завязывать их покрепче, когда выступали русские гимнастки. Право же, их смелость заслуживает иного» — так писала «Мюнхен — Меркур». Комментировать эти строки, относящиеся к судейству не только в первый день, не буду. Думаю, что это убедительно сделал Международный Олимпийский комитет, который уже после соревнований дисквалифицировал кое-кого из судей.

И все же лидерство у нас. Но сколько волнений! На следующем снаряде — бревне — картину могу воссоздать лишь по рассказам и протоколам. Да, как и в Югославии, я не выдержала и закрыла глаза. Постыдная слабость? Принимаю упрек! Когда открыла глаза, увидела уже шестую в команде — Люду Турищеву, выполнявшую приземление после прыжка с поворотом. Приземление, мягко говоря, было не очень удачным, но все же потерь не так уж много.

После обязательной программы выигрываем у хорошо выступающих девушек из ГДР почти два балла. В какой-то мере это результат того, что у шахматистов называется «домашней заготовкой». Ведь в семьдесят втором наша обязательная программа заметно приблизилась к произвольной. Мы получили от Международной федерации лишь набор элементов, из которых строили комбинации обязательной программы. Выходит, наша интерпретация убедительна.

Вот два разговора из многих между первым и вторым днями соревнований.

Ко мне подбегает, подпрыгивая, черноволосая, хрупкая Эля Саади.

— Ой, Лариса Семеновна, правда, мы хорошо выступили? Скажите же, правда, здорово? Вы похвалите? А уж произвольную пройдем! Вот увидите, как соберемся! Отлично пройдем!

Множественное число. Но я понимаю, Эля говорит о себе! Ее тренер Владимир Филиппович Аксенов подготовил прекрасную гимнастку для сборной страны. Это произошло через пятнадцать лет после того, как команду покинула землячка Эли — Галя Шамрай.

Теперь можно сказать, что у нас было немало споров о месте Саади в сборной. Даже после того, как она выиграла две золотые медали на чемпионате страны.

— Физическая подготовка не та. Сомнительная кондиция. Сейчас взлет, а что будет в Мюнхене?

Что же, бывает в гимнастике и так. Я и сама иногда повторяю запомнившиеся мне поэтические строки: «Кто бывает весною горласт, тот без голоса к лету останется». Но... Эля, хрупкая, пластичная и действительно без атлетической закалки, показала настоящий бойцовский характер. Поэтому она здесь. Я киваю ей, щебечущей от радости: не подвела команду! Только не думай, что ты уже чемпионка Олимпийских игр.

А вот грустные глаза Люды Турищевой. После первого дня она проигрывает Тамаре Лазакович две десятых, Карин Янц — одну. При новой формуле, когда абсолютный чемпион определяется после трехдневных состязаний,— совсем немного, но я понимаю, что Люде неудобно начинать разговор на такую тему и неудобно спрашивать, не волнуюсь ли я.

— Люда! Впереди еще два дня. Не раскиснешь же ты из-за такой мелочи! Подумаешь, неудачно выполнила прыжок на бревне. Да ты же все умеешь в произвольной! Все можешь!

Люда, как всегда, слушает очень серьезно и задумчиво кивает.

...И снова Шпортхалле. После произвольной программы решится судьба золотой медали за командное первенство. Команда — неизмеримо больше, чем шесть хороших гимнасток. Да, это так. Как бы ни менялся ее состав, кто бы ни стоял на правом и на левом флангах, традиции сохраняются... Собрать все силы для команды, когда тебе невыносимо трудно,— таковы традиции нашей сборной.

...Дважды ошиблась Тоня Кошель в произвольной программе. Вначале на вольных, а потом на брусьях. Впереди упражнение на бревне. Тоне уже ничего не добиться в личном зачете. Как тяжело это — еще не осмыслив, пережить, а сейчас ей — первой в команде — выступать на бревне. Упражнение в равновесии. Как часто в решающие минуты равновесия не хватает.

Нет, не буду закрывать глаза. «Тошка, Тошка, держись,— шепчу я,— не подведи». Где-то рядом со мной волнуется еще больше, чем я, тренер Тони — Виктор Хомутов. Удержится девочка? Ах, этот брусок! Давно надо его реконструировать!

Тоня любит петь. И все упражнение она вы-

Фото Дм. Бальтерманца.

полнила, как спела,— без единой фальшивой нотки! Для места Антонины Кошель во втором десятке личного зачета эта оценка не имела значения, а для команды СССР она была очень важна.

А вот для Тамары Лазакович личная оценка во второй день значила очень много. Но есть у нас еще одна традиция: сначала все для команды, потом для себя... Железную выдержку, неуступчивый характер мало кто сразу разглядит в беленькой, стройной, миловидной девочке. Да еще когда на лице ее кроткая улыбка. Однако тот, кто видел близко ее светлые глаза, тот мог прочесть в них: «Не дрогну, не уступлю».

...Снимали художественный фильм «Новенькая». Был там такой эпизод: на тренировке сборной безымянная Лазакович встретилась на бревне с новенькой гимнасткой.

— Тебе надо показать одним взглядом, что этой новенькой ты не хочешь уступить, и не только на бревне. Вообще ни одной позиции,— объяснял режиссер Тамаре.— Сможешь?

— А чего же тут хитрого,— хмыкнула она и сыграла себя.

А вот уже не кино. В конце семидесятого года мы выступали в Японии. На первых соревнованиях в Нагои девочки, как водится, изрядно волновались. Разминка. Лазакович на бревне и явно не собирается освобождать его для Любы Бурды. Люба встревожена: ей начинать, и может не хватить времени, хоть какнибудь опробовать снаряд.

— Лазя! Живо с бревна! Это тебе не кино,— шепнула я.

Она сделала еще один шаг и спрыгнула, безоблачно улыбаясь. И вот в Мюнхене она уступает заранее. Кому? Команде! В произвольной программе мы не имели права исполнять больше четырех одинаковых прыжков из двенадцати (каждая участница прыгает дважды). Четыре хорошо разученных прыжка «сгиб-разгиб» достались Эле Саади, Люде Турищевой и два — Оле Корбут. У Тамары очень сложный, новый прыжок — переворот вперед с поворотом на триста шестьдесят градусов.

Викентий Дмитриевич Дмитриев говорит, как всегда, тихо, но я вижу: взволнован.

— Надо бы подстраховаться. Один прыжок заменить на «сгиб-разгиб».

Прав ли он? Вероятно. Ведь сейчас Дмитриев просит не только за ученицу, но и за лидера чемпионата! Но это будет пятый одинаковый прыжок, и с командного результата снимут три десятых балла. Конечно, теперь после победы можно сказать: что нам были три десятых — вон сколько выиграли! А тогда перед коварными снарядами такой смелости не было. Рисковать командной медалью? Я смотрю на Викентия, и он вздыхает. Он же не только тренер Тамары Лазакович — он тренер сборной команды СССР.

— Пойдем посмотрим, как она прыгает.

И мы идем в разминочный зал и смотрим, как Тамара прыгает с поворотом на триста шестьдесят градусов.

Конечно «сгиб-разгиб» надежнее, и Тамара это понимает, и я, и Дмитриев. Но команда есть команда!.. И вот на соревнованиях этот поворот дважды подвел Тамару. Единственные ее ошибки за четыре дня выступлений! Так были потеряны сотые балла, без которых она не могла дотянуться до серебряной медали в многоборье. Сознательно потеряны! Ради команды! До сих пор я чувствую себя виноватой перед Тамарой.

Традиции команды. Они и в том, чтобы блестяще выступить там, где накануне мы споткнулись. Не отступать, а атаковать. Девушки из команды ГДР выступали на бревне раньше нас. Пожалуй, они решили не рисковать и кое-что исключили из произвольной комбинации. Трудностей и так хватало. Кажется, это было единственным отступлением сильной, слаженной команды. И оно не привело к успеху: три гимнастки грубо ошиблись. Что же, от этого никто не застрахован. Наше же решение: на последнем снаряде — этом сложном равновесии — продемонстрировать все, что было подготовлено, ни в чем не отступить. Я уже говорила о Тоне Кошель. Дальше пошло по нарастающей, и, когда приземлилась Люда Турищева, оказалось, что наша команда в этом упражнении набрала даже больше, чем в коронных наших вольных упражнениях. Впервые на моей памяти три участницы из одной команды получили в равновесии оценку 9,75.

Вот какие традиции есть у нашей команды. Вот почему августовским вечером в Мюнхене она готовилась занять место в центре олимпийского пьедестала.

Я не любила, когда в идиллических тонах писали о команде, в которой мне довелось выступать. Мы умели дружить, но, если речь шла не о главном, могли и ссориться. Мы были людьми с разными взглядами и характерами, и поступками, и недостатками. Но в одном мы были одинаковы: для победы отдавали все. Этим живет и команда семьдесят второго года, хотя и ее не надо рисовать одной розовой краской. Ведь это в нашей комсомольской команде два призера не поздравили победительницу — свою подругу.

— Неужели тебе не стыдно? — спросила я одну из виновниц.

— Сейчас очень.

— А тогда?

— А тогда обида, злость все затмили.

Нет, это была не зависть, а спортивный азарт. И все равно не будет у нас больше такого! А вообще от ошибок кто застрахован...

Команды идут к пьедесталу. Сейчас вручат золотую медаль сборной СССР. Трансфокаторы приближают к многомиллионной аудитории шесть девичьих лиц. Всевидящее око телевидения высвечивает усталые и счастливые улыбки.

В первый раз звучит на XX Олимпийских играх наш гимн и поднимается вверх алый стяг.

(Окончание следует)

УКРАИНА

ПОСЛЕДНЕЕ ЗВЕНО

Все литейщики мира знают, что самая тяжелая операция в их работе — заливка металла в форму.

В Институте проблем литья Украинской Академии наук под руководством В. П. Полищука создана серия магнитодинамических насосов для перекачки металлов. Работой украинских ученых-литейщиков заинтересовались фирмы США, Англии, ФРГ и других стран.

Эти насосы уже работают на конотопском заводе «Красный металлист», на Московском заводе по обработке цветных металлов, в Ленинграде, Волгограде, Киеве. Качество литья значительно улучшается, снижается расход металла, облегчается труд рабочих, повышается его безопасность. На некоторых заводах, как, например, Киевском мотоциклетном и имени Лепсе, решено полностью перепланировать литейные цехи, потому что применение новых насосов позволяет значительно повысить производительность оборудования. А способность насоса выдавать металл заранее заданными точными порциями позволяет обращаться с ним как с автоматом для продажи газированной воды: нажал кнопку — и порция металла в форме.

С. КАЛИНИЧЕВ

На снимке: В. П. Полищук наблюдает за работой нового насоса.

●

РСФСР

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ

Куйбышевская фабрика щипковых музыкальных инструментов. Ровным перезвоном циркульных пил наполнен цех.

Лучистый клен, резонансная ель, кавказский орех, груша, красное дерево — все это отличный материал для гитары. Но надо еще знать, как правильно положить слой древесины, подобрать его по плотности, по звукопроводности. После такой сортировки заготовки обрабатываются на специальном станке.

Во втором цехе идет полная сборка гитар. И наконец отполированный, поблескивающий лаком инструмент проходит свою последнюю операцию. На каждую гитару ставят и натягивают семь струн. Раньше эта работа требовала много времени, потому что ее выполняли вручную. Теперь это делается с помощью специального электрического приспособления. За одну минуту можно поставить и натянуть струны на двух-трех гитарах.

Спрос на куйбышевские гитары постоянно растет. Поэтому коллектив здесь старается как можно чаще обновлять ассортимент, выпускать инструменты первоклассного качества.

97 тысяч 340 гитар с куйбышевской маркой получили любители музыки в прошлом году, а в нынешнем коллектив обязался выпустить их 110 тысяч!

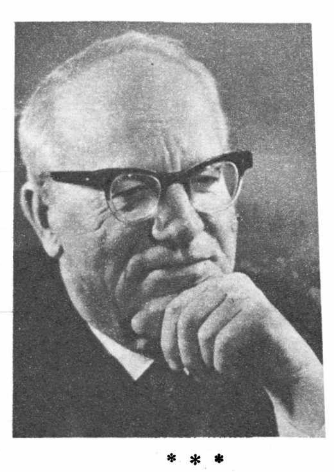
П. ЯРКИЙ

На снимке: сборщица гитар Валентина Терентьевна Чанаева.

Фото автора.

Из будущей кни

Петрусь **БРОВКА**

* * *

Певцу необходим шалаш
Для снов, для строк неспетых.
У каждой птицы свой этаж
Среди надежных веток.

И я живу в краю лесном,
Мир озираю оком,
Как аист, выстроивший дом
На дереве высоком.

Гляжу с привычного поста
На все, что есть и будет.
Видны и глубь, и высота,
И люди,
люди,
люди.

* * *

Люблю рассвет. Но в дымной мгле
Тревожно полыхнул восход.
Должно быть,
солнце,
на земле
Ты много видело невзгод.

Края, где смерть, пожары, бой
Тебе обозревать пришлось.
Ты обогнуло шар земной
И словно кровью налилось.

* * *

Что изменилось
В самом деле?
Ты крепок, пишутся стихи.
Но годы на лице сумели
Запечатлеть твои шляхи,
Твои успехи и грехи.

Ты, как и прежде,
Щедрый, добрый,
Всем увлекаешься сполна,
Но век оставил свой автограф —
Уже сутулится спина,
Сплошною стала седина.
Ты не сдаешься,
Ты храбришься,
Но посреди привычных дел
Однажды в зеркало вглядишься
И, ощущая свой предел,
Вздохнешь печально:
— Постарел...

* * *

В глухую пору неудач
Не до улыбок нам.
Скорбим.
А у ребенка — смех и плач,
Одно сменяется другим.

Лицо дитяти, омрачась,
Светлеет на виду у всех.
Бежит слеза,
И в тот же час,
Как солнышко, восходит смех.

О, жизнелюбие детей!
Нам поучиться бы у них:
Всплакнуть над горестью своей
И засмеяться в тот же миг.

* * *

Неужто это прежде было —
Лучина, жернов, цеп, соха?
Да, это память закрепила
Строкою давнего стиха.

Мы время сталью подковали,
Добыли мир, тепло и свет.
Уже мы в мыслях побывали
На космодромах всех планет.

Мы только так, а не иначе
Живем — все ярче, все смелей.
Гляжу кругом — под стать задаче
Растут и силы у людей.

И сам я, словно бы из стали —
Сын времени, — живу, дышу.
Отцы лишь для себя пахали,
Я — всем служу, для всех пашу.

РЕКА

Из родника
Течет река
Вдоль ивняка
И тростника,
Еще узка,
течет река.

Сквозь шорох трав
И шум дубрав
Кружит поток
Среди осок,
Как поясок,
обняв песок.

Из рощи к ней
Спешит ручей,
Она все шире
И полней,
Уже челны
на ней видны.

Среди берез
Я с нею рос,
Я с детских дней
Привязан к ней,
По ней плыву,
пою, живу.

Река не раз
Вела рассказ.
И я готов
Под гул годов
Всегда, везде
внимать воде.

Под плеск весла
Она несла
Дубки, плоты,
Мои мечты,
И песни жней,
и смех детей.

А в дни беды
Поток воды
Разбух от слез,
Он молча нес
И кровь, и пот,
и груз невзгод.

Но вот врагов
От берегов
Погнали мы,
Как лед зимы.
Вновь широка,
звенит река.

Звени, струя —
Судьба моя!
Я рад опять
Волне внимать.
Журчи и пой,
а я — с тобой.

* * *

Есть у эпохи облик свой,
Свое понятье высоты.
Вздымались, помню, над Москвой
Кресты, кресты, кресты, кресты.

Над белым городом церквей,
Особняков и кабаков,
Слепя картинностью своей,
Горели сорок сороков.

И, как высотности предел,
Далеко видимый окрест,
Над каждым куполом блестел
Массивный золоченый крест.

Но позади рубеж времен,
Кресты почти перевелись,
А наши звезды со знамен
Взлетели в праздничную высь.

Подняв эпохи потолок,
Горят созвездия везде.
Крест накренился и поблек,
Вершину уступив звезде.

МОРЕ

Слово звучно, как з о р и
Или г о р ы. Тот же лад.
М о р е!
Дай мне бросить, море,
На тебя прощальный взгляд.

Волны в яростном разгоне
Лихо скачут напролом,
Словно вороные кони,
Белогривые притом.
Кто возносит их все круче?
Ураган с бичом в руке
То поднимет их до тучи,
То расстелет на песке.

Волны, волны!
Как непросто
Угадать, с какой из них
Попрощался я, исхлестан
Градом капель штормовых.

* * *

Стремленье к жизни —
Аксиома.
Но мы не вечны — в этом суть.
И, вероятно, оттого мы
Готовы Землю попрекнуть.

— Прости, — мы говорим
планете,—
Ты заслужила наш упрек:
Мильоны лет живешь на свете,
А нам отводишь малый срок...

* * *

Поэт в раздумье день-деньской,
Весь — поиск и горение.
Но ведь бывает и такой,
Что зря потеет над строкой —
Не клеится творение.

Как сочетать простор и бор,
Бруснику с голубикою?
Бедняга миру шлет укор,
Сердито теребит вихор,—
Мучение великое.

Приятель, твой запал нелеп.
Не по тебе профессия.
Ты жаждешь славы, ты ослеп.
К чему терзаться?
Сеять хлеб —
Вот высшая поэзия!

* * *

Ложь возникает постепенно.
Она, раздавшись вдоль и вширь,
Из-за угла, из грязной пены,
Как мыльный выплывет пузырь.

А шутники, те без раздумий
Обидят человека зря:
Своим хихиканьем раздуют
Пустую сущность пузыря.

Но, если истина живая
Коснется вымысла того,
Он лопнет, брызги устремляя
На всех, кто выпустил его.

* * *

Тщеславье.
Горше нет мучений.
Я знаю. Был знаком с одним,
Который уверял:
— Я гений!
Я славен, я незаменим!

Шумел. Писал легко и много.
Все думал — на века,
Гордец.
Ушел. Прикрыли некрологом.
И всей известности — конец.

СПАСИБО ВАМ

1

Многократное спасибо
Вам, поля и огороды,
За ломоть ржаного хлеба,
За ячмень — наварим пива!

Ги

Вам спасибо, луговины,
Вы стадам столы накрыли,
Чтоб сметаною свекольник
Забелили мы, а бульбу
Шкваркой сдобрили хрустящей.

2

Многократное спасибо
Скажем бору и дубраве
За чернику и орехи,
За нашествие грибное
Во главе с боровиками,
За шатры из колкой хвои,
Нас укрывшие в ненастье,
Послужившие подспорьем
Для засады партизанской.

3

Многократное спасибо
Вам, ручьи, озера, реки,
Что поили нас в походе,
Промывали наши раны.
Вы купальской мирной ночью
Нам несли венки и песни,
А весною ваши воды
Нас, мальчишек, приучали
Не страшиться океана.

4

Многократное спасибо
Вам, дороги и тропинки,
Где бродили мы с друзьями,
Где подругам в миг свиданья
Нежные слова шептали.
Вам спасибо. В мир широкий
Вы нас вывели когда-то,
А позднее из похода
Привели домой со славой.

5

Многократное спасибо
Солнцу, радугам и зорям,
Освещавшим нам дорогу,
Согревавшим нас лучами,
Освежавшим нас грозою,
Чтоб росли мы и мужали.
А когда сгущалась полночь,
Звезды густо высыпали,
Чтобы нам с пути не сбиться.

6

Многократное спасибо
Вам, стремительные ветры,
Что лицо нам овевали
И охлестывали спину,
Расправляя наши крылья,
Закаляя для невзгоды.
А когда мы улетали,
Вы нам вести приносили
От родных и от любимых.

7

Многократное спасибо
Хатам, пахнущим живицей,
Укрывавшим колыбели
От жары и от мороза,
Собиравшим для беседы
Сверстников и побратимов,
Снаряжавшим нас в дорогу
В горьком памятном июне
И встречавшим в День Победы.

8

Многократное спасибо
Говорим всему, что было,
Что навеки остается
И привязывает к жизни.

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

МОЛОДЕЕТ СЕЛО СТАРИННОЕ

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

Триста лет назад наш далекий предок поставил на берегу Ангары, рядом с тунгусской юртой, свою первую избу. И пошло расти село. Назвали его Кежмой. Из этого глухого сибирского села даже в царскую армию не брали. Деды наши были безграмотны и забиты. «А что, паря, большой город Россия?» Такой вопрос задал однажды двадцатилетний житель Кежмы ссыльному революционеру...

Сегодня в кежемской средней школе учится почти девятьсот детей. Десятки выпускников нашей школы ежегодно переступают пороги вузов. Многие возвращаются назад дипломированными специалистами и навсегда остаются в родном селе.

Все изменилось в старом сибирском селе. А вот архитектурный его облик в общем-то остался прежним. Куда ни брось взгляд — сплошное дерево. На фоне крестьянских изб с резными наличниками элегантные легковые автомобили выглядят необычайно колоритно. Их у нас в селе больше тридцати.

Все приметы нового в сибирском селе не перескажешь. Вот два-три примера.

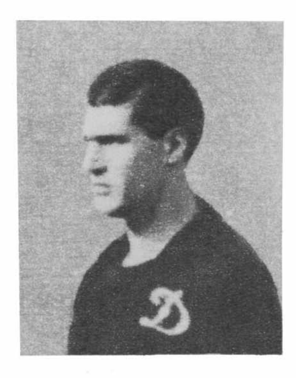
Еще несколько десятилетий назад передвижение по району было чрезвычайно трудным делом. Летом с реки постоянно доносился скрип уключин: по Ангаре в разных направлениях медленно двигались лодки. Теперь весла вытеснены лодочными моторами. А недавно у кежемской пристани бросил якорь пассажирский теплоход «Заря». Открылась постоянная линия между Кежмой и соседним, Богучанским районом.

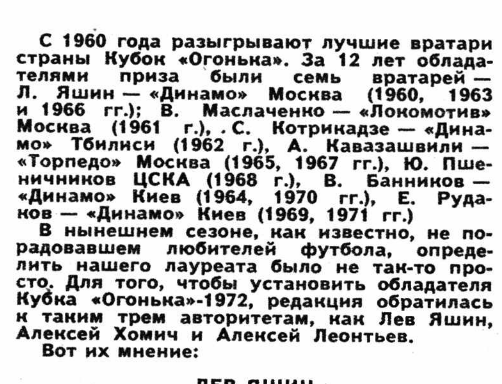
Внесли свой вклад в сельские новинки и связисты: на улицах установили телефоны-автоматы. Появились у нас и комфортабельные автобусы. Больше всего обрадовались пожилые люди: село-то растянулось на шесть километров.

Но, пожалуй, самое значительное событие последнего времени — это открытие в селе детской музыкальной школы. Ребята занимаются там под руководством квалифицированных преподавателей. Вот вам и глухомань!

П. УСОЛЬЦЕВ,
сотрудник районной газеты «Советское Приангарье».

КУБОК «ОГОНЬКА» У РУДАКОВА

С 1960 года разыгрывают лучшие вратари страны Кубок «Огонька». За 12 лет обладателями приза были семь вратарей — Л. Яшин — «Динамо» Москва (1960, 1963 и 1966 гг.); В. Маслаченко — «Локомотив» Москва (1961 г.), . С. Котрикадзе — «Динамо» Тбилиси (1962 г.), А. Кавазашвили — «Торпедо» Москва (1965, 1967 гг.), Ю. Пшеничников ЦСКА (1968 г.), В. Банников — «Динамо» Киев (1964, 1970 гг.), Е. Рудаков — «Динамо» Киев (1969, 1971 гг.)

В нынешнем сезоне, как известно, не порадовавшем любителей футбола, определить нашего лауреата было не так-то просто. Для того, чтобы установить обладателя Кубка «Огонька»-1972, редакция обратилась к таким трем авторитетам, как Лев Яшин, Алексей Хомич и Алексей Леонтьев.

Вот их мнение:

ЛЕВ ЯШИН

С «сухими» вратарями можно встретиться разве что в легендах. Потому и требовать от вратарей безошибочной игры просто невозможно. Каждый, кто стоял в воротах, на себе испытал капризы спортивной фортуны. Особенно она подводит нашего брата в тот момент, когда разлаживается игра команды. Тогда число ошибок вратаря возрастает: ведь нервы его не стальные, и он является членом терпящего неудачи коллектива. Если с этими мерками подойти к игре Евгения Рудакова в нынешнем сезоне, то надо признать, что даже на фоне ухудшенной игры киевского «Динамо» он почти весь сезон продолжал оставаться прежним Рудаковым, сильнейшим среди наших вратарей.

АЛЕКСЕЙ ХОМИЧ

Были ли ошибки в игре Евгения Рудакова в прошедшем сезоне? Да, были. Но у кого их не было? Однако ошибка ошибке рознь. Если они вызваны плохой спортивной формой вратаря, то с него и ответ, но если ошибки возникают потому, что у вратаря не выдержали нервы, спрос с тех, кто играет рядом с ним.

В чемпионате 1972 года Рудаков пропустил мячей в свои ворота больше, чем в 1971 году. Но ведь блеск «серебра», добытого ныне киевским «Динамо», не может скрыть крупных недостатков в игре команды. И естественно, что Рудаков был не в состоянии своим мастерством компенсировать слабости в игре защитников. И все же в большинстве матчей он играл так, как и подобает лучшему вратарю страны.

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВ

Общепризнано, что советская школа вратарей — лучшая в мире. Известно и то, что хорошие вратари у нас в стране не переводятся. Но вот требования к ним все время растут.

Рудаков играл почти во всех основных матчах сборной СССР и еще раз доказал свое мастерство. Нет нужды характеризовать его игру во всех поединках. Напомню лишь о некоторых.

Трудно сложилась для нашей команды встреча на чемпионате Европы со сборной Югославии. Зарубежная пресса была единодушна: счет 0 : 0 — в первую очередь заслуга советского вратаря, он сыграл блестяще!

После окончания полуфинального поединка чемпионата Европы с командой Венгрии советские футболисты бросились к Рудакову, чтобы расцеловать героя матча, взявшего в переломный момент одиннадцатиметровый, пробитый венгром Замбо.

А вот как оценил игру Рудакова в финальном матче с командой ФРГ французский обозреватель Ж. Ферран: «Сборная СССР на этот раз имела лишь вратаря Рудакова и капитана Хурцилаву». Как же хорошо надо сыграть вратарю, чтобы в проигранном матче, да еще со счетом 0 : 3, получить такую оценку!

Редколлегия «Огонька» согласна с мнением знаменитых стражей ворот. Таким образом, наш приз будет вручен вратарю киевского «Динамо» Евгению Рудакову. Он вслед за Львом Яшиным стал трехкратным обладателем Кубка «Огонька».

1700 КИЛОМЕТРОВ ПО ИСПАНИИ

Новелла ЦВЕТКОВА
Специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

Из Парижа в Барселону самолет летит меньше часа. Мысль о том, что сейчас я увижу Испанию, вызывает в памяти далекие воспоминания.

...В комнате бабушки на верху старого шкафа — тайник. О его существовании знают двое — я и мой дядя Олежка. Дядя на шесть лет старше меня, и потому я беспрекословно подчиняюсь его приказу — молчать про тайник. Там Олежка прячет карту Испании, мотки парашютной веревки, пузырьки похищенной у бабушки «арники» и самое главное — настоящие пули, завернутые в носовой платок. И я жду не дождусь, когда же мой дядя наконец соберет все, что ему нужно, и уедет воевать в свою Испанию.

Но Олежке досталась другая война. Он прошел ее от начала до конца солдатом-пехотинцем и, вернувшись, привез бабушке шинель, простроченную пулями. Долго висела она в том самом шкафу, где когда-то был испанский тайник.

А теперь другой мальчишка в нашем доме «болен» Испанией и завидует, что туда еду я, а не он. В московской школе, где учится мой сын, испанский преподают с первых классов, и на школьных вечерах ребята читают бессмертные строки Гарсиа Лорки на родном языке поэта, погибшего от рук фашистов в те дни, когда наш Олежка собирался в Испанию.

Много лет прошло с той поры. Мальчишки Испанской республики стали отцами мальчишек Испании наших дней. Какая же она сейчас, эта страна? Самолет идет на снижение. Внизу Барселона!

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Страны, как и люди,— с одной только познакомился и сразу на «ты», другая церемонно держит тебя долго на расстоянии, третья, что ни день, кажется новой, но самое первое впечатление о стране порой бывает самым верным.

Мысленно «пробегаю» свой первый день в Барселоне.

...Неподалеку от гостиницы, где мы остановились, газетный киоск. Любезный старичок продавец перечисляет страны, пытаясь угадать, откуда сеньоры.

— Из России? Неужели правда? О, прошу вас, передайте советским людям, что мы относимся к ним с большой симпатией!

...Знаменитость города — средневековый собор. Озаренные пламенем свечей немногочисленные ряды верующих на скамьях. Пожилой мужчина шепчет молитву, положив рядом элегантную трость, рядом с ним старушка, одетая по-крестьянски, во все черное, и девушка в модном брючном костюме. Гулко шагают по каменным плитам туристы. Они выходят из собора, не обратив внимания на многозначительную надпись у входа: «Хосе Антонио Примо де Ривера с нами!» (Речь идет об основателе испанской фаланги — фашистской партии.— Н. Ц.) Щелкают затворы фотоаппаратов, запечатлев каменное кружево собора и двух полицейских у входа. Кого или что они здесь охраняют?

...Ее зовут Мария-Испания. Я познакомилась с нею, я увидела ее танцы, услышала ее песни и поняла, почему люди так называют Маруху Гарридо.

«Лос Тарантос» — не совсем обычное традиционное кафе-концерт. Здесь на маленькой эстраде живут возрожденные народные песни и танцы народной Испании. Девчонки из ансамбля, гордые, как королевы, выходят одна за другой на зов гитары. Вихрем взметнулись оборки пышных платьев. Смотрите, это же «сегидилья» — танец, родившийся в Ла-Манче два века тому назад! А теперь андалузская «чакона», пылкая, горячая «сарабанда». И в этом ярком, выразительном мире танца царила, именно царила, она, Мария-Испания. То озорная, веселая девчонка из народа, то чопорная сеньора, она самозабвенно и щедро дарила то, что было главным ее богатством — любовь к танцам и песням своей Испании.

Мы прошли к ней за кулисы, и она сердечно встретила нас, расспрашивала о Советском Союзе, говорила о том, что была бы счастлива встретиться с советскими зрителями.

— Сколько же лет тебе было, когда ты начала танцевать, Мария-Испания?

— Я танцую с тех пор, как научилась ходить,— ответила она.

Это теперь у нее слава и награда — Национальный приз за лучшее исполнение народных песен, награда «Золотая гитара», полученная на конкурсе в Италии. В четыре года она плясала на улицах, и прохожие кидали ей монетки, в восемь Маруха помогала матери торговать на рынке, в десять она мыла в казармах полы, стирала солдатское белье. Потом была тяжелая работа на каучуковом заводе, полуголодная жизнь в Мадриде и скитания вместе с большой семьей из города в другой. Случайная встреча с руководителем группы «Лос Тарантос» круто изменила ее судьбу. Уже став звездой, Маруха Гарридо научилась писать и читать. Но многим ли повезло так же, как ей?

...И еще одна встреча — на Рамблас. Этот бульвар, окаймленный платанами, тянется через весь центр города к порту. Цветочный рынок, клетки с попугаями и аквариумами, сувенирные киоски, кафе — все вмещает в себя Рамблас. Но больше всего здесь книг: роскошные издания и дешевые — из «карманной серии», они грудой лежат на прилавках. Я шла от одного прилавка к другому и с радостью встречала книги Маяковского, Достоевского, Горького, Толстого, Шолохова.

ДОМ СОВЕТСКОЙ КНИГИ В БАРСЕЛОНЕ

Оказывается, есть такой дом, и его адрес — авенида Сан Антонио, 326, квартира 12 — известен многим крупным издательствам страны. Там знают также, что все дела в этом доме ведет сеньора Лина Видаль, но далеко не всем известно, почему этим занялась именно она.

...Худенькая, энергичная женщина идет по улицам Барселоны и рассказывает, как родилась эта идея — создать агентство по рекламе советской книги.

Двадцать лет прожили Лина и ее муж Аугусто в Советском Союзе, который стал для них второй родиной. А когда вернулись в Испанию, Аугусто взялся за переводы русской классики и советской литературы. К ним в дом почтальоны постоянно носили посылки с книгами, их собралось столько, что шагу негде было ступить.

— И вот тогда мы подумали: нужно вынести эти книги из дома, нужно предлагать их издательствам. Я много лет преподавала в московских институтах, так неужели же теперь я должна сидеть сложа руки, когда могу помочь испанцам лучше узнать страну, где прожиты наши лучшие годы? Договорились с «Международной книгой», что я буду им помогать. Целый год пришлось искать подходящую квартиру для агентства. Нужен был непременно высокий

●

От зари до зари трудится в поле крестьянин-арендатор.

Площади испанских городов заселены королями, но порой им приходится потесниться. Памятник Изабелле Кастильской и Христофору Колумбу.

Коррида — живописная и неотъемлемая черта испанской жизни.

Только что окончилась церковная служба, и разговор пошел о делах житейских.

Утро в Валенсии. Ну что там нового в газетах?

...И стоят в пыли дорог на пути туристических автобусов расписные кувшины, блюда, ослики, сделанные из соломы умелыми руками.

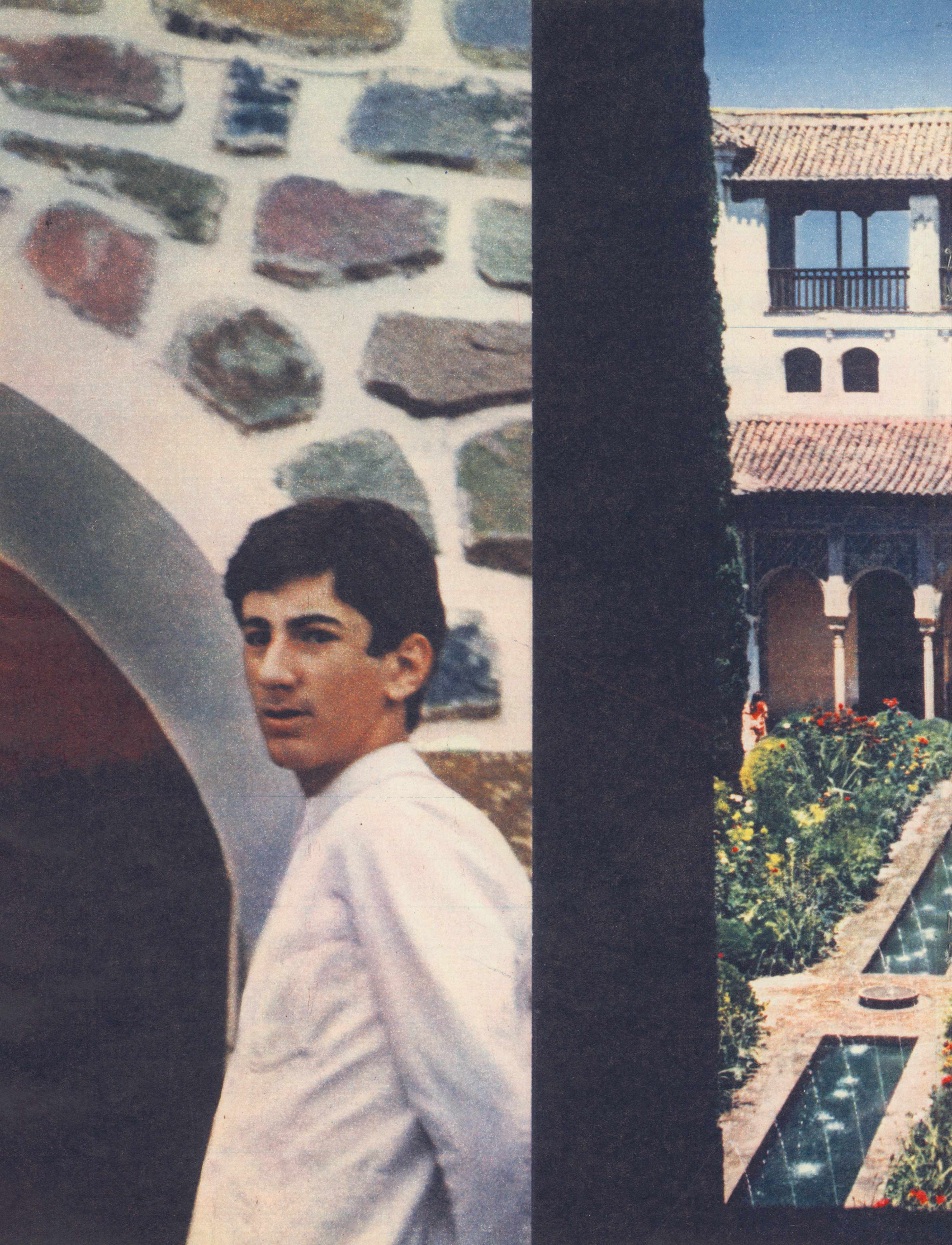
На развороте вкладки:

Ему исполнилось шестнадцать, и он уже помогает семье зарабатывать на жизнь, служит в гостинице.

На одном из холмов Гранады высится Альгамбра — красный дворец, построенный маврами.

В полуденный зной.

J. ROUANET
CALLISTA
FOTOCOPIAS
EN EL ACTO
DE PLANOS
MOTRIZ

helados

этаж: молодчики, которые называют себя членами организации «Крест Христа», уже много раз громили витрины книжных магазинов, торгующих книгами прогрессивных авторов, устраивали налеты на некоторые издательства.

Мы вошли в подъезд многоэтажного современного дома, поднялись на лифте. Лина достала из сумочки ключи и — вот он, дом советской книги. Скромная комната, вдоль стен стеллажи. Книги по кибернетике, химии, художественная литература.

Спрашиваю у хозяйки этого дома, как идут дела.

— Как раз сегодня я подписала договор об издании нескольких советских книг издательством «Мартинес Рока», а всего в этом году уже подписано одиннадцать договоров. «Лайя» хочет познакомить читателей с «Педагогической поэмой» Макаренко и книгой Луначарского «О народном образовании». В «Дестино» уже переведена трилогия Симонова и книга Медведева «Сильные духом». Сейчас Аугусто переводит для них рассказы об Отечественной войне, и среди авторов — Юрий Бондарев.

Я рассказываю Лине о встречах на бульваре Рамблас. Она кивает головой.

— О, в Испании очень популярны эти авторы. Большим тиражом ежегодно издаются Тургенев, Пушкин. Молодежь раскупает Маяковского. Его революционный стих отвечает ее настроениям. В прошлом году одно мадридское издательство выпустило «Мистерию буфф», и она тотчас же исчезла с прилавков магазинов.

— Кто же в Барселоне больше всего издал советских авторов?

Лина Видаль заглянула в свою картотеку:

— Издательство «Планета». Там сейчас новый издатель — Хосе Мария Ларра. Это делец, учитывающий конъюнктуру: он видит, что на растущем интересе испанских читателей к советской литературе и особенно к технической литературе сейчас можно хорошо заработать.

— А нельзя ли познакомиться с одним из местных издателей?

— Можно. Поедем к Карлосу Барралю!

Но в издательстве Барраля не оказалось. Секретарша в мини подала нам ледяную газированную воду.

— Сеньор Барраль позвонил, что задерживается в полиции.

Лина вздыхает: «Уж не случилось ли чего? Карлос собирается в Латинскую Америку, и, может быть, ему отказали в визе...»

Поэт и издатель Карлос Барраль происходит из богатой, уважаемой в Барселоне семьи. Студентом он участвовал в забастовках. Позднее, возглавив солидное издательство «Сейкс и Барраль», где объединились капиталы двух состоятельных католических семей, он первым после войны начал издавать книги, запрещенные цензурой. Молодая интеллигенция узнавала из этих книг о новых литературных течениях за рубежом. Барраля часто штрафовала цензура. В конце концов пришлось порвать с семьей и партнерами по делу, не разделявшими его взглядов.

Волнения Лины были напрасными. Интервью с Карлосом Барралем состоялось.

— Что читает сейчас Испания?

— Десять и двадцать лет назад испанцы предпочитали художественную литературу, написанную на испанском и каталонском языках, а также переводные произведения. Но надежды читателей оказались обманутыми, потому что на книжном рынке не было произведений испанской классики, популярной в тридцатых годах. Тогда читатели обратили свое внимание на современную литературу. Однако в последние годы этот интерес ослаб, уступив место увлечению книгами на темы философии, социологии.

— Как вы представляете себе главного читателя?

— Я думаю, это люди среднего возраста, в основном так называемой «свободной профессии». К этой группе я отнес бы читателей старше пятидесяти, занятых интеллектуальным трудом. Кроме того, в последние годы с появлением недорогих книг «карманной серии» высокохудожественного уровня появилась новая и очень перспективная группа читателей. Это молодежь с университетским образованием.

Последний вопрос был традиционным — о планах.

— Я опубликовал много книг советских авторов. Как издатель, я предполагаю и дальше знакомить читателей с советской литературой. Как поэта меня волнуют многие темы современной жизни, и, я надеюсь, у меня еще есть время для того, чтобы успеть написать задуманное.

В ТУРИСТСКОМ РАЮ И НА ЗЕМЛЕ

Серые камни, охра земли, зелень олив — три цвета Кастилии. Здесь, на этой земле, стоит город, вобравший в себя все очарование ушедшего времени. Толедо. Бывшая столица Испании, город Эль-Греко, он точно сошел со старинной гравюры. Крепость-дворец Алькасар. И ни одной новой улицы! В старой части города запрещено строить дома из новых камней. Зато тут можно увидеть воочию чередование веков. Город окольцован стенами, которые возводили готты, римляне, арабы. Три эпохи, три мира.

Пожалуй, нигде в Испании не встретишь такого количества продавцов сувениров. Кажется, будто в этом городе люди вовсе не живут, а приходят сюда лишь продать веер, кастаньеты, шпагу. Есть такая испанская поговорка: «Если у тебя завелись деньги, поезжай не колеблясь в Толедо». Тот, кто был там, может добавить: «И ты вернешься без денег!» Разве не соблазнишься купить знаменитые толедские клинки или женские украшения, отделанные серебряной и золотой чеканкой?

Но настоящее вавилонское столпотворение в доме Эль-Греко. Туристы дышат в затылок друг другу, переходят из комнаты в комнату, наступая на пятки. Они созерцают обеденный стол художника, созерцают зеленую бархатную подушечку, на которую он вставал коленями при молитве. Созерцают и перекликаются: «Жозефина, мы тут!», «Мишель, не отставай!», «Марта! Где же Марта?» Наконец вместе с толпой мы вываливаемся в сад, и гид торжественно произносит:

— Сеньоры, над вами небо, которое видел Греко!

Тридцать четыре миллиона населяют Испанию. Двадцать семь миллионов иностранных туристов прошли по ее земле в прошлом году. Как сообщило недавно Министерство информации и туризма, в этом году число путешественников перевалило уже за 28 миллионов. Ну, что же, все идет по плану. А в плане экономического развития, представленного на рассмотрение кортесов (парламента) предусмотрено, что в 1980 году Испанию посетит... 50 миллионов туристов. Поступления иностранной валюты за счет туризма увеличились с 297 миллионов до 1 680 миллионов долларов.

Классический туристический маршрут по югу и побережью — своеобразная витрина страны. Здесь отличные шоссейные дороги, вдоль которых густо высажены рекламные щиты. Надписи на английском, французском, немецком языках предлагают путешественникам кемпинги, отели, даже участки земли для строительства собственных вилл. И рекламный частокол делает свое дело. Респектабельная француженка, летевшая с нами из Парижа, в те минуты, когда рот ее не был занят едой, убеждала мою соседку, профессора-искусствоведа из Ленинграда, как это выгодно — купить землю в Испании.

Туризм прокладывает новые дороги, он строит вдоль побережья курортные города и кормит многие испанские семьи.

В сфере обслуживания туристского сектора занято около тридцати пяти процентов населения страны. Гид зарабатывает больше учителя. В Гранаде мы встретили инженера-геолога. Он рассказал, что, вернувшись на родину из Советского Союза, долго не мог устроиться по специальности и зарабатывал тем, что водил экскурсии по городу.

— Туризм в Испании поставлен на отлаженный и механизированный конвейер,— говорил он.— Толпы иностранных путешественников кочуют строго по определенным маршрутам. Перевалочные пункты — соборы, замки, экзотические развалины. И многие уезжают из этого туристского рая, так и не ступив ни разу на землю...

В Гранаде, в мавританском замке Альгамбра, гиды подробно рассказывают о кружевном мраморном потолке в спальне султанши. А ведь в Гранаде, в этом туристском раю, два года назад была крупнейшая в стране забастовка рабочих-строителей. В Барселоне в тот самый день, когда нас повезли в музей-деревню, где собраны все виды испанских жилищ, сто рабочих забаррикадировались в церкви маленького окрестного городка Сан-Хуан-Деспи. Они протестовали против решения дирекции завода «Фениксброн» уволить их с работы.

Всего же за первую половину этого года в забастовках приняло участие 160 тысяч человек. Видно, на земле не для всех райская жизнь...

— Графики забастовок появляются теперь в газетах так же регулярно, как метеорологические сводки,— объяснял мне адвокат, работавший в одной из крупных фирм в Мадриде.— Ведь нынешним экономическим развитием страна обязана главным образом людям труда. Однако рост стоимости жизни сводит на нет все прибавки, которые они время от времени получают. И рабочие бастуют, хотя забастовки по-прежнему запрещены законом.

Мы сидели на бульваре, рядом с площадью Монклоа, которая вошла в историю Испании кровавыми событиями мая 1808 года. Очевидец тех дней Франциско Гойя оставил потомкам одно из знаменитых своих полотен.

— Да, это было именно здесь,— продолжал мой собеседник, просивший не называть его имени.— Французы расстреляли на этой площади испанских патриотов, поднявшихся на борьбу. И тот, кто хочет понять современную Испанию, должен помнить о ее прошлом, не забывая и о том, что католицизм является государственной религией.

Присутствие церкви в этой стране ощущаешь на каждом шагу. Куда ни нацелишь фотоаппарат, в объектив попадает то сутана священника, то скромное платье монашки. Официальная статистика утверждает, что в стране двадцать шесть тысяч «слуг божьих». Я встречала их в дорогих магазинах и на рынках, где они торговались с азартом бедняков. В Севилье в отеле за ужином моими соседками по столу оказались школьницы лет 10—12, которые путешествовали в сопровождении монахини.

— Влияние церкви на испанца начинается уже с детства,— объяснял мой собеседник.— В нашей стране еще велик процент неграмотных, не хватает школ, учителей, и большая часть школ, особенно в сельской местности, церковные. Многие родители вынуждены отдавать детей в религиозные учебные заведения еще и потому, что в Испании обучение в начальной и средней школах платное, а это не каждому по карману.

...«Слуги божьи» озабочены: с каждым годом все большая часть населения, и прежде всего молодежь, выходит из-под влияния церкви. Но католицизм еще во многом определяет характер современного испанца и образ его жизни. Мы проезжали маленькие провинциальные поселки с бедными, побеленными известкой домишками, и единственной нарядной постройкой была церковь. В Севилье и ныне ежегодно проходят самые известные в Европе религиозные шествия, так называемые «страстные недели». В эти дни людские толпы проносят по городу церковные реликвии весом в несколько тонн, украшенные золотом и серебром.

Считается, что нигде в мире нет столько богатств, сколько собрала их испанская церковь. В одной только Севилье 174 церкви и монастыря и в каждом богатая церковная утварь, которую вы можете посмотреть, заплатив несколько песет служителю. В кафедральном соборе Валенсии служитель сопровождал нас в каждый придел, открывая и закрывая на ключ специальные решетчатые двери. Как говорится, «береженого бог бережет», а золотая богоматерь, на изготовление которой ушло 100 килограммов золота, украшена 10 бриллиантами, и каждый из них оценен в 5 миллионов песет.

Испанская церковь — обладатель многих национальных реликвий. В знаменитом кафедральном соборе Севильи хранится распятие завоевателя Мексики Кортеса и уникальная библиотека, оставленная Христофором Колумбом. Пожалуйста, вы можете все это увидеть, заплатите 20 песет—и вы даже сможете посидеть в кресле кардинала в круглом зале, где дважды в месяц священники собора обсуждают свои дела. И «слуги божьи» учитывают эту арифметику: у входа висит объявление: церковная служба только до половины одиннадцатого утра.

●

Издали Толедо напоминает средневековую крепость.

Встреча на дорогах Андалузии. Вот так в селенья «сухой» Испании привозят воду.

А это типичная улочка провинциального городка в Каталонии.

Древние крепости, дворцы и монастыри — это летопись в камне, рассказывающая о богатой, многовековой истории страны.

Дорога проходит через испанское селение. Завидев остановившуюся машину, хозяйка лавчонки вышла навстречу: «Сеньоры, купите сувенир на память!»

В Андалузии особенно видишь ясно, как велики земные заботы испанцев. Здесь проживает одна пятая населения страны. Долгосрочные прогнозы повышения жизненного уровня Испании, которые содержатся в проекте 3-го плана экономического и социального развития, не случайно предусматривают большие перемены именно в этих местах.

— Проблемы! О, у нас их достаточно,— объяснял нам корреспондент местной газеты.— Андалузия бьет рекорды по числу неграмотных. Но главная забота — вывести провинцию из экономической отсталости. Около двухсот тысяч сельскохозяйственных рабочих ежегодно оставляют страну, потому что она не может дать им твердый заработок. Основной поток эмигрантов идет из Андалузии: жизнь постепенно уходит из деревень.

Мы проезжали эти осиротевшие сельские поселки. Узенькая улочка. Дома — окно в окно. На стульях у дверей старики и старухи в черном. Большая часть земли — в руках у крупных помещиков, а у крестьян — мелкие клочки наделов. Скромные батрацкие поселки автобус проскакивает за несколько минут, зато мимо владений земельных магнатов едешь полчаса, а то и больше. Некоторые поместья на севере провинции достигают десятков тысяч гектаров!

Богата земля Андалузии. Темные ряды апельсиновых деревьев на красной земле. Подернуто дымкой серебро оливковых рощ. Еще со времени арабов земля эта дает много апельсинов, хлопка, хлеба, маслин. Но именно здесь не первую сотню лет бедствует на жалком клочке земли испанский крестьянин. Здесь безземельные батраки собирают чужой урожай.

С одним из них мы познакомились в пути. Его зовут Франциско Караско. Он переспрашивает, действительно ли мы русские. Франциско арендует землю у одного «очень большого господина». Сколько ему приходится работать? «С рассвета до темноты». А заработок? «Мало, очень мало, сеньоры, хорошо еще, что дети помогают». Мы возвратились в туристский рай — в автобус с кондиционированным воздухом, а Франциско Караско долго махал нам вслед рукой.

«ХОРОШО, ЧТО ВЫ СТАЛИ К НАМ ПРИЕЗЖАТЬ!»

«Как относятся испанцы к нашей стране?» — спрашивали меня друзья и знакомые по возвращении из Испании.

...Валенсия. В нарядном особняке маркиза дос Агуас, казалось, остановилось прошлое: надменные дамы под кружевными зонтиками сидят в раззолоченных выездных каретах. Крестьянка в костюме XVI века стоит рука об руку с супругом. Пожилой сотрудник этого музея прикладного искусства и керамики, узнав, что мы из Советского Союза, повел нас на второй этаж, на выставку старинных гравюр.

— К сожалению, русских гравюр у нас нет,— сказал этот человек, которому очень хотелось для нас сделать что-то приятное.— Но посмотрите вот эти, венгерские, и, пожалуйста, передайте советским людям слова нашей сердечной симпатии!

...В Мадриде на корриде молодая семья бурно переживает перипетии боя с быком. Еще бы, ведь на арене дебютирует их родственник, новичок-бандерильеро. Но, узнав, что рядом с ними советские люди, они тут же включают в обсуждение этой новости друзей, сидящих на соседней скамье. Нам пожимают руки: «Вы здесь, в Испании? Вот это здорово!»

...Аликанте — курортный городок. Нас останавливает пожилая пара. Ему лет семьдесят, опираясь на палку, он ходит с трудом. Она тоже немолода, одета прилично, чувствуется достаток. И это действительно так: трое сыновей-адвокатов преуспевают в Мадриде.

— Мы с мужем спорили, откуда вы? Он утверждает, что из Скандинавии.

— Мы из Советского Союза.

— Вы из России? — удивленно переспрашивают оба.— Как же это хорошо, что вы стали к нам приезжать!

...В Севилье я была свидетелем встречи двух советских врачей со своими коллегами в медицинском городке «Святая Росио».

— Наш городок — прообраз будущего медицинского обслуживания в нашей стране. Таких пока единицы,— объяснял директор Хуан Бермудо де ла Роса и показывал схему размещения в городке медицинских учреждений. Но разговор от географии тут же перешел к арифметике.

— Сколько стоит больничная койка в день?

— Около двух тысяч песет.

— Кто же ее оплачивает? Средний заработок рабочих, судя по статистике,— 7—8 тысяч в месяц.

— Мы заключаем контракты с владельцами предприятий. И они ежемесячно отчисляют деньги на содержание городка. Кроме того, сами рабочие ежемесячно вносят в страховую кассу 12 процентов от зарплаты.

Испанские врачи тоже задают вопросы: «Сколько стоит лечение в Советском Союзе?» «Как? И переливание крови у вас бесплатное?» «Ну, а частные клиники, они у вас все-таки существуют?»

— Конечно, нам нужно чаще встречаться,— говорит, прощаясь, директор.— Мы рады, очень рады контактам с советскими врачами, потому что с большим интересом относимся к вашей стране.

Но, пожалуй, больше всего мне запомнились две встречи в Мадриде. Антонио Буэро Вальехо. Драматург и писатель, имя которого известно не только в Испании, но и за ее пределами. Его пьеса «Сон разума» посвящена Гойе.

Писатель пригласил нас в гости. Книги и картины заполняют этот дом. Живопись не просто увлечение драматурга. Когда-то он думал посвятить себя ей всерьез. В этой мадридской квартире я увидела альбомы, посвященные творчеству Репина, Серова, Кустодиева. Среди книг на почетном месте любимый писатель — Достоевский.

— Интерес к русской культуре в Испании давнишний. После 1917 года к нам пришли писатели новой, революционной России, и они оказали большое влияние на нашу литературу. Помню, еще юношей я зачитывался «Тихим Доном». Тогда же мы узнали Горького, Серафимовича. Советских художников здесь знают мало, а вот композиторы очень популярны...

Разговор заходит о толковании драматургом образа Гойи.

— Конечно, я избрал его героем пьесы не случайно. Это фигура огромная, чрезвычайно популярная здесь и по сей день. Франциско Гойя жил в трудные для Испании дни. Страх выгнал его с родины. Он, надломленный личной трагедией, был вынужден уехать, хотя следовало остаться в Испании и бороться против тирании вместе с народом. Страх — поражение человека в борьбе с собой. Но за этим поражением пришла победа художника. Он написал свой страх и потому победил его.

— Что хотели вы сказать названием пьесы — «Сон разума»?

— Когда разум спит, миром правят чудовища — это тема известной гравюры Гойи. Он создавал ее, понимая все сумасшествие мира. Но он верил в то, что судьба его народа будет лучшей, и эта вера заставила его искать выход из трагедии в творчестве. Он нашел этот выход и стал бессмертным.

А в следующий вечер, в другой мадридской семье, на другом конце города я услышала почти те же слова.

Франциско Альваресу 36 лет, а Виви Эскрива на три года моложе мужа. Два художника под одной крышей, два разных почерка. Яркая, буйная, сильная кисть Виви; будто вовсе и не женской рукой нарисована крестьянка, склонившаяся над жнивьем. И ошеломляющая гравюра Франциско — старуха в черном платье, усталые, потухшие глаза, натруженные руки праздно упали на колени. Гравюра в черных и коричневых тонах: «Все впечатления мира». Сюжет ее подсказали стихотворные строки поэта, умершего в тюрьме. Краски меняются, становятся светлыми, когда художник рассказывает о радостных минутах жизни человека. Мать, нежно улыбаясь, обняла малыша. Сельские мальчишки на лугу. Жнецы в желтом поле пшеницы. И снова черное и коричневое. Вьетнам...

— Я никогда не был в этой стране. Но художник не может быть равнодушен к тому, что там происходит. Там гибнут дети!

Его собственные малыши — дочка и сын — спят в соседней комнате. Их сон сторожат на стульях забавные куклы, сделанные ласковыми и умелыми руками Виви.

Человек из народа, его драма, его счастье и судьба — главная тема творчества этих молодых, талантливых художников. Франциско — мадридец, Виви родилась в Валенсии и выросла в семье художников. Откуда же к ним пришла эта тема?

— Искусство должно быть реалистичным, оно должно помогать людям понять окружающую их жизнь,— говорит Франциско.— Больно

ТОГДА, В СОРОК ПЕРВОМ...

«...Шел второй час ночи. Но и в эту позднюю пору в Днепропетровском обкоме партии, кроме дежурных и постовых милиционеров, оставались еще четыре человека: секретари обкома Леонид Ильич Брежнев, Георгий Гаврилович Дементьев и автор этих строк, а также председатель облисполкома Павел Андреевич Найденов.

Оставались мы, чтобы подписать и отправить в Москву сводки о ходе строительства некоторых объектов и выпуске важнейшей продукции. Такие сводки от бюро обкома, начиная с марта, требовали ежедневно. Мы знали, что эти сводки идут к И. В. Сталину, и проверяли каждое слово, каждую цифру...

Сводка от 21 июня по продукции выглядела благополучной, а вот данные по объектам, в особенности по аэродрому, строившемуся под Днепропетровском, нас сильно беспокоили...

— Если не возражаете, товарищи, я съезжу на аэродром,— сказал Л. И. Брежнев.— Проверю организацию работ на воскресенье.

— Может быть, утром?

— Лучше сейчас. Надежнее будет».

Так начинает свой рассказ о первых днях войны бывший второй секретарь Днепропетровского обкома партии Константин Степанович Грушевой. Этому трудному для нашей страны времени посвящены многие произведения литературы. Но это не мешает читать мемуары генерал-полковника К. С. Грушевого с глубоким интересом. Они дополняют, расширяют наше представление о подвиге, совершенном партией

К. С. Грушевой. Тогда, в сорок первом... Воениздат, 1972.

Ленина в борьбе за счастье и независимость нашей Родины. Константин Степанович Грушевой, исходя из личного опыта, повествует о той огромной организаторской работе, которую вел Днепропетровский обком партии, вся партийная организация этой героической области в предвоенные годы и в первые месяцы войны.

Вероломно напав на нашу страну, гитлеровцы рассчитывали увидеть хаос и неразбериху, деморализацию населения, панику. Вместо этого они встретили достойный отпор, организованный Коммунистической партией.

Автор ярко рассказывает о великом патриотизме, о самоотверженном труде рабочих и колхозников, работавших с утроенной энергией, чтобы обеспечить Красную Армию всем необходимым. Работа не прекращалась ни на минуту. Она велась и во время налетов вражеской авиации и под гром гитлеровской артиллерии.

Под руководством обкома уже к 19 августа 1941 года, за две недели с момента начала эвакуации, с правобережной части области в глубокий тыл было отправлено 28 тысяч вагонов с промышленным оборудованием и зерном. Несмотря на острую нехватку железнодорожного транспорта, план эвакуации был полностью выполнен. Через некоторое время днепропетровские заводы начали выпускать продукцию в новых местах. Последний, девятый, эшелон с оборудованием трубопрокатного завода имени В. И. Ленина, например, прибыл в Первоуральск 6 сентября. А уже 24 декабря цех тонкостенных труб завода дал первую продукцию на уральской земле.

В главе «Подполье действует» автор воссоздает образы партийных вожаков — секретаря подпольного обкома партии Н. И. Сташкова и его заместителя Д. Г. Садовниченко, секретарей горкомов и райкомов партии и многих рядовых подпольщиков, которых лично знал и готовил к трудной работе в тылу врага и, конечно, принимал близко к сердцу все их удачи и неудачи...

Интересно рассказывает Константин Степанович о встречах и деловых контактах с видными советскими военачальниками — Маршалом Советского Союза С. М. Буденным, командующим Южным фронтом И. В. Тюленевым, командующим армией Р. Я. Малиновским, членами Военных Советов фронта и армий — К. В. Крайнюковым, И. И. Лариным, Л. Р. Корнийцем. Удались и портреты товарищей автора по Днепропетровскому обкому, видных партийных работников — С. Б. Задионченко, Г. Г. Дементьева и других.

Немало теплых слов посвящено в книге бывшему секретарю Днепропетровского обкома партии Леониду Ильичу Брежневу. К. С. Грушевой показывает, как сочетались в Леониде Ильиче скромность и отвага, деловитость и забота о людях. Даже будучи в армии — в Политуправлении Южного фронта, Леонид Ильич постоянно поддерживал связь с обкомом партии, оказывал помощь товарищам.

«...Те работники обкома, кто давно знал Леонида Ильича, всегда ощущали его отсутствие,— вспоминает К. С. Грушевой.— Порой очень не хватало его открытой улыбки, его оптимизма, его умения веселой шуткой поддержать товарища. Мы ценили эрудицию, исключительную работоспособность, партийную принципиальность Леонида Ильича».

Книга «Тогда, в сорок первом...» прибавляет многие новые подробности к летописи титанической борьбы и работы партии накануне Великой Отечественной войны и в первые ее дни. Она передает накал тех дней, ничего не приукрашивая и ничего не преуменьшая. Захватывая читателя с первых же страниц, она держит его в непрерывном напряжении до самых последних, заключительных строчек. И хоть выпущена книга немалым тиражом, ее уже не найдешь в магазинах.

В. ПАВЛОВ,
А. ГОЛОБОРОДОВ

видеть, что в Испании, в стране великих художников, пустуют выставочные залы. И не потому, что людям не интересны произведения художников. Просто они не подготовлены к восприятию искусства. Художники должны быть с народом, и поэтому наша группа (она называется «Эстамп для народа», и в нее входят пока только шестнадцать человек), устраивает свои выставки в парках под открытым небом.

Вместе со своими товарищами Франциско Альварес участвовал в 30 коллективных выставках. Его картины были в Венеции, Риме, Париже, Флоренции, в Бразилии. За эти годы было шесть персональных выставок художника. Он и Виви трудятся самозабвенно, не жалея сил. Но часто, очень часто они не уверены в том, что и завтра смогут оплатить эту скромную квартиру. Конечно, можно было бы неплохо жить, если устроиться в рекламный отдел американской фирмы, ведь их в Испании сейчас немало. Так поступают многие, но Франциско Альварес так не поступит никогда.

...Я пишу эти строки, а передо мной лежит гравюра, подаренная на прощание. Она сделана на тему поэмы Пабло Неруды «Адвокаты доллара». Рукой Франциско на гравюре написаны строки поэмы: «Есть у доллара автомобиль, виски и газеты. Его избирают судьей и депутатом, его награждают, и вот он министр, к его мнению прислушивается правительство. Он знает, кто подкуплен. Он награждает, угождает, улыбается, угрожает. И так выкачивают через порты кровь обескровленных республик».

Я смотрю на подарок Франциско и вспоминаю: а ведь он родился в Мадриде в тот самый год, когда двенадцатилетний мальчишка из подмосковного города Подольска, мой дядя Олежка, собирался воевать в Испании...

Мадрид — Москва.

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА И. Х. БАГРАМЯНА

ТАЛАНТ И МУЖЕСТВО

Первый день Великой Отечественной войны полковник Иван Христофорович Баграмян встретил на командном пункте Киевского Особого военного округа, ставшего с того дня Юго-Западным фронтом.

Баграмяну в то время минуло сорок три года. За плечами был немалый жизненный и боевой опыт. Молодость прошла в огне войны — первой мировой и гражданской. Еще восемнадцатилетним юношей добровольно вступил он в действующую армию и проявил в боях такую отвагу и столь выдающееся мужество, что его направили в тифлисскую школу прапорщиков. Накануне Великой Октябрьской революции поручик Баграмян командовал эскадроном 1-го армянского конного полка. Вместе с этим полком, перешедшим на сторону революции, Иван Христофорович помогал восставшим рабочим в Александрополе и Лори в борьбе с дашнаками и установлении Советской власти в Закавказье.

Отгремела гражданская, но Иван Христофорович не покинул ряды Красной Армии. Он командовал кавалерийским полком, был начальником штаба кавдивизии, окончил две военные академии — имени М. В. Фрунзе и Генерального штаба. А незадолго до нападения гитлеровской Германии получил назначение на ответственную должность начальника оперативного отдела штаба Киевского Особого военного округа. Баграмян готовил и себя и подчиненных к будущим боям. Он знал: их не миновать.

И вот грянула Великая Отечественная. Самая тяжкая из всех войн, что пришлось пережить Родине. В первые, неимоверно трудные ее дни и недели боевой опыт Ивана Христофоровича, его глубокие знания и командирский талант сослужили немалую службу войскам Юго-Западного фронта. В сражении под Киевом войска фронта более чем на два месяца задержали во много раз превосходящие силы неприятельской группировки. В этой сложной, предельно тяжелой оборонительной операции ярко блеснул организаторский и командирский талант И. Х. Баграмяна. Не случайно именно здесь, на подступах к столице Украины, он получил генеральское звание.

Но истинным призванием Ивана Христофоровича была не оборона, а наступление.

Первую крупную наступательную операцию Юго-Западный фронт провел по инициативе Военного Совета Юго-Западного направления и И. Х. Баграмяна в начале ноября сорок первого, против танковой армии Клейста под Ростовом.

«Лично меня тщательный анализ обстановки все больше убеждал, что пассивно обороняться в нашем положении равносильно ожиданию смерти осужденным,— пишет Баграмян в своей книге «Так начиналась война».— Рассчитав примерно наши возможности для наступательной операции, я попросил начальника штаба фронта генерал-лейтенанта П. И. Бодина выступить с таким предложением перед главкомом войск Юго-Западного направления».

Много напряженнейшего, бессонного труда, изобретательности, трезвого расчета и разумного риска вложил Иван Христофорович в разработку и проведение блестящего удара по 1-й танковой армии Клейста. Зато и результаты превзошли все ожидания: Клейст потерпел жестокое поражение. От многих его соединений, в том числе и от хваленой дивизии СС «Викинг», остались одни номера и названия. Взбешенный таким оборотом событий, «фюрер» снял с поста командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Рундштедта и заменил его командующим 6-й армии фон Рейхенау... А советские войска в результате этой операции освободили жемчужину Дона — Ростов и значительно потеснили всю вражескую группировку.

Еще больший разгром понесли гитлеровцы в результате наступательной операции под Ельцом, где И. Х. Баграмян был начальником штаба Подвижной группы, которой руководил заместитель командующего фронтом Ф. Я. Костенко.

В июле сорок второго генерал-лейтенант Баграмян был назначен командующим 16-й армии, которая за успешные наступательные боевые действия вскоре была переименована в 11-ю гвардейскую, а ее командующий получил свой первый полководческий орден Кутузова 1-й степени. Во главе гвардейцев этой армии Баграмян участвовал в сражении под Курском, 11-я гвардейская нанесла главный удар в наступательных боях на Орловском направлении. За эту операцию Иван Христофорович получил звание генерал-полковника и был награжден орденом Суворова 1-й степени.

За участие в операции «Багратион», в результате которой была освобождена Белоруссия и наголову разгромлена группа гитлеровских армий «Центр», И. Х. Баграмян, к этому времени уже генерал армии, командующий войсками 1-го Прибалтийского фронта, удостоился высшей награды Родины — звания Героя Советского Союза...

После войны Иван Христофорович командовал войсками Прибалтийского военного округа, руководил Высшей военной академией, был заместителем министра обороны и начальником тыла Вооруженных Сил. Партия и правительство высоко оценили его выдающиеся заслуги. Ему присвоено воинское звание Маршала Советского Союза. Многие высшие награды Родины украшают его грудь.

Но свой семидесятипятилетний юбилей Иван Христофорович Баграмян по-прежнему встречает в боевом строю родной армии.

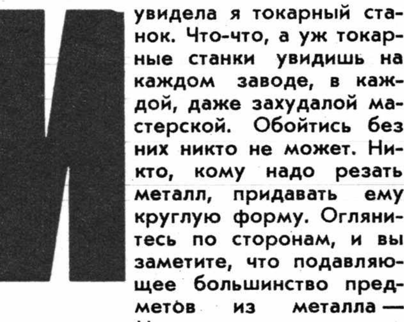
П. ВЛАДИМИРОВ

ЦЕЛОЕ СОСТОИТ ИЗ ДЕТАЛЕЙ

Ия МЕСХИ

Фото М. Савина.

И увидела я токарный станок. Что-что, а уж токарные станки увидишь на каждом заводе, в каждой, даже захудалой мастерской. Обойтись без них никто не может. Никто, кому надо резать металл, придавать ему круглую форму. Оглянитесь по сторонам, и вы заметите, что подавляющее большинство предметов из металла — круглые. Не знаю почему, но это так. Значит, тут поработал токарный. Можно не задумываться (эка важность!), а можно обрадоваться: «Вот работяга! Каких только удивительных и сногсшибательных машин не придумали в наше время, но попробуй обойдись без простого токарного!..» Не настаиваю на том, что мысль эта новая, оригинальная, но вот пришла в голову, когда постояла я у токарного подольше, и спешу ею поделиться.

Брожу по станкостроительному заводу. Всюду режут, режут, режут. Крутятся валы. Стоит гул, скрежет. Струятся серебряные стружки. Токарные станки делают токарный станок. Точнее — токарно-винторезный. А кто делал те токарные, которые делают этот?

Получается что-то вроде курицы и яйца: что раньше? Раньше не было промышленности. Но и до промышленного переворота (XVIII век) у людей была потребность обрабатывать вещи. Наши далекие предки придумали некое громоздкое сооружение с ручным приводом и веревкой. А такому токарному, с механическим держателем, уже 175-й год пошел. Старик, хотя и совершенствуется непрерывно. Потому что очень нужны они, эти металлорежущие. Чем больше их, чем выше скорости, тем мощнее экономика страны. Общеизвестный факт...

Тбилисский станкостроительный завод имени Кирова не гигант, но и не малыш... Вес станка четыре с половиной тонны. Бывает больше. То уже тяжелые станки, этот — средней тяжести. Когда-то, лет тридцать пять назад, здесь появился первый станочек, маленький, 700-килограммовый. Тбилисцы учились станкостроению. Теперь уже давно идет серийный выпуск универсального, токарно-винторезного.

Знаете, сколько их уже вышло из заводских ворот? 75 тысяч станков. Это значит, что 75 тысяч токарей у нас в стране и не у нас в стране на этом тбилисском станке обрабатывают самые разные детали — от автомобильного колеса до крошечного колечка. А на станке эмблема: женщина в национальном грузинском платье с чашей в одной руке и мечом в другой. Есть такая скульптура в Тбилиси, на Комсомольской аллее. Называется Мать Грузия. Символизирует добрые чувства к друзьям и готовность дать отпор недругам. Кировцы решили взять этот силуэт для марки своей заводской продукции.

Если у токаря, которому достался тбилисский станок, работа спорится, он будет поглядывать на Мать Грузию с нежностью и уважением. Если заводской дефект в станке — ему просто не захочется смотреть в сторону этой пластинки: какие же вы рабочие люди, тбилисские кировцы, если мне, такому же рабочему человеку, подсунули станок, с которым я мучаюсь?

Таких вопросов к тбилисским станкостроителям все меньше и меньше, но единицы пока есть. Кое-кто не имеет еще рабочей совести и, обманывая бдительность ОТК, маскирует брак: отвязаться бы поскорее — и все... А если б увидеться глаза в глаза с тем, кому достался этот брак? В самом деле, глаза в глаза!

Нахожусь в цехе сборки станков. Работают хорошие, уважаемые на заводе слесари-сборщики — Яша Бухрикидзе и Шалва Манчхашвили. Оба из ремесленных училищ, здесь уже лет по двадцать. Собирают коробки скоростей. Самая ответственная операция. После них — станок к малярам — и готово.

Готов! В нем около полутора тысяч деталей. Вот тебе и простой токарный. Не так прост, как кажется. Яша и Шалва проверяют шпиндель, то есть вал. А откуда вал? Из Коломны. В Коломне делали заготовку, на Тепловозостроительном заводе имени Куйбышева. Или вот патрон, что навертывается на шпиндель. Заводское клеймо ССД — Симферопольский завод «Сельхоздеталь». Это уже на Украине. И так далее, около сотни адресов по всем республикам.

Когда-то казалось: республики должны делать все сами — от винтика до шпунтика. На эту тему раздувались кадила. И ничего, кроме вреда, делу. Дело получалось коряво — от несоразмерности, от некомпетентности, а в мыслях посвистывал ветер местного ура-патриотизма, порой не такого уж наивного.

Тбилисский станок? Конечно. Его создают тбилисские станкостроители. Ставят на него свою марку, держат за него ответ. Сотни деталей делают тут же, на заводе. Металл получают из грузинского города Рустави, из азербайджанского Сумгаита, из украинской Макеевки, из русского Горького, потому что разные марки металла нужны станку. От девятнадцати заводов России, Украины и Белоруссии получают тбилисцы специальное оборудование. Забота заводских снабженцев. Они этим занимаются.

Тем временем Яша и Шалва собирают коробки скоростей, деталь к детали. Станок... Станок... Еще станок. Работа.

Однако работают механизмы. Люди живут, мыслят, желают, трудятся. Советские рабочие, коммунисты, грузины Яша и Шалва живут, мыслят, желают, трудятся. Им не безразлично, чтó им пришлют из России, с Украины, из Азербайджана, какого качества и когда (не с опозданием ли?). На станке эмблема — Мать Грузия.

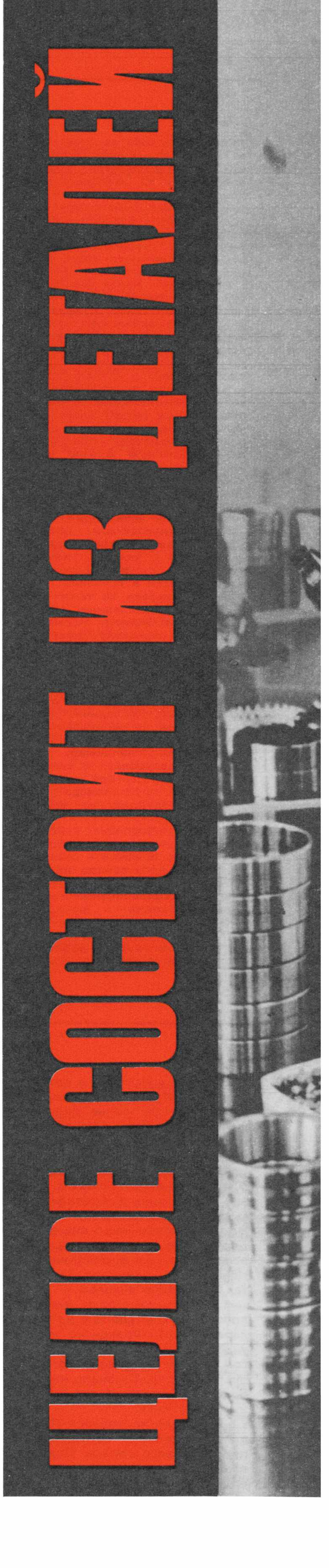
Кооперацией промышленных предприятий, поставками, куплей-продажей занимаются все страны в мире, а единый промышленный потенциал союза 15 национальных республик пока только у нас, в СССР. Исполненное глубокого смысла понятие **советский рабочий**, единственное, пока еще не всем понятное. И не только по ведущему положению в обществе не поставишь знака равенства между Яшей и Шалвой с тбилисского станкостроительного и Пьером и Жаном с французского завода Рено. А между Яшей и Шалвой и Петром и Иваном поставишь. Одна у них судьба, одни общие трудности, успехи, праздники, беды и победы.

Стою около тбилисцев, смотрю, как они навинчивают, зажимают, собирают детали в одно целое. Сейчас это целое заработает. Деталь к детали — механизм. Человек к человеку — живое. Все это понимают. Яша и Шалва тоже. Нового тут ничего не скажешь, не откроешь. Только, чтоб мысль стала осязаемой, конкретной, решила я познакомить своих земляков с этим самым живым, что стоит за каждым кусочком холодного металла. Может быть, им это будет и приятно и полезно. Может быть, другие, на других заводах, думая о нашем советском многонациональном рабочем братстве, представят его себе и под таким углом, в биографии одного станка.

Симферополь — зеленый тихий город, центр Крыма. «Сельхоздеталь» — завод-ветеран. Во время войны снялся с места, нашел приют в азербайджанском городе Кировабаде. Вернувшись на старое пепелище, начинал почти с нуля.

В парткоме советуют пройти в бригаду Ефима Гросмана. Самая сильная и дружная бригада носит звание коллектива коммунистического труда. Сплошной интернационал. Русская женщина, волжанка Антонина Артамонова, цыган Алеша Чигидин, украинцы Дмитрий Костенко, Иван Танана и Иван Чупыря, еврей Ефим Гросман. Рабочие кадровые, с солидным стажем. Жизнь каждого до завода — целый рассказ.

Но я расскажу только об одном, об Иване Танане. Он обрабатывает спираль диска в патроне. Токарь знает: от точности обработки диска зависит точность патрона. Если деталь, зажатая в кулачках, скачет, значит, виноват тот, кто небрежно обрабатывал диск. Глазами тбилисских сборщиков Яши и Шалвы стараюсь смотреть на руки Тананы. Руки спокойные, уверенные, работают без устали. Здесь знают добросовестность и бескомпромиссность хозяина этих рук. Танана — в заводском народном контроле, заместитель пред-

ГПЗ-1. Сборщицы подшипников Галина Ситникова (слева) и Надежда Гостева.

седателя. Танана — депутат городского Совета и, как член жилищной комиссии, распутывает сложные узелки. Танана мягок и лиричен по своей натуре, любит поэзию, много читает. Недавно был награжден орденом Октябрьской Революции. И еще одно: создал на заводе пункт начальной военной подготовки для допризывников. «Мне-то,— говорит,— пришлось окунуться в войну без всякой подготовки, в 16 лет...»

Но очень скоро был награжден медалью «За отвагу»: захватил гитлеровцев в плен. Потом служба артиллерийским разведчиком в минометном полку, сбор данных о противнике, поисковые группы, орден Красной Звезды за отличную ночную разведку Кенигсбергской крепости. И снова медаль «За отвагу», во время боев на Одере. Служил в армии и после войны, заместителем командира батареи по политчасти. Демобилизовался в звании капитана и — сюда.

А что до войны? До войны была глухая деревушка Камаривка на берегу Днепра. Был голод в начале тридцатых годов, и родители, снявшись с якоря в поисках хлеба, потеряли сына. Шестилетнего украинского мальчика вырастили подмосковные детские дома в Малаховке, в Люберцах. И давно уже нет в живых ни воспитателей, ни учителей, которые дали Ивану Танане профессию токаря-универсала, научили любить книгу, работу, товарищей, Родину. А все-таки и их частица в этом человеке, чьи руки сейчас участвуют в создании тбилисского станка.

Почему же не узнать тбилисцам и симферопольцам друг о друге? Конечно, и без этого можно навертывать симферопольский патрон на коломенский шпиндель. А может быть, если видеть или просто чувствовать, знать стоящих за ними людей, сделается теплее на душе?

В цехе нет станков, не скрежещет металл. Сидят триста женщин. Триста темпераментных армянок, которым хочется поговорить друг с другом. Как птицы на ветвях — кто громче, кто тише. Выхватываю глазом одну. Похожа на Нонну Мордюкову (армянский вариант). Крупна, несуетлива, молчаливее других. Любуюсь плавными движениями сильных рук. Перед ней на подставке ротор с медными проводами. Она эти провода укладывает, выравнивает инструментами. Взяла инструмент, подправила, положила. Взяла другой, постучала, положила. И все быстро-быстро. Вот улыбнулась подруге. Улыбка яркая, как солнце. И звать женщину Солнце, по-армянски Арев.

Арев Мкртчян, обмотчица, коммунистка, работает здесь почти двадцать лет. Столько же, сколько в Тбилиси Яша и Шалва. В смену Арев делает обмотку восемнадцати роторов (это много: иные еле успевают десять) и ставит личное клеймо — букву Ы.

Сын ее, Гайк, в соседнем цехе старательно «пыхтит» над коробками —учится. Привыкает к труду. Он старшеклассник и так проводит свои каникулы. А живут в заводском высотном доме, на 10-м этаже. Вышел из дому — проходная с вывеской, из которой явствует, что Ереванский электротехнический завод является головным предприятием производственно-

технического объединения «Армэлектродвигатель». Объединение это создано три года назад. Маленький ереванский двигатель нужен тбилисскому станку для суппорта. И если на роторе будет стоять буква Ы, значит, ротор сделан руками Арев.

— Буква Ы у нас одна из самых надежных!

Это говорит мне начальник цехового бюро технического контроля, молодой инженер-кибернетик Мигрдат Галфаян. Спрашиваю, кто обучал Арев, откуда у нее такая сноровка. Оказывается, учитель и родоначальник всех армянских обмотчиц — отец Мигрдата Маркар Галфаян. Старый знатный рабочий Электротехнического завода консультирует сейчас все предприятия объединения, колесит по всей республике. И вот какая у него интересная судьба.

Маркар Галфаян пережил в 1915 году все ужасы геноцида на территории Турции и, спасаясь от резни, уехал в Россию. А потом защищал Россию от других варваров в 1941—1945 годах. В двадцатых годах голосистым подростком продавал семечки на улицах Тбилиси и Еревана, а в 1951 году вместе с группой конструкторов и инженеров был удостоен Государственной премии за ценнейшие предложения по процессу обмотки. В шестидесятых годах как специалист ездил на предприятия Москвы, Ленинграда, Харькова. Был приглашен в Ирак помогать багдадцам в выпуске электродвигателей. Электротехника в Армении выросла на глазах у Маркара: двигатели, генераторы и многое другое. А рабочий-коммунист, депутат Ереванского городского Совета депутатов трудящихся все растит и растит асов обмотки.

Итак, я узнала еще кое-кого, о ком Яша и Шалва не знают, не ведают, хотя к их станку эти люди имеют самое прямое отношение.

А теперь сижу за спиной у белых ангелов, в сущем раю. Они что-то тихо перебирают за столом: щелк-щелк!.. Сижу, отдыхаю после нескончаемого прохода по заводской территории Московского государственного подшипникового завода № 1. Не завод — заводище. Линии, линии, линии... Такие подшипники, сякие, маленькие, которые можно подбрасывать на ладони, большие, невозможно поднять. Нужны всем, у кого что-то вертится, крутится в машинах, в станках.

Пока проходила, видела — цеха как цеха: какие постарее, какие поновее. Заводу недавно исполнилось сорок лет. Но здесь, где сижу, удивительно все: высоченная крыша, мягкий свет, кондиционированный воздух, аптечная чистота, приборы, белые халаты. Новый участок в цехе точных подшипников № 1, участок сверхточных подшипников. С точностью до трех-четырех микронов — недалекое будущее всего завода.

В самом деле, когда-то мы говорили: точные подшипники (будто нужны кому-нибудь неточные!). Теперь мы говорим — сверхточные. А это, наверно, и есть то, что надо всем, да не всем достается.

Но расскажу о женщинах в белых халатах. Не лаборантки они, не научные работницы — простые сборщицы подшипников Надежда Гостева и Галина Ситникова. Когда Иван Танана и Маркар Галфаян шли с боями по дорогам России и Белоруссии, маленькая Надя Гостева из тульской деревни Пчельна перебралась в Москву. Отец ее погиб, сражаясь, может быть, даже рядом с Маркаром и Иваном. Галя же, белорусская девочка-подросток, в это время находилась в лесах под Полоцком, в партизанской зоне. У нее тоже погиб отец, коммунист с 1905 года. Старший брат пал на фронте, мать, не выдержав всех тягот, умерла. Галя осталась с младшим братом в землянке, и казалось, бедам не будет конца.

У Надежды Гостевой уже своя семья, стала матерью, на заводе этом работает 17 лет. Вижу Галину Ситникову довольной, счастливой, в расцвете сил. Одна дочь ее, работая тут же, на заводе, защитила диплом инженера. Другая вместе с мужем Галины, по соседству, на заводе имени Лихачева, работает в ОТК. Живут все вместе, в хорошей квартире, большой дружной и трудовой семьей. Иной скажет: ну, и что, обычное дело... А другой поймет, что чистая, ясная жизнь рабочего человека — лучший ответ Родине на ее заботы.

Щелк-щелк!.. Вставляются роликовые подшипники в сепаратор. 44 гнезда. Потом надо надеть внешнее и внутреннее кольца, и будто бы все. Но чтоб ни одного неверного движения, ни одной пылинки на поверхности, ни одной царапинки. Только тогда подшипник будет служить станку верой и правдой в Тбилиси, в Киеве, в Москве, — не все ли равно?

Я не поехала в маленький городок Глухов, Сумской области, где делают для тбилисцев электрошкафы. Не была в Ярославле (большие моторы), в Харькове (муфты), в Курске (ремни) и на многих других заводах — участниках создания тбилисского станка. Везде есть люди хорошие и разные. Они не знают друг друга в лицо. Наверно, такое узнавание и не под силу. Тысячи, миллионы нитей, связывающих самые различные предприятия друг с другом, перекрещиваются по всей нашей многонациональной стране. Может быть, со временем в среде индустриальных рабочих и вырастет новая форма дружеских связей по принципу единого дела, единой «анатомии» той или иной заводской продукции. А может быть, и не возникнет никакой нужды в этом. Но, пускаясь в недолгий и неглубокий свой рейд, я подумала то же, что думает сейчас наверняка каждый советский человек: год у нас особый.

Подходим к большой и важной дате жизни своего государства. Размышления, осмысливание явлений, желание всмотреться в процесс, участниками которого являемся мы все, процесс мужания, зрелости, все усиливающегося авторитета и светлой миссии во всем мире. Сложный, никем не проторенный путь, на котором случались и непогоды, на котором попадались и камешки и валуны. А факт, что Союзу Советских Социалистических Республик полвека. И нас ничто не сломило и не сломит, потому что мы спаяны единой партией коммунистов-ленинцев, потому что дружны. И уж кто-кто, а советский рабочий знает: один без другого — одиночество, неуверенность. Все вместе — сила. Великая духовная сила.

Гусейн
АББАСЗАДЕ

Рисунки

Е. ШУКАЕВА.

ВОСКРЕСЕНЬЕ ВТОРОЕ

В четверг после работы я заехал на такси за Али-даи, и вскоре мы уже были на кладбище.

Они лежали за железной оградой рядом — Сейран и его мать, и плакучие ивы свесили над ними длинные голые ветви. Могильный холмик Зибейды-ханум был еще свежим. А над могилой Сейрана стоял памятник. На черно-мраморной плите золочеными буквами были высечены имя и фамилия, даты рождения и смерти. А выше в мрамор была вделана круглая фотография Сейрана.

Я положил к подножию памятника цветы. Мне просто не верилось, что Сейран лежит в земле под этим тяжелым памятником. Не мог поверить, что его живые, веселые глаза навсегда закрылись, что никогда больше не слетит острое слово с губ. Он улыбался с фотографии... Вот-вот заговорит, бросит, как прежде, шутку, анекдот расскажет... Шутки его всегда были безобидные. В части все его любили за веселый нрав, кое-кто считал Сейрана легкомысленным, но я-то знал, что это не так. Просто он свои печали и неприятности переживал молча, а вот к чужим печалям был необыкновенно чуток — старался развеять их шутливым словом, поддержать, подбодрить товарища...

Несправедливо это!.. Не должен был так рано покинуть мир этот человек...

Я стоял над могилой Сейрана весь во власти щемящих воспоминаний.

Из курсантов полковой школы связи отобрали тогда пятнадцать человек, мы были в их числе — Сейран, Джалал, Ниджат и я. Нас всех вызвали к начальнику школы, там был незнакомый майор с голубыми петлицами на гимнастерке, и он сказал, что нас отправят в авиационную часть. Мы удивленно переглянулись, а Сейран попросил разрешения обратиться к майору и спросил:

— Мы будем летать на самолетах? Как же так? Нас учат здесь на радистов.

— Вы и будете радистами,—сказал майор.— Стрелками-радистами на бомбардировщиках. Хотите летать?

— Хотим,— ответил за всех Ниджат.

Должен признаться, что мне вовсе не хотелось летать на самолетах, я замечал, что у меня на высоте кружится голова. Но, разумеется, я промолчал об этом.

Спустя несколько дней из авиационной части приехал за нами молоденький лейтенант. Мы, пятнадцать отобранных курсантов, получили сухой паек на дорогу, простились с остающимися товарищами и попрыгали в кузов грузовика. Лейтенант сел в кабину, и грузовик покатил на вокзал. Там стоял длинный состав, набитый солдатами. Мы забрались в вагон, пропахший махорочным дымом. Кое-как разместились, повытаскивали из вещмешков буханки хлеба и консервы: первое дело для солдата — поесть.

Ехали весь день и вечер. В полночь лейтенант разбудил нас и велел приготовиться: скоро сходить.

Поезд остановился на маленькой степной станции. Мы вылезли из вагона, темнотища здесь была хоть глаз выколи, ни огонька. Лейтенант приказал построиться и рассчитаться по порядку номеров. Оказалось нас четырнадцать, кого-то одного не было. Лейтенант стал выкликать по списку, светя карманным фонариком. Когда он выкликнул Сейрана Тар-

Продолжение. См. «Огонек» № 49.

ланова, тот не отозвался. Лейтенант матюгнулся и велел Паше Чепурину, самому рослому, всегда стоявшему правофланговым, подняться в вагон и найти Сейрана.

Но, как только Паша вскочил на подножку, состав тронулся.

— Тьфу!— сплюнул в сердцах лейтенант.— Не повезет, так уж не повезет.

Исчезновение в пути одного из солдат было крайне неприятным, чрезвычайным происшествием. Мы молча стояли на безлюдном перроне затерянной в ночи станции. Что это стряслось с Сейраном? Ведь лейтенант заранее всех разбудил, неужели Сейран снова заснул и не слышал, как мы выходили из вагона? Я выругал себя за то, что не позвал его перед выходом. Но разве могло прийти в голову, что Сейран проспит? А может, с ним что-нибудь случилось?..

Кто-то из бойцов — я не узнал голоса — сказал негромко:

— Ищи теперь ветра в поле...

— Ты что хочешь сказать?— Это Джалал спросил, его-то голос я узнал.

— Известно что.— Боец фыркнул.— Утек ваш дружок, теперь его не найдешь...

— Заткнись!— не выдержал я.— Не знаешь Сейрана, так не мели, придержи язык!

Ну и положение. Поезд ушел, увозя теперь не только Сейрана, но и Пашу Чепурина. Мы мерзли на ледяном ветру, вокруг простиралась непроглядная темень.

Лейтенант нервно расхаживал взад-вперед. Потом он куда-то ушел, но вскоре вернулся.

— Пришла машина,—сказал он отрывисто.— Идите все, садитесь и ждите меня. Машина за углом налево, под деревьями.

Мы со своими вещмешками забрались в кузов, крытый брезентом. Брезент защищал от пронизывающего ветра, но все-таки было холодно, особенно мерзли ноги. Медленно текло время.

— Долго нам еще торчать здесь из-за этого Тарланова?— ворчали в темноте солдаты.

— Натворил делов! Сейчас бы спали уже в тепле, если бы не он...

— Нам-то еще ничего, а вот лейтенанту!.. За пропажу бойца, знаешь? Под трибунал загремит.

Шел третий час ночи. Умолкли разговоры, многие бойцы уже спали, кое-как примостившись в кузове.

Вдруг послышались шаги. Я стряхнул одолевшую меня дремоту, всмотрелся... На слабо белевшем фоне станционного здания показались три фигуры. Двое — это, конечно, лейтенант и Пашка Чепурин. А третий? Шофер? Хоть бы третьим оказался Сейран! Хоть бы!..

Трое подошли к машине, я услышал голос лейтенанта:

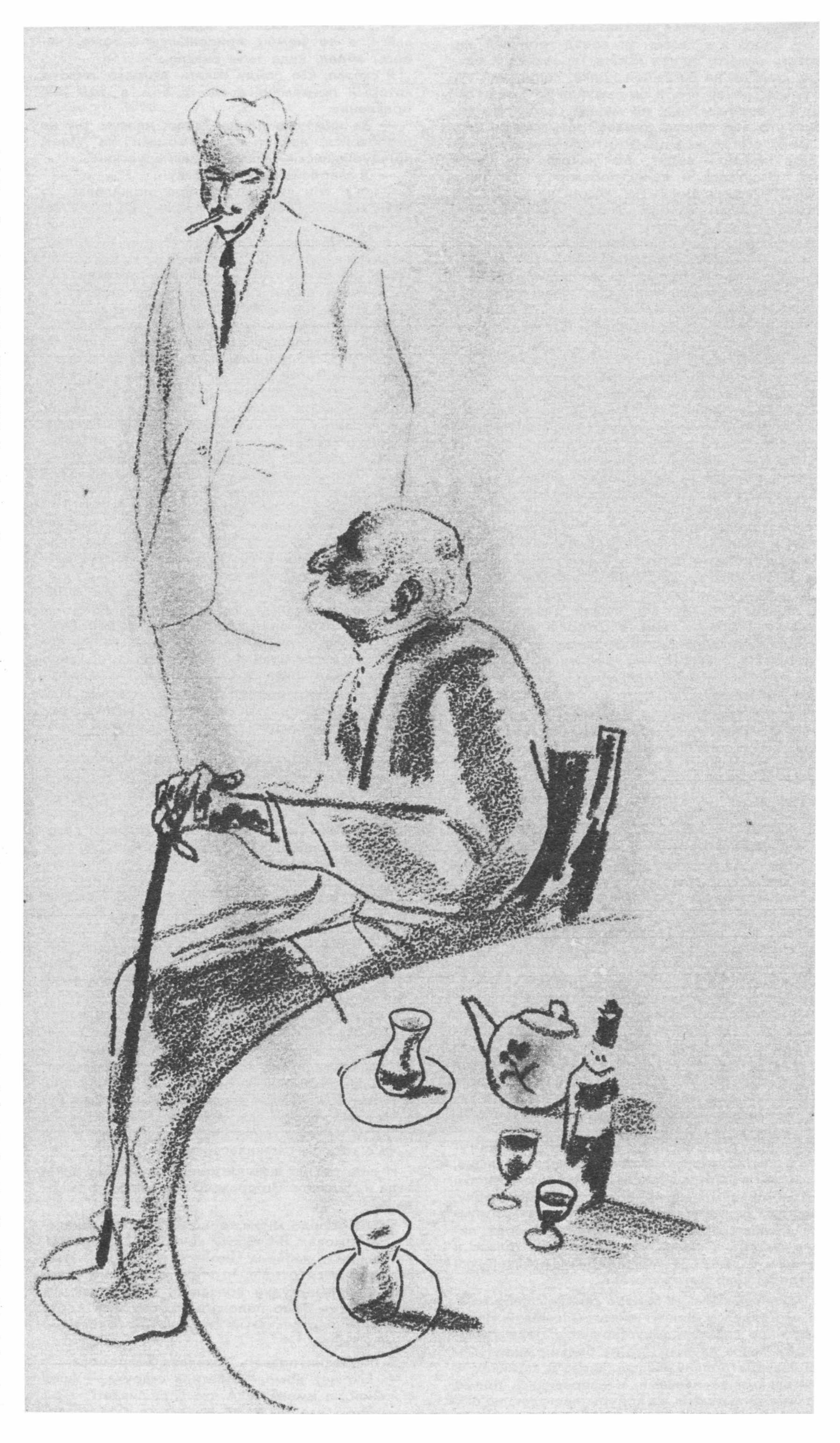
— Смотри, сколько людей ты заставил ждать.

Это был Сейран! Я помог ему забраться в кузов, потом залез Чепурин, и машина сразу тронулась.

— Ты где был?— обрушились на Сейрана вопросы.— Почему не сошел вместе с нами?

Я не видел лица Сейрана, но, когда он заговорил, услышал несвойственные ему растерянность и смущение.

— Проспал я, ребята,— сказал он.— Виноват перед вами.

Е ВОСКРЕСЕНЬЯ

Чепурин принялся рассказывать:

— Залез я в вагон, тут поезд тронулся, ну, делать нечего, пошел искать Тарланова. Смотрю, спит он на багажной полке, сопит, как сурок. Растолкал его, а он вылупил на меня глаза и говорит: «Уйди, не мешай спать». Не верит, что все сошли, думает, разыгрываю его. Сам-то всегда над другими подшучивает. А как глаза протер — видит, что никого из наших нет... Испугался и ка-ак побежит в тамбур... «Стой!— кричу ему.— Не прыгай на ходу!» Не слушает меня. Открыл дверь, хочет прыгать. А поезд уже скорость набрал. Я схватил его, держу: «Жизнь тебе надоела? На следующей станции сойдем». Хорошо, подъем начался, поезд замедлил ход, и тут мы спрыгнули.

Я обнял Сейрана за плечи, спросил шепотом:

— Не расшибся, когда прыгал?

— Да нет, Бедир... Ничего,— ответил он виновато.

Привезли нас в часть, и снова началось обучение. Из нас готовили стрелков-радистов для тяжелых бомбардировщиков. Этот месяц напряженной учебы был, наверно, самым трудным временем моей жизни. Нет, с изучением оружия и радиоделом особых затруднений не было. А вот прыжки с парашютом... Пришлось мне преодолевать врожденную боязнь высоты, ломать самого себя. Доставалось, в общем, как следует...

По окончании курсов направили всех в авиаполк и распределили по эскадрильям. Сейран и Паша Чепурин попали в одну эскадрилью, а мы с Ниджатом и Джалалом оказались в другой.

Первыми из нас совершили боевой вылет Паша и Сейран. Звено, в которое входили их бомбардировщики, успешно выполнило боевое задание и благополучно вернулось на базу. Мы от души поздравили своих друзей с боевым крещением.

А следующей ночью вылетел в тыл противника мой самолет в паре с другим бомбардировщиком. Наши бомбы накрыли немецкий эшелон, стоявший на железнодорожной станции. Под нами грохотали взрывы, из черных клубов дыма, окутавших эшелон, вырывались языки пламени, но досталось и нам. Зенитный огонь был плотен, осколки снарядов изрешетили машину, загорелся бензобак. Командир, бортмеханик и штурман были убиты, в живых остались двое — второй пилот и я, самолет горел. Я слышал в наушниках голос ведущего, командира звена, он кричал, чтобы экипаж нашего самолета немедленно покинул машину.

Первым выбросился я, за мной прыгнул Василий Никитин, пилот. Мы были уже довольно далеко от станции, под нами широко раскинулись леса, слабо освещенные ранним рассветным солнцем. Но зенитки еще доставали до нас, тут и там вспыхивали белые облачка разрывов, я слышал, как свистели осколки. Оставляя за собой черную полосу дыма, пронесся и врезался в землю наш самолет — на месте его падения вымахнул столб огня...

Все это видел я, вцепившись в стропы своего парашюта. Я опускался медленно, сносимый ветром на лесную поляну, поросшую густым кустарником. Никитина отнесло дальше, в лес, и я неотрывно следил за ним, чтобы потом, приземлившись, сразу пойти навстречу. Ведь мы окажемся теперь в тылу врага, и лучше держаться вместе, пробираясь через линию фронта к своим. Не угодить бы только к немцам в лапы. За моим падением наверняка следили, надо быть наготове...

Приземлившись, я быстро скинул с себя лямки и огляделся. Вокруг никого. Пожалуй, парашют надо спрятать в кустарнике... Пока я раздумывал — а длилось это не больше минуты,— из лесу на поляну вышли двое, в ватниках, с винтовками за плечами, и направились прямо ко мне. Я выхватил из кобуры пистолет, но они замахали руками, крикнули:

— Свои, свои!

Я смотрел недоверчиво: кто их знает, может, это полицаи?

— Да убери свою пушку,— сказал пожилой и усатый.— Мы партизаны. Третьи сутки ведем наблюдение за станцией, видели, как вы бомбили и как подбили самолет. Мы за тобой следили, как ты падал.

Тем временем второй, белобрысый юнец с подвешенными к поясу гранатами быстренько сворачивал парашют.

— Пошли,— сказал пожилой,— поторапливайся, а то немец припожалует — тоже, небось, видел, куда тебя снесло.

Я сказал, что пойду искать второго пилота, который приземлился где-то вон в том направлении.

— За ним уже пошли двое наших, ты не беспокойся, найдут.— Он смотрел на меня, прищурившись.— А ты вроде нерусский?

— Я азербайджанец, из Баку.

— А-а, вон что. Ну, добро пожаловать в Брянский лес, бакинец,— усмехнулся он.— Пошли.

Мы углубились в лес. Долго шли, забрались в такую чащу, куда солнечный свет не проникал. Прыгая с кочки на кочку, пересекли болото. Было около полудня, когда добрались наконец до партизанской базы. Меня провели в землянку начальника штаба отряда. Это был немолодой старший лейтенант, и он стал рассказывать, как прошлой осенью попал в окружение и едва не погиб в лесу и как его, полуживого, нашли партизаны, и вот с тех пор он воюет здесь, в лесах. Он обрадовался, узнав, что я радист. Как раз им был нужен человек, разбирающийся в радиоделе. Но я-то не хотел здесь оставаться. Мне нужно было дождаться, пока партизаны разыщут Василия Никитина, а потом вместе с ним пробраться через линию фронта, к своим, в свою часть. И я дождался...

В землянку вошли двое и доложили начальнику штаба: второго летчика нашли мертвым. Осколок зенитного снаряда настиг его во время спуска на парашюте.

Я остался в партизанском отряде. Здесь была девушка-радистка, она неплохо работала ключом, но в материальной части почти не разбиралась. Радиостанция была обычного армейского типа, приемно-передающая, но запущенная. Вот когда я помянул добрым словом своих строгих учителей, давших мне не только умение отбивать морзянку, но и знание матчасти. Радиостанцию я наладил и обучил обращению с ней не только девушку-радистку, но еще и одного толкового семнадцатилетнего паренька.

Отряд наш действовал в лесах между Брянском и Унечей, и так я партизанил больше года, до осени сорок третьего, когда была освобождена Брянщина. Тогда-то я и расстался с друзьями-партизанами и вернулся в бомбардировочную авиацию. Но не в свой полк, а в другой, укомплектованный новыми машинами — двухмоторными пикирующими бомбардировщиками «Пе-2». На этих самолетах я и летал почти до самого конца войны, пока меня не покалечило близким взрывом при разминировании захваченного у противника аэродрома.

...В тот день, возвращаясь с кладбища, я дал себе слово не только посещать могилу Сейрана, но и помочь, насколько в моих силах, его семье. Мурад, сын моего покойного друга, заканчивал нефтяной техникум,— вот и хорошо, если он пожелает, я устрою его в контору бурения, в которой сам работаю. Пусть парень будет у меня на глазах, и я постараюсь, чтобы у него хорошо сложилась жизнь.

И еще решил я непременно разыскать Джалала и Ниджата. По правде, мне было страшновато.

И вот передо мной адрес и телефон Джалала Бахрамова... В субботу вечером я позвонил. Волновался, набирая номер, и совсем уже встревожился оттого, что никто мне не ответил. Длинные гудки вонзались в ухо, как иглы. Я хотел было положить трубку, как вдруг раздался надтреснутый старушечий голос:

— Слушаю.

Я попросил позвать Джалала Бахрамова.

— Его нет дома,— ответила старуха.— Ушел с женой на именины. А кто спрашивает?

— Это... его товарищ. Ничего, я еще позвоню...

У меня отлегло от сердца. Слава богу, с Джалалом все в порядке. И я решил завтра пойти к нему, пойти без предупреждения. Не знаю, почему не хотелось мне называть себя по телефону. Интересно, узнает ли меня Джалал? Ведь столько лет прошло со дня последней нашей встречи...

В воскресенье, около десяти утра, я опять набрал номер Джалала. И опять ответила та же старуха.

— Подождите, сейчас позову,— сказала она.

Но я не стал ждать: довольно было того, что Джалал дома. Я опустил трубку на рычаг и вышел из дому.

Джалал живет на улице Хагани. Переехал, значит, в новый дом. Раньше он жил на Парковой, в узеньком тупичке. Двор был маленький, и в нем росло развесистое фисташковое дерево, тенью своей, как шатром, накрывавшее весь дворик. Теперь-то старые одноэтажные домики здесь снесены и построены новые, многоэтажные. А фисташковое дерево, наверно, спилили. Да и улица теперь называется иначе — улицей Мехти Гусейна.

Каким стал Джалал? Он был высокий, худющий, и волосы у него были очень густые, вьющиеся, растущие чуть ли не от самых бровей. Помню, Ниджат, у которого рано начали редеть волосы, завидовал Джалалу. «Зачем тебе столько волос?— говаривал он.— Подарил бы мне половину...»

Я остановил такси и поехал на улицу Хагани. По номеру дома водитель определил, что это где-то в районе трикотажного комбината — и так оно и оказалось. Вскоре я стоял перед дверью, на которой красовалась солидная медная пластинка с гравировкой: «Джалал Ахмед-оглы Бахрамов».

Я нажал на кнопку звонка. Дверь отворила девочка лет десяти с большим белым бантом на черноволосой головке.

— Дома твой папа?— спросил я с некоторой запинкой: вдруг мне пришло в голову, что эта девочка могла быть не дочкой, а внучкой Джалала.

Но девочка как ни в чем не бывало обернулась и позвала:

— Папа! К тебе пришли!

— Кто пришел?— донесся сквозь жужжание электробритвы знакомый голос, голос Джалала.

— Здесь дядя один тебя спрашивает!

— Так пусть войдет в комнату. Я сейчас.

Вслед за девочкой я вошел в комнату. Судя по убранству, это была гостиная. Сверкал полировкой сервант, заставленный хрустальными вазами и бокалами. Сверкало полировкой коричневое, в тон серванту, пианино. В углу стоял телевизор «Электрон», в другом — продолговатый журнальный столик и кресла. На стене висел пейзаж— горная лесная местность, по стилю это было похоже на работу художника Саттара Бахлулзаде.

Во всем здесь ощущался достаток и неплохой вкус.

Окно было приоткрыто, и вместе с прохладным ветерком врывался в комнату шум проезжей улицы — рокот автомобильных моторов, гудки. Давно уже вышло постановление о запрете звуковых сигналов в пределах города, но бакинские нетерпеливые таксисты не очень его придерживались; чуть пробка на перекрестке, как раздавались гудки. Я хорошо это знал: сам живу на шумной магистральной улице.

В комнату вошел высокий мужчина в пижаме из лилового вельвета. Седые курчавые волосы обрамляли порядочную плешь. В пальцах была зажата дымящаяся сигарета.

Встреть я его на улице — наверное, прошел бы мимо, не узнав Джалала. Вот что делает время с людьми...

— Здравствуйте,— вежливо сказал Джалал, глядя на меня со спокойным достоинством.— Вы по какому делу?

Я шагнул к нему, улыбаясь:

— Не узнаешь?

Он медленно покачал головой, всматриваясь.

— Что-то знакомое, но... нет, не могу вспомнить...

— Да,— вздохнул я.— Много лет прошло. Трудно вспомнить.

— Постой, постой...— В глазах его что-то мелькнуло.— Ведь ты...

— Бедир Фарзулла-оглы,— пришел я на помощь.— Здравствуй, Джалал.

— Ну да, точно, Бедир.— Джалал протянул мне руки.— Садись, Бедир.

Он был так же сдержан и суховат, как и в прошлые годы. Он и раньше никогда не выражал своих эмоций — ни радости, ни печали. Я знал его манеру.

Мы уселись в кресла друг против друга.

— Какими судьбами, Бедир?

И. Симонов (Свердловск). РЕКИ ПОТЕКУТ ВСПЯТЬ.

Н. Русских (Уфа). ПОРТРЕТ ХУДОЖНИЦЫ М. КРАСНОПЕРОВОЙ.

Ю. Павлов (Москва). УТРО В ГОРАХ.

— Понимаешь, я получил на днях письмо от Паши Чепурина. Помнишь его? Ну вот. Спрашивает обо всех нас, и вот...

— Понятно,— кивнул Джалал.— Я тоже иногда вспоминаю. Дружили в трудные времена, а потом обзавелись семьями, новые заботы появились, и мы отдалились друг от друга. Жаль.

— Да, вот такие мы друзья... Послушай, Джалал...

И я рассказал, как пустился на поиски Сейрана, и об его смерти.

Джалал закрыл глаза и долго молчал, нещадно дымя сигаретой.

В гостиную вошла полная красивая женщина лет сорока.

— Убери пепельницу, Джалал,— сказала она,— я постелю скатерть.

Джалал как-то машинально снял массивную пепельницу с цветастой бархатной скатерти, и женщина накрыла стол другой скатертью, белой, накрахмаленной.

Тут Джалал спохватился:

— Познакомься, Гафиза. Это мой фронтовой товарищ Бедир. Помнишь, я рассказывал?

Женщина улыбнулась мне, сказала:

— Конечно, помню. Джалал много рассказывал о вас, о Сейране и Ниджате. Он даже хотел позвать всех на новоселье, когда мы переехали сюда.

— Да,— кивнул Джалал.— Точно.

— Но что-то тогда помешало,— продолжала Гафиза.— Что помешало, Джалал, собраться тогда, я уже не помню.

— Я уехал в командировку во Францию.

— Ах, ну да! Тебя долго не было, а потом начались другие дела, бесконечные дела... Вот Бедир молодец: он оказался самым надежным другом из вашей четверки.

— Нет, Гафиза-ханум,— покачал я головой.— Все мы оказались ненадежными, и я тоже.

— Ну, ничего,— улыбнулась она.— Лучше поздно, чем никогда.

Гафиза вышла из комнаты. Джалал сунул окурок в пепельницу и тотчас закурил новую сигарету. Привычка осталась у него неизменной.

— Зачем ты ездил во Францию?—спросил я.

— В Баку решено было построить домостроительный комбинат по французскому проекту. Меня послали на практику. Изучать этот проект.

— Вот как! А теперь где ты работаешь?

— На этом самом комбинате,— ответил он, вертя на столе спичечный коробок.

— Инженером?

— Был главным инженером. А теперь директор.

Вернулась Гафиза, поставила вазочку со сладостями и другую — с вареньем. Джалал вынул из серванта бутылку коньяка «Гек-гёль». В передней прозвенел телефонный звонок. Та самая девочка с бантом заглянула в комнату:

— Папа, тебя к телефону.

— Откуда?— спросил Джалал.— С комбината?

— Не сказали.

Джалал вышел. Я слышал, как он сказал в трубку:

— Слушаю. Доброе утро... Кто?.. А, понятно. Вы в Баку? Когда приехали? Сегодня?.. Да, второе письмо получил. Я постараюсь все сделать, не беспокойтесь... Ко мне? Пожалуйста, хоть сейчас. Адрес знаете, да? Ну, приезжайте.

— Прошу за стол,— сказала Гафиза, когда Джалал вернулся.

Она поставила большую вазу с крупными желтыми яблоками и направилась к двери.

— Посиди с нами,— сказал Джалал, наливая в рюмки коньяк.

— Вы старые друзья, вам поговорить надо, не хочу мешать.

— Вы нисколько не помешаете,—сказал я.— Посидите с нами.

Мне, и верно, не хотелось, чтоб она ушла. Ведь из Джалала каждое слово надо клещами вытягивать, и я боялся, что не получится у нас разговора. А Гафиза-ханум была, как я видел, женщиной общительной, почему бы ей не посидеть с нами?

Мы выпили. Вернее, я лишь пригубил свою рюмку, а Джалал осушил свою залпом и сразу налил еще.

— Кто звонил?— спросила Гафиза, очищая маленьким ножиком яблоко.— Этот, как его... дядюшка Асад?

Джалал кивнул и вытянул из пачки сигарету.

— Так я и подумала.— Она обратилась ко мне:— Это один старичок, инвалид из района, повадился писать Джалалу. Почему вы ничего не едите, Бедир? Вот печенье, вот яблоки...

— Спасибо,— сказал я.— А что за старичок?

— Он инвалид Отечественной войны, а жену его разбил паралич, она прикована к постели. Их дочь прошлым летом окончила пединститут в Баку и вернулась в свой район, в распоряжение роно. Старик просил, чтобы девушку оставили преподавать в райцентре: ведь родители ее беспомощны, нуждаются в уходе, а она единственная дочь. И что же? Девушку послали в дальнее горное село, в начальную школу. А здоровенного парня, который вместе с ней окончил институт, роно оставило в райцентре: этот парень — сын тамошнего народного судьи. Разве это справедливо? Старик и начал хлопотать, чтобы дочь перевели в райцентр, потому что... ну, я уже сказала: кроме нее, некому ухаживать за больными родителями. Стал он ходить со своими медицинскими справками по районному начальству. Никто ему не отказывает, все кивают головами, соглашаются, что надо дочку перевести на работу в райцентр, но ничего для этого не делают. Ведь для того, чтобы перевести ее в городок, надо послать на ее место в горное село сына судьи. А судья — влиятельный человек в районе, с ним не хотят ссориться...

— Ладно, хватит,— сказал Джалал, обволакиваясь табачным дымом.

Гафиза засмеялась:

— Не любит, когда я вмешиваюсь в его дела. Но я ведь не вмешиваюсь, просто рассказываю, как было дело. Так и тянется до сих пор эта волокита. Дядюшка Асад пожаловался Джалалу, когда он был у них в районе, и письмо ему написал. Секретарь райкома обещал Джалалу, что поможет старику, но... Хорошо, хорошо, молчу,— сказала она Джалалу.— Не кидай на меня такой грозный взгляд. Пойду чай вам принесу.

— Чай—это хорошо. Больше всего я люблю крепкий чай.

Мне хотелось спросить, какое отношение имеет Джалал к районным делам, к хлопотам старичка инвалида. Но я постеснялся спрашивать. Что-то мешало мне запросто расспрашивать Джалала обо всем, что хотелось узнать.

— Жаль Сейрана,— сказал вдруг Джалал. Он притушил сигарету и налил себе еще рюмку коньяку.— Ох, как жаль...

— Да. Нелепая смерть. И мучительная...

— Сообщи мне, Бедир, когда поедешь на кладбище. Вместе поедем.

— Ладно.

— Почему ты не пьешь? Давай-ка выпьем, Бедир, за добрую память о нашем друге... перед которым мы очень виноваты...

Выпили. Я закусил яблоком, а Джалал снова задымил сигаретой.

Раздался звонок.

— Папа, к тебе пришли.

Девочка пропустила в гостиную маленького человечка, обросшего седой щетиной. Это и был дядюшка Асад. Он тяжело опирался на палку. Джалал поднялся ему навстречу, протянул руку.

— Джалал-муэллим, я не хочу мешать вам,— заговорил посетитель извиняющимся тоном.— У вас гость... Я на одну минутку.

— Вы нам не помешаете,—сказал Джалал.— Это мой брат. Познакомьтесь.

Мы поздоровались с дядюшкой Асадом. У старика на правой руке не хватало двух пальцев. Я проникся сочувствием к этому искалеченному войной человеку. ...Хотелось сказать ему: «Распрямись, фронтовик, смотри тверже, перестань извиняться...»

Он скользнул по мне взглядом, как бы отыскивая сходство с Джалалом. Как видно, понял в прямом смысле слова о том, что мы братья. Сев на краешек стула, дядюшка Асад спросил, как поживает жена Джалала, и дети, и теща. Гафиза принесла чай. Дядюшка Асад начал было отказываться, но Гафиза уговорила его, и он взял с блюдца маленький кусочек сахара, обмакнул его в чай, отпил три глотка...

— Джалал-муэллим,— сказал он,— я напрасно вас затруднил...

— Почему напрасно?

— Я на днях узнал, почему не хотят решить вопрос. Под Новый год сын судьи обручился с дочкой председателя райисполкома... Разве теперь отправят его в Четирли?.. Не отправят... Выходит, моей дочке нет пока замены. Ничего... Может, летом, когда опять выпустят молодых учителей из института... Вы уж извините, Джалал-муэллим, что я вас побеспокоил...

Джалал молча смотрел на старика. Да и не такой уж он был старик — лет на пять-шесть старше нас с Джалалом, не больше, просто выглядел на все шестьдесят с лишком.

Джалал вышел из комнаты. Я слышал, как он вызвал междугородную и заказывал разговор с райцентром.

— Вы хотите говорить с секретарем?— спросил дядюшка Асад, когда Джалал вернулся.

— Да.

— Сегодня воскресенье, в райкоме не работают...

— Я позвоню ему на квартиру.

— Джалал-муэллим, не надо... Он поймет, что я приезжал к вам жаловаться, а у нас это не любят... когда ездят жаловаться...

Джалал насупился, завертел спичечный коробок на столе.

— Вот от этого все наши беды,— сказал он хмуро.— От старых мусульманских обычаев. Оттого, что вечно боимся, как бы не рассердить начальство... Вам нечего бояться, Асад-муэллим. Вы по праву требуете, чтобы вашу дочь оставили рядом с больными родителями. Именно требовать надо, а не просить. И не отступать. Правильно я говорю, Бедир?— обратился он вдруг ко мне.

— Правильно,— поддержал я.—Чего вы боитесь? Что у вас, крупная должность, с которой вас могут уволить?

— Крупная должность...—Дядюшка Асад хихикнул.— У меня должности никогда не было. Каменщик я... А теперь пенсионер.

— Вы свою пенсию кровью заработали,— медленно, как бы внушая, сказал Джалал.— За это вас благодарить должны в вашем городе. Теперь на руководящие посты выдвигается поколение, которое войну знает только по книгам и фильмам,— добавил он, помолчав.— Это естественно. Но плохо, что некоторые вообще забывают о том, что была война.

— Эх, Джалал-муэллим...— Дядюшка Асад вздохнул, отодвинул недопитый стакан.— Вы, конечно, правы, что и говорить... Но ведь разница есть... Вы все можете сказать секретарю райкома, потому что не зависите от него. Вы депутат от нашего района. Какое он имеет право не считаться с вами?.. А вот если я вылезу со своими жалобами, то мне несдобровать. Пенсию у меня, конечно, не отнимут, она законная. Но могут сделать так, что она мне в тягость будет. Тут одного слова достаточно. Стоит секретарю сказать: проверьте пенсию Асада, как начнется... По комиссиям затаскают, все кишки вымотают. Нет, пусть уж лучше будет, как сейчас...

Из передней донеслись частые звонки междугородной. Джалал вышел, дядюшка Асад проводил его беспокойным взглядом.

Дверь осталась раскрытой, и я слышал, как Джалал начал разговор.

— Алло, девушка, дайте мне квартиру первого секретаря райкома... Джалал Бахрамов из Баку. Ваш депутат... Да, да. Соедините, пожалуйста.

Дядюшка Асад так и подался в сторону двери, приставив ладонь к уху и часто моргая.

— Товарищ Шамсизаде?— говорил Джалал в трубку.— Это Джалал Бахрамов. Приветствую. Извините, что беспокою в выходной день... Ничего, все в порядке. А у вас как?.. Ну, прекрасно. Вот что, я звоню по поводу дела Саваланова. Асада Саваланова, инвалида Отечественной войны... Да, этого самого. Почти год Саваланов обивает пороги роно и райисполкома. Он к вам обращался и ко мне, и я, если помните, переслал вам его письмо с просьбой помочь. Это было в январе, и я был уверен, что вопрос решен. Но вот мне стало известно, что ничего не изменилось. Я хотел бы знать, товарищ Шамсизаде, почему затянулось решение этого простого и очевидного вопроса...

Теперь Джалал слушал. Возникла долгая пау-

за. Дядюшка Асад сидел в напряженной позе; чувствовалось, что он готов в трубку телефонную залезть, только бы услышать, что говорит секретарь райкома.

— Товарищ Шамсизаде,— снова заговорил Джалал,— это не совсем так. Саваланов еще до выпуска своей дочери из института — я подчеркиваю: до выпуска — написал заявление в роно с просьбой дать ей назначение в райцентр, поскольку ее родители больны и нуждаются в постоянном уходе. Разве этого было недостаточно, чтобы роно отнеслось по-человечески к просьбе ветерана войны? Разве у вас в городе не знают, в каком трудном положении он оказался после того, как его жену разбил паралич? Как можно было не помочь Саваланову? Не хочу напоминать вам такую простую истину, что забота о людях...

Тут Шамсизаде, по-видимому, прервал Джалала. И когда Джалал опять заговорил, тон его показался мне несколько раздраженным.

— Охотно верю, что никто не жалуется на ваше равнодушие, товарищ Шамсизаде. И не надо ради меня, как вы говорите, выделять медсестру для ухода за больной. Саваланову надо помочь не ради меня, а ради него самого. И я не уверен, что это будет хорошим решением вопроса: по-моему, это противозаконно, чтобы медсестра получала зарплату в поликлинике, а сидела бы у больной дома. К чему так осложнять простое дело?.. Да, я знаю. Но я знаю и другое: молодой человек, о котором вы говорите, сын народного судьи. Давайте откровенно: не будь он сыном руководящего работника, его давно бы отправили преподавать в Четирли, а девушку оставили бы в городе. Разве не так?

Снова пауза. Дядюшка Асад хлопнул себя ладонью по колену и восторженно зашептал мне:

— Клянусь, здорово сказал! К стенке прижал...

А я думал о другом. Я хорошо помнил Джалала — молчаливого, вяловатого, никогда не имевшего, казалось, собственного мнения, таких называли ни рыба ни мясо... И вот передо мной совершенно другой человек. Как он переменился за эти годы! Как уверенно и свободно течет его речь... Да, недаром говорят, что не только человек делает работу, но и работа делает человека...

— Ну, хорошо, товарищ Шамсизаде,— донеслось из передней.— Надеюсь, что вы решите вопрос по справедливости и мне не придется говорить по этому поводу с министром просвещения. Когда позвонить вам, чтобы узнать о результате? Во вторник? Спасибо. Будьте здоровы.

Джалал вошел в комнату. Лицо его хранило обычное непроницаемое выражение, но было в красных пятнах, на лбу проступила испарина.

— Ну вот,— сказал он, садясь и закуривая,— Шамсизаде обещал решить ваш вопрос. Завтра он занят, едет в колхозы, а во вторник займется вашим делом. Надеюсь, все будет в порядке.

— Спасибо, Джалал-муэллим.— Дядюшка Асад тяжело поднялся со стула, опираясь на палку.— Я в большом долгу перед вами...

— Не за что благодарить. Сидите, Асад-муэллим, почему вы не допили свой чай?

— У меня еще дела в городе, боюсь опоздать на автобус... Дай бог здоровья вашим детям... изобилия вашему столу...

Дядюшка Асад попрощался и ушел. Некоторое время мы с Джалалом сидели молча, попивая чай, и каждый из нас думал о своем. Потом Джалал спросил:

— Послушай, у Сейрана большая была семья?

Я рассказал то, что знал, и добавил, что собираюсь помочь его сыну с устройством на работу. Джалал кивнул в знак одобрения.

— А у тебя одна дочка, Джалал?

— Еще сын. Учится в Москве, в МВТУ. Жена у меня — врач. И теща есть. Вот и вся семья. Теперь расскажи о себе, Бедир. Все-таки плохо, что мы разбрелись, как-то перестали встречаться...

Часа полтора я просидел у Джалала. Мы условились, что в следующее воскресенье вместе поедем к Ниджату.

Продолжение следует.

Перевел с азербайджанского Е. ВОЙСКУНСКИЙ.

Руководитель народной цирковой студии Дмитрий Евсеев с участниками представления.

ЧУВАШИЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ

Н. ТОЛЧЕНОВА
Фото М. Савина.

Оказавшись в Чебоксарах, я с радостью тут увидела, что театральность — в том подлинно народном качестве, в каком о ней только и надо говорить,— присуща, пожалуй, не одному лишь городу. Своим отношением, своей живой, заинтересованной любовью к искусству город сумел заразить еще и многие районы родной Чувашии. Выездные спектакли стали правилом жизни для обоих Драматических театров — чувашского и русского. А на оперные и балетные представления Музыкального театра жители районов приезжают не поодиночке, а являются, словно на большой праздник — сразу целыми селами...

Есть в Чебоксарах такой удивительный коллектив, который в течение всего почти сезона только на селе и выступает. Это Театр юного зрителя, работающий поистине самоотверженно. В его репертуаре много интересных национальных пьес; особенным же ус-

«Без тебя жизни нет» Н. Терентьева в постановке ТЮЗа.

Актрисы Русского театра А. Баулина и А. Григорова. Спектакль В. Ухли «Волчье логово».

пехом справедливо пользуется произведение талантливого драматурга Николая Терентьева «Без тебя жизни нет», где тема любви и долга выражена взволнованно, чисто и трепетно...

Впрочем, все, что я видела на чебоксарской сцене, так или иначе пронизано этой высокой темой или по-своему ей отвечает. В постановке чувашского театра, инсценировавшего «Черный хлеб» Н. Ильбека, как раз эту тему ярко и сильно несут молодые герои: Селиме, прелестная у Н. Григорьевой, и Тухтар — Ф. Кузьмин. Но я, признаюсь, смотрела во время действия не только на сцену, а еще и на публику, бурно захваченную и всецело поглощенную спектаклем. Играть перед такой публикой—всегда и для всех актеров счастье. Но ведь такую публику надо еще воспитать! И видно, что здешним театрам — всем — это удается. Они изучили своего зрителя, который с огромной душевной чуткостью откликается во всех случаях, когда видит на сцене острую схватку добра и зла, становясь как бы уже и не свидетелем, а прямым участником борьбы за справедливость.

Неподдельным драматизмом событий затрагивает сердца публики пьеса «Волчье логово», принадлежащая перу одного из старейших писателей Чувашии, Владимира Ухли... Спектакль этот идет в Русском театре, но рассчитан на зрителя широкого, так сказать, интернационального, поскольку в масштабных, крупных образах раскрывает историю родного края — историю борьбы за свободу.

Искусство черпает героическое и в своем прошлом — и недавнем и совсем далеком, как, скажем, трагическое повествование о прекрасной Нарспи и ее возлюбленном Сетнере, чья жизнь на сцене Музыкального театра наполнена и правдой и теплотой.

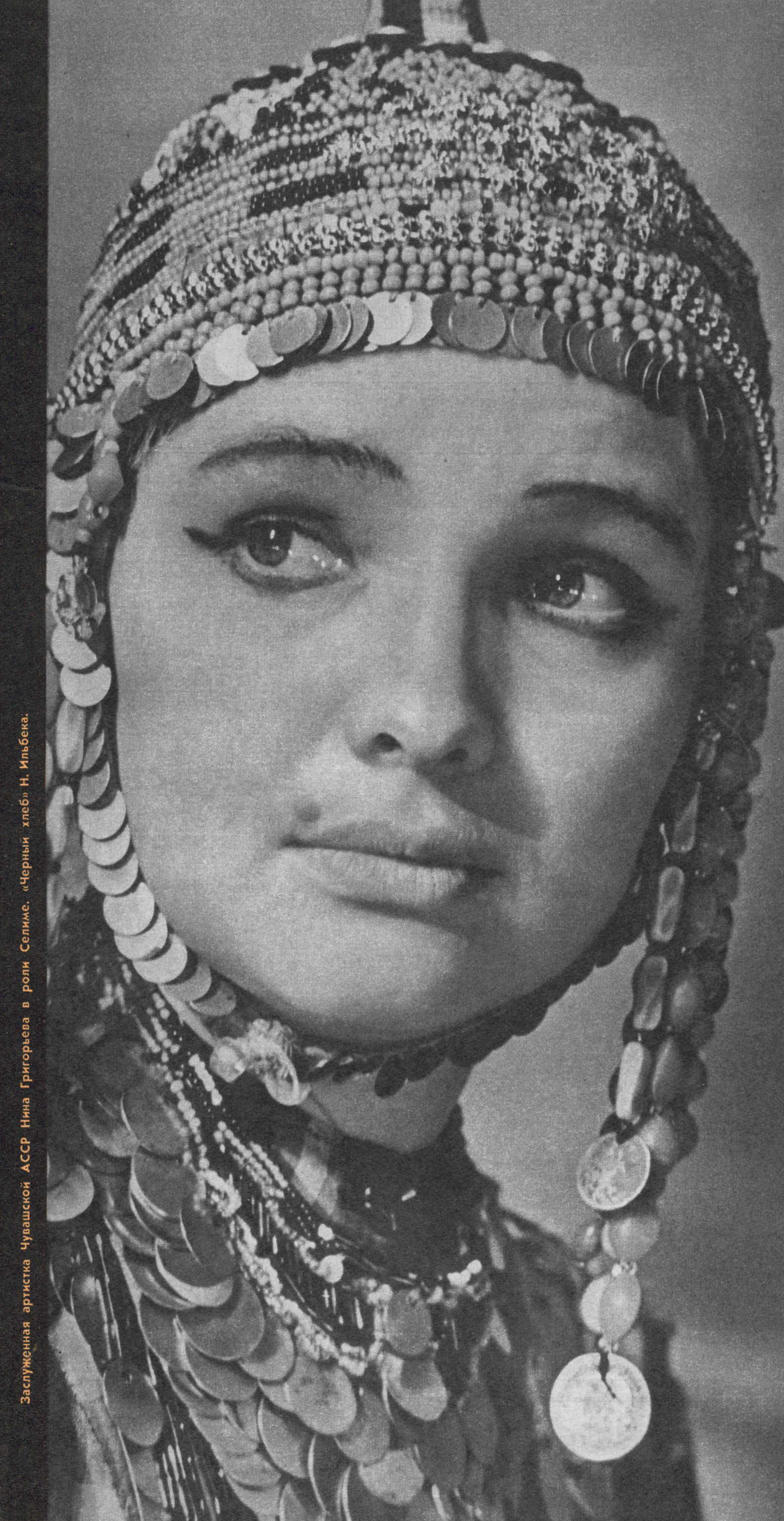
У каждого народа, по всей вероятности, есть свой поэтический сказ о недолгой жизни и неизбежной, увы, гибели двух влюбленных... Вот здесь именно легенда, вымысел так тесно и так прочно переплелись с действительностью, вросли в нее, что на сегодня уже и самые имена девушки и юноши стали обозначать собою лучшие черты народного характера: верность, преданность, мужество.

Образы Нарспи и Сетнера героичны, а в то же время достоверны, убедительны. Оперные герои не на котурнах. Благодаря этому они воспитывают благородство, красоту души и в людях нынешних...

Нельзя обойти в этом кратком обозрении театральной Чувашии и песню и музыку — чувашскую, русскую, украинскую, татарскую...

Привольно льется она, захватывающе-лирично звучит на всех здешних сценах, во всех залах.

И всюду, во всех без исключения коллективах, и профессиональных и любительских, идет деятельная творческая подготовка к великому празднику дружбы — полувековому юбилею государства, сделавшего народ еще и полновластным хозяином искусства, его творцом.

Заслуженная артистка Чувашской АССР Нина Григорьева в роли Селиме. «Черный хлеб» Н. Ильбека.

К 100-ЛЕТИЮ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Олег КУРИХИН

Таинственны и непостижимы те тонкие механизмы, которые заставляют впервые зазвучать в детской душе струны призвания. Но, несомненно, в жизни каждого музыканта, художника, актера огромную роль сыграло первое в их жизни посещение консерватории, картинной галереи, театра. Мне думается, в жизни многих советских инженеров такую же важную роль сыграло первое посещение Политехнического музея.

...Экскурсовод ведет нас в лекционный зал и по пути что-то рассказывает. Мы, разинув рты, озираемся по сторонам, пытаемся на ходу осмотреть удивительные машины, но слышим голос растерянной учительницы: «Идите скорее! Осмотрим после!» Рассказ об атмосферном давлении сопровождается показом хитрых насосов, настоящих магдебургских полушарий и «торичеллиевой пустоты». Счастливчиков приглашают участвовать в опытах. Они дуют, растягивают, переворачивают и нажимают, а мы, сгорая от зависти, слушаем объяснения. Перед нами ожили страницы учебника. Оказывается, воздух давит на нас, а мы, как камбала, ползаем по дну гигантского воздушного океана. Но вот гаснет свет, и с экрана смотрят на нас похожий на лукавого мушкетера Торичелли и неприступный Отто фон Герике.

После лекции отправляемся по бесконечным залам музея. Нас все поражает, но в особенности действующие машины и макеты. Уставшие, добираемся до отдела металлургической промышленности и сливаемся с экскурсией для взрослых. Прислушиваемся к объяснениям — и вдруг макет оживает. В доменной печи вспыхивает пламя. На подъездных путях появляются вагоны с рудой. Идет розлив чугуна и слив шлака. Околдованных этим зрелищем, нас возвращает к действительности новая экскурсия. Мы не уходим, а с удовольствием слушаем еще и еще раз увлекательный рассказ о рождении чугуна...

Однако музей посещают не только школьники, и его экспозиция неизмеримо шире школьной программы. Почти по всем отраслям техники здесь подготовлено 125 тематических экскурсий и добрый десяток обзорных лекций для самого широкого круга посетителей: от школьника 4-го класса до инженера, агронома, ученого.

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, считают работники Политехнического музея. Их задача не столько удивить и ошеломить посетителя, сколько разъяснить ему сущность технической идеи, показать, как она зародилась и развивалась. Экспозиции музея — это энциклопедия в образах, живая эволюция науки и техники.

Здесь не просто демонстрируются старинные телефоны, велосипеды и электромоторы. Здесь рассказывается и, главное, показывается, как дерзкая конструкторская мысль шаг за шагом — от лучины и газового рожка через многообразие керосиновых, бензиновых, ацетиленовых и других ламп — пришла к современным лампам накаливания и люминесцентным. Как на смену заступу, кирке и ручной вагонетке пришли отбойный молоток, угольный комбайн и целый автоматизированный шахтный комплекс.

Любая экспозиция состоит в среднем на 20 процентов из редких исторических экспонатов и на 80 процентов из макетов, диаграмм и таблиц, раскрывающих развитие данной отрасли техники. Так, телеграфный аппарат петербургского профессора Шиллинга отбрасывает вас на сотню лет назад. Красное дерево, нити, стрелочки. Поражаешься! А рядом аппараты Морзе, Юза, Бодо. Постепенно от экспоната к экспонату доходишь до отечественных СТ-35, СТА. Стенные плакаты разъясняют их принцип действия и схемы. Эпохи в развитии связи умещаются на нескольких стендах. Доступно, понятно, впечатляюще!

Конечно, не везде выставлены действующие модели. В зал самолет не вкатишь. И здесь приходят на помощь масштабные модели. Паровоз Черепановых соседствует с последним из могикан — красавцем П36. Модели гидротурбины Днепрогэса, химического комбината и силового трансформатора мощностью в тысячи киловатт производят сильное впечатление уже потому, что позволяют охватить их одним взглядом. Наблюдая работу моделей шагающего или роторного экскаватора, не устаешь восхищаться изобретательностью и остроумием создателей этих машин.

Модели сделаны изумительно. Одни передают внешний образ машины: автомобиля, космического корабля, электровоза. Другие раскрывают принцип дейст-

Зал космоса. Фото Э. Эттингера.

В НАУКУ И ТЕХНИКУ

вия. В них сделаны разрезы, раскрашены сечения, подсвечены ответственные элементы конструкции. На диараме видишь современный нефтепромысел или угольную шахту снаружи и изнутри. Достигнутое всевидение позволяет посетителю быстро разобраться в сути дела, тем более что каждый может получить объяснение консультанта. Из этих бесед узнаешь, что в резерве музея богатейшие фонды, доступ к которым не прост даже для сотрудников музея. Завернутые, смазанные, пронумерованные и записанные в учетные карточки, хранятся вдали от людских глаз экспонаты, модели и редкие образцы инженерного искусства. Зав. сектором комплектования Н. Бирюкова рассказывает их истории. Вот эти находятся на реставрации. Вон те пока сняты с экспозиции. А эти скоро отправятся на выездную экспозицию. Вот лампа, изготовленная на бывшем заводе Бюксенмейстера, что в Кинешме, эдисоновские лампы накаливания еще без винтового патрона, коллекция пишущих машинок, полутораметровый граммофон. Бирюкова рассказывает о былых приобретениях: переключателе Данишевского (сподвижника П. Н. Яблочкова), музыкальной шкатулке XVIII века, лампе Нернста, слитках стали, сваренных самим Славяновым! А сколько еще предстоит приобрести! В фондах скоро появится мотоцикл 1906 года, работающая швейная машинка «Зингер» и, может быть, угли для дуговой лампы, изготовленные лично П. Н. Яблочковым. Дух захватывает от прикосновения к шедеврам инженерного искусства. Однако все эти находки — результаты случайного поиска, удачи.

Другой вид музейного поиска, быть может, более мучительный,— это поиск целенаправленный, когда разыскивается какая-то определенная вещь, выпадающая из экспозиции.

...В отделе автотракторной промышленности давно мечтали обзавестись первенцем русской автомобильной промышленности, изготовленным на Рижском вагоноремонтном заводе. Казалось, что прославленный победитель гонок Петербург — Севастополь и Петербург — Монте-Карло автомобиль «Руссо-Балт» погиб безвозвратно. Все было в музее: чертежи, фотографии, описания, технические данные, модели,— а самой машины не было. И вот как-то раз зав. отделом Ю. Зборомирский беседовал о знаменитом автомобиле в курилке экспериментальной лаборатории Московского завода малолитражных автомобилей. И вдруг один из инженеров перебил рассказчика: кто-то говорил ему, что видел «Руссо-Балт», кажется, в Кимрах. Музей немедленно обратился за помощью в отдел ГАИ МВД. Слух подтвердился: спустя несколько недель Зборомирский с волнением фотографирует таинственную машину, приспособленную под кормушку для коров. «Руссо-Балт» честно прослужил до 1942 года. Но оказалось, киностудия «Мосфильм» опередила музей. Начались уговоры, хлопоты, хождения по начальству, и в конце концов заслуженный триумф: реставрированный, сверкающий свежей краской «Руссо-Балт», ведомый самим Зборомирским, подкатил к Политехническому музею.

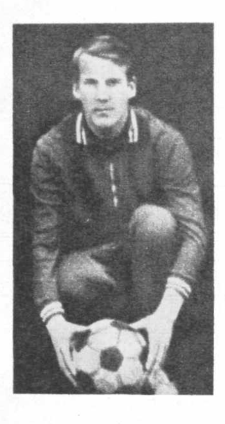
Однако о процветании музея пекутся не только его кадровые работники. Структура Политехнического такова, что в нем совмещена деятельность штатных сотрудников и общественности. Штатные сотрудники объясняют, показывают, читают лекции, монтируют выставки и выполняют массу других интересных и неинтересных, но необходимых дел. Общественность — точнее, научная общественность — работает бесплатно. Это профессора, академики, инженеры и изобретатели.

Как же совмещается деятельность штата и общественности? Ученый совет музея и его президиум — коллективные консультанты и помощники дирекции. Всей работой этих органов руководят председатель президиума Ученого совета, член-корреспондент АН СССР профессор Н. Караваев и его заместитель, доктор технических наук Д. Зыков. Научные советы отделов и дирекция разрабатывают планы экспозиций и научно-просветительной работы, а Ученый совет эти планы обсуждает. Так создается единый план, учитывающий и научную и хозяйственную стороны дела. Директор музея, заслуженный работник культуры РСФСР Геннадий Петрович Козлов говорит: «Тесное творческое сотрудничество с научной общественностью всей страны — такова сущность и традиция Ученого совета. Не забывайте, что наш музей создан по инициативе передовых ученых России — патриотов русской науки».

ИХ СТАРТ — ЗАВТРА

Призы «Огонька» вручены юным футболистам

Призеры нашего журнала — юные футболисты Зураб Гагуа, Марат Шигабутдинов и Валерий Михайлов.

Фото В. Федака.

Да, это был настоящий футбол, богатый интересными комбинациями, острыми моментами, азартной игрой. Каждая из команд показала свое мастерство, и на этом фоне ярко заблистали дарования отдельных футболистов.

Всем удался финал Всесоюзных юношеских соревнований по футболу, проходивший в Ужгороде. Ребят, которые боролись за звание победителей турнира, новичками в спорте не назовешь: у всех за плечами многие годы подготовки в спортивных школах, в детских и юношеских клубных командах. Турнир в Ужгороде станет для них преддверием в большой футбол — многие из юношей уже приняты в команды мастеров, другие будут в них играть в следующем сезоне.

Право участвовать в финальных боях завоевали шесть команд: «Трудовые резервы» (Московская область), ЦСКА, футбольная школа молодежи Тбилиси, детские и юношеские спортивные школы (ДЮСШ) Фрунзе, Ужгорода и республиканского спортинтерната Киева.

Если в начале турнира бесспорными фаворитами стали тбилисские футболисты, то затем хорошо заиграли ребята из Фрунзе — новички на футбольном небосклоне. Все решал последний день турнира: фрунзенцев от первого места отделяла всего одна победа. Но... они проиграли, и чемпионами стали тбилисцы — дружная команда заслуженного тренера СССР В. С. Элошвили.

Вот и прозвучал последний свисток. Ребята получают заслуженные награды — медали, грамоты, кубки и призы. Вручены и традиционные призы журнала «Огонек» — спортивные кубки. Их получили лучший нападающий турнира, лучший вратарь и лучший защитник.

Кто же они, огоньковские призеры?

Зураб Гагуа, нападающий команды ФШМ Тбилиси.

Вот один из моментов турнира: Зураб получает мяч, по левому краю устремляется к воротам противника. Перед ним защитники, Зураб сильно, неотразимо бьет метров с восемнадцати — и мяч в сетке.

Зураб умеет бить по воротам — в прошлом году в финале «Кубка юности» он забил 8 мячей из 11, и его команда стала победительницей.

Марат Шигабутдинов, вратарь команды ДЮСШ Фрунзе:

— Любовь к футболу ко мне перешла, наверное, по наследству от отца,— говорит Марат. — Я люблю футбол, люблю свое место в воротах. Эта замечательная игра приучила меня к дисциплине, усидчивости. Я ведь студент, сами понимаете, как плотно приходится строить день.

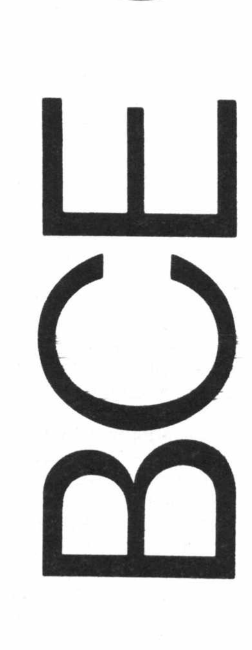
Валерий Михайлов, защитник команды ДЮСШ Фрунзе:

— Защитники, как говорится,— щит команды. Они должны уметь разгадать план соперника, предвидеть путь мяча, помочь нападающим,— сказал нам Валерий. — Так я и стараюсь играть. Мои планы? Спортивные ясны: я зачислен в нашу фрунзенскую команду «Алга». Остальное все впереди: ведь я еще школьник.

Б. Смирнов,
наш специальный корреспондент.

По предложению СССР XVI сессия Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры — ЮНЕСКО — объявила 1972 год Международным годом книги. Его основная задача — поощрение книгоиздательского дела, развитие библиотечного обслуживания населения и международного книгообмена, привлечение внимания общественности к роли книги как средству образования, научного и технического прогресса, международного взаимопонимания и мирного сотрудничества.

Артур ХАВКИН

От единиц — к миллионам

Мировая книжная продукция растет из века в век с фантастической быстротой. Если за первое полустолетие типографского искусства, то есть до 1500 года, было отпечатано немногим более 30 тысяч названий книг, что явилось, конечно, огромным скачком по сравнению с эпохой книги-манускрипта, а в XVI веке было издано уже примерно 250 тысяч названий, то в XIX веке книжная продукция превысила 7 миллионов названий. Самые скромные прогнозы на XX век говорят о том, что в нашем столетии будет выпущено более 25 миллионов названий.

В Советском Союзе, население которого составляет менее 7% населения земного шара, выпускается около 16% всех книг, публикуемых в мире.

Библиотеки-архимиллионеры

Первое место среди библиотек мира занимает Государственная библиотека В. И. Ленина в Москве, насчитывающая 25,9 миллиона названий. Затем следует Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде — свыше 15 миллионов. Ряд библиотек Академии наук СССР располагает общим книжным фондом в 14,8 миллиона названий.

Среди зарубежных библиотек первое место занимает Библиотека конгресса в Вашингтоне — 14,8 миллиона книг. Далее следует Национальная библиотека в Париже — 6 миллионов, Британский музей — 7 миллионов, Библиотека японского парламента в Токио — 2,3 миллиона, Публичная библиотека в Берлине — 2,9 миллиона, Королевская библиотека в Брюсселе — 2,5 миллиона, Национальная библиотека в Вене — 2 миллиона.

Библиотека из одной книги

В Индии (в городе Амритсаре) есть библиотека, состоящая всего из одной книги. В здании, облицованном драгоценным мрамором, украшенном медью и золотом, хранится священная книга сикхов.

Исцеление от «болезней»

Книги часто приходят в негодность от пожаров или наводнений, от пуль или бомб, повреждаются химическими веществами или насекомыми или становятся ветхими от времени. Многие книги когда-то печатались с применением красок, содержащих кислоты, которые постепенно разрушали листы.

«Заболевшие» книги находят свое исцеление в руках ученых и специалистов из Римского института лечения книги и снова возвращаются к жизни.

Здесь реставрируются совершенно обуглившиеся книги, превращенные в бесформенную массу. Здесь выявляются выцветшие или исчезнувшие письмена, устанавливается подлинность печатей и штампов в книгах и документах. Реставрируются приведенные в совершенную, казалось бы, негодность всякого рода переплеты — кожаные, бумажные, из кости, металлические и т. д. Институт лечения книги имеет библиотеку, в которой собрано много специальных работ по графике, бумажному делу, по искусству хранения и «лечения» документов и книг.

Институт издает информационный бюллетень об исследовательской работе как в самом институте, так и в других научных учреждениях.

Особо следует остановиться на катастрофе, постигшей миллионные редчайшие коллекции книг библиотек Флоренции во время наводнения 1966 года. Несмотря на огромные усилия последних пяти лет, потребуется еще минимум тридцать лет, чтобы завершить кропотливую, страница за страницей реставрацию этих книг, составляющих бесценное сокровище культурного наследия Италии. Сейчас создается Международный центр по сохранению книг, который продолжит и расширит работу двух уже созданных во Флоренции исследовательских лабораторий, занимающихся проблемами реставрации поврежденных книг и архивов.

Самая древняя

Самая древняя в мире печатная книга — «Сутра Праджна», сборник священных буддийских сказаний. Ее создал в 868 году н. э. китайский печатник Ван Цзе. Найденная в 1907 году, эта книга почти 900 лет была замурована в тайнике пещеры Дуньхуан (Северо-Западный Китай). Печатная книга Ван Цзе состоит из шести листов текста и еще одного листа меньшего размера, украшенного гравюрой на дереве. Листы склеены вместе и свернуты в свиток длиною более 5 метров и шириною в 30 сантиметров. Книга почти полностью сохранилась; техника ее печати очень высока, что предполагает долголетний предшествующий опыт печатания.

Первые переводы

К числу первых переводов относятся переводы индийского пятикнижия, «Панчатантра», считающегося выдающимся поэтическим произведением Индии, написанным между II и VI веками н. э. и состоящим из семидесяти басен и рассказов. В VI веке последовал перевод на персидский язык, а около 750 года — с персидского на арабский. В конце XI века сделан перевод с арабского на древнееврейский, а с него — на латинский язык. Затем последовали переводы на испанский, французский и немецкий языки. В середине XVI века был сделан перевод на итальянский язык, а в начале XVII века — на английский.

В XVII веке «Панчатантра» была в значительной мере использована баснописцем Лафонтеном.

В средние века особенно прославились переводы французской книги венецианца Марко Поло «Путешествия» — о поездке в Китай во второй половине XIII века. В небывало короткий срок книга Марко Поло была переведена не только на все европейские языки, но и на многие диалекты.

Вслед за тем были переведены для современников творения античных авторов. В XVI веке Жак Амио во Франции и Лопе де Вега в Испании сделали образцовые переводы «Жизнеописаний» Плутарха.

В следующем, XVII веке были переведены с арабского сказки «Тысяча и одна ночь».

Чудо книжной миниатюры

Старейшая книга-миниатюра — «Молитвы Пресвятой Девы» — напечатана в 1475 году в Венеции Николасом Жансоном. И хотя этот замечательный книгопечатник создал немало книг более крупного формата, ни одна из них не была так хороша, как этот маленький томик высотой всего лишь в 6 сантиметров, который называют «миниатюрным воплощением всего искусства книгопечатания». Страницы книжки украшены тройной цветной каймой и множеством художественно выполненных инициальных букв; на каждой странице двенадцать строк; сафьяновый переплет покрыт богатым тиснением и раскрашен.

Книги-великаны

Это гигантский атлас короля Карла II — самая большая книга Британского музея. Ее размеры — 176 × 97 сантиметров. На переплет этой книги пошло восемь сафьяновых кож. Печатание каждой карты атласа велось с форм, составленных из 20 отдельных гравированных пластинок, очень тщательно соединенных между собою. Карты раскрашены от руки. Сейчас краски атласа так же ярки, как и в XVII веке, когда он был напечатан.

Это своеобразная «книга» в Фивах, на берегу Нила, которая высечена на двух массивных стенах одного из пилонов храма Рамсеса II. Самая большая в мире, она содержит «страницы», достигающие в ширину 40 метров. Эта древняя летопись военных триумфов более трех тысяч лет противостоит разрушительному воздействию времени.

На заре русского книгопечатания

Первой печатной книгой в России является церковно-богослужебная книга «Апостол», подготовленная к печати и выпущенная первопечатником Иваном Федоровым с участием его ученика Петра Мстиславца в Москве в 1564 году, в царствование Ивана Грозного.

Вслед за «Апостолом» в течение примерно пятнадцати лет им же был выпущен еще целый ряд книг, и каждая из них представляет собою образец технического мастерства, изобретательности и вдохновенного художественного труда и искусства.

Печатание первой русской книги началось в Москве, в Государственной типографии на бывшей Никольской улице (ныне улица 25-го Октября), 19 апреля 1563 года и было завершено к 1 марта 1564 года. Эту дату и принято считать началом русского книгопечатания. Четырехсотлетие этой даты было отмечено в 1964 году как великий праздник русской и советской культуры. Более чем за полвека до этого, в 1909 году, то есть через 345 лет после выхода в свет «Апостола», у Китайгородской стены в Москве (ныне по проспекту Карла Маркса) был воздвигнут памятник первопечатнику Ивану Федорову.

Что же представляют собою первые русские печатные издания?

«Апостол» состоит из 534 страниц, на каждой по 25 строк, отпечатанных черной краской. Книга исключительно богато украшена заставками — в ней 46 замечательных рисунков и 22 инициала — узорных букв. Все это выполнено красной краской (киноварью).

Книга снабжена обстоятельным послесловием Ивана Федорова, являющимся литературным памятником XVI века. Оно состоит из двух частей: в первой речь идет об истории возникновения книгопечатания, о роли печатников в работе над книгой, а также дана глубокая критика рукописных книг; вторая часть говорит о необходимости создания могучего, централизованного русского государства.

Следующими книгами были два издания «Часовника», явившиеся не только церковнобогослужебными книгами, но и учебником, по которому обучались чтению.

От этих изданий сохранилось лишь по одному экземпляру, от первого — в Брюсселе, от второго — в Ленинградской библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Это последнее издание «Часовника» содержит 22 тетради с общим числом 344 страницы, по 13 строк на каждой, выполненных черной краской, частично—киноварью. Художественное оформление представлено лишь 8 заставками киноварью и черной краской. Так же, как и к «Апостолу», имеется послесловие, где речь идет о пользе книгопечатания и указывается, кто принимал участие в печатании обоих изданий книги.

Затем для Ивана Федорова и его учеников наступили тяжелые времена, пришлось искать убежища за границей.

Литовский гетман Григорий Ходкевич пригласил первопечатника и его помощника к себе в имение Заблудово.

В 1569 году в Заблудовской типографии вышло «Евангелие учительное» — изложение мифических сказаний об учении и жизни Иисуса на старославянском языке, близком и понятном русско-белорусскому населению Литвы, в противовес католическому богослужению на латинском языке, чуждом и непонятном.

В 1574 году во Львове выходит, трудами того же Ивана Федорова, повторное издание «Апостола». Как видно, Иван Федоров надолго не удержался в Заблудове и решил перенести свою деятельность на Украину, где русское население также испытывало гнет чуждого католичества.

В том же 1574 году во Львове же выходит «Букварь», или «Грамматика», представляющая немалый интерес. В этой книге Иван Федоров выступает не только как издатель и печатник, но и как первый составитель русской печатной грамматики.

Книга в форме сердца, изготовленная в 1590 году переплетчиком Гаспаром Мёзером для принцессы Анны Саксонской.

Двенадцать самых маленьких книг помещается в столовой ложке. Среди них — словарь английского языка на 12 тысяч слов, произведения Галилея (величиной в половину почтовой марки, объемом в 208 страниц), томик стихов Роберта Бернса (напечатан на пергаменте), сборник ирландских и шотландских песен (с нотами).

В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

УРОЖАЙ ОКЕАНСКОЙ НИВЫ

В гостях у «Огонька» побывали заместитель министра рыбного хозяйства СССР С. А. Студенецкий, руководитель «Союзрыбпромсбыта» А. И. Рогов, заместитель начальника этого управления М. А. Кугавда, кандидат биологических наук Н. И. Ордуханян, сотрудники ВНИРО, начальник экспериментального цеха «Мосрыбкомбината» И. В. Кавторина, директор ресторана «Якорь» Р. А. Обручева, главный кулинар Н. И. Репина.

...Тысячи кораблей, сотни больших морозильных рыболовных траулеров, каждый из которых — плавучий завод, ежедневно выходят на просторы морей и океанов, чтобы добыть и доставить к нашему столу рыбу. Более двенадцати тысяч наименований рыбной продукции выпускается в нашей стране.

— По сути; советские рыбаки, — сказал в своем выступлении С. А. Студенецкий, — в Мировом океане промысел начали лишь в послевоенные годы. Раньше ловили в речных водоемах, озерах, водохранилищах, в Каспийском и Азово-Черноморском бассейнах. На Дальнем Востоке и в Баренцевом море в общей сложности добывали меньше половины годового улова страны. В 1970 году выловлено 78 миллионов центнеров рыбы, а в довоенное время вылавливали ежегодно по 12—15 миллионов.

Поставлена задача,— продолжал свое выступление С. А. Студенецкий,— резко увеличить производство рыбной продукции. А это значит, что наши промысловики должны выловить рыбы значительно больше, а торговля — увеличить продажу рыбопродуктов. Вот сбыт продукции, девяносто процентов которой составляет в общем-то новая, не очень привычная для потребителя океаническая рыба, испытывает трудности.

Теме торговли рыбными продуктами посвятил выступление А. И. Рогов. Свой рассказ он начал с конкретного примера.

— Сегодня у нас в портах стоят 49 судов, в трюмах которых находится 120 тысяч тонн мороженой скумбрии, хека и ставриды. Торговля эту рыбу не берет, потому что потребителю якобы она не нравится. Получается замкнутый круг: стоят в портах суда, полные рыбы, моряки не могут выйти в море на промысел, пока не сдадут этот улов, а в результате потребитель остается без рыбы.

Не решены и многие вопросы рекламы новой продукции. Правда, в последние годы министерством кое-что предпринято в этом направлении. Многие москвичи знают наши фирменные магазины «Океан» на Комсомольском проспекте и в Чертанове. Они созданы для того, чтобы показать океаническую рыбу и другие объекты промысла, сделать их обычными на обеденном столе — по своим достоинствам они вполне этого заслуживают... Мы провели и проводим во многих городах на предприятиях дегустации блюд из океанической рыбы, но, к сожалению, сегодня на предприятиях общественного питания рыба почти не реализуется.

— Вот, к примеру, криль — небольших размеров антарктическая креветка,— говорит научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии Н. И. Ордуханян.— Известна она давно. Сейчас паста из криля под названием «Океан» продается во многих магазинах. В этой пасте содержится до 20 процентов белка, все аминокислоты. Хочу заметить: лечебные свойства продуктов из моллюсков и креветок убедительно доказаны.

О блюдах из океанической рыбы рассказали И. В. Кавторина и Н. И. Репина.

В. МОРОЗОВА

На снимке (слева направо): Н. И. Ордуханян, заведующий отделом конъюнктуры и спроса института информации рыбного хозяйства А. А. Левин, М. А. Кугавда, С. А. Студенецкий, Н. И. Репина, А. И. Рогов, И. В. Кавторина.

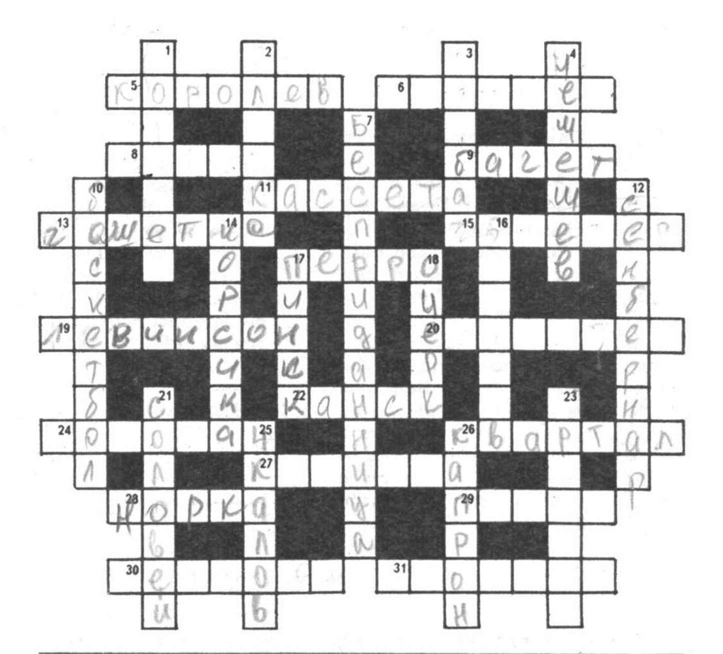
Фото Г. Копосова.

* * *

Гости редакции оставили для наших читателей несколько рецептов. Вот они:

1. В обычный овощной салат добавьте пасту «Океан», заправьте майонезом, добавьте по вкусу соль и перец. Получается несколько непривычное, но очень приятное на вкус блюдо. Криль, являющийся основой этой пасты, добавляется и в сливочное масло в соотношении 50 процентов масла на 50 процентов пасты (соль по вкусу), придавая ему пикантный, острый привкус.

2. «Островной салат» — из морской капусты. Капусту отварить, замариновать, добавить морковь, лук, соль и перец по вкусу, сдобрить растительным маслом. Салат нравится любителям острых закусок. Кальмара к столу можно подать с жареным луком или под майонезом. Его необходимо предварительно отварить в подсоленной воде, но не более пяти минут. Из редких пока на наших столах хека, скумбрии и ставриды можно приготовить вкусное заливное или подать их с овощным маринадом.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Советский конструктор ракетно-космических систем. 6. Спутник планеты Юпитер. 8. Холодное оружие. 9. Планка для рам и карнизов. 11. Футляр для фотографической пленки. 13. Приспособление для спуска курка в огнестрельном оружии. 15. Землеройно-транспортная машина. 17. Писатель, собиратель французских народных сказок. 19. Персонаж романа А. А. Фадеева «Разгром». 20. Озеро в Швеции. 22. Город в Красноярском крае. 24. Растение семейства злаков. 26. Часть отчетного года. 27. Река в Ростовской области. 28. Пушной зверек. 29. Остров в Карибском море. 30. Порт на Великих озерах в США. 31. Город в Румынии.

По вертикали: 1. Действующее лицо оперы Ж. Бизе «Кармен». 2. Металлорежущий инструмент. 3. Рыба, способная передвигаться по суше. 4. Певец, народный артист СССР. 7. Пьеса А. Н. Островского. 10. Спортивная игра. 12. Порода собак. 14. Остров в Средиземном море. 16. Русский поэт. 17. Город в Брестской области. 18. Вид повествовательной литературы. 21. Романс А. А. Алябьева. 23. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 25. Советский летчик. 26. Синтетическое волокно.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49.

По горизонтали: 5. «Риголетто». 8. Арматура. 9. Гоголева. 13. Курск. 14. Тюленин. 15. Негатив. 16. Слива. 18. Трафарет. 19. Гальвани. 23. Драва. 26. Штурман. 27. Токарев. 28. Бетон. 30. Тахометр. 31. «Товарищи». 32. Канадзава.

По вертикали: 1. Крутицкий. 2. Егорлык. 3. Строчок. 4. Токомбаев. 6. Парашют. 7. Самокиш. 10. Гаршин. 11. Александрия. 12. Спартакиада. 16. Стенд. 17. Анапа. 20. Кастор. 21. Отранто. 22. «Гайдамаки». 24. Контрабас. 25. Мезонин. 28. Бретань. 29. Николаи.

На первой странице обложки: юбилейный Почетный знак ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС в ознаменование 50-летия образования Союза ССР.

Фото Н. Ананьева.

На последней странице обложки: Снега песня голубая...

Фото Г. Костенко.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 20/XI-72 г. А 01027. Подп. к печ. 2/XII-72 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2516. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3796.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

— Ну, заяц, погоди!

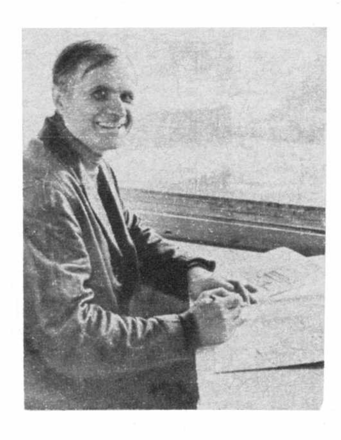
Спортивный дух.

— Я же говорила, что не надо навешивать на свадебную машину столько шаров...

— Имей в виду, каждая пропущенная тобой шайба грозит нам большими неприятностями...

— Вот и манеж пригодился...

ВЕСЕЛЫЙ ТАЛАНТ

Читатели «Огонька» уже много лет привыкли встречаться на страницах журнала со смешными, забавными, веселыми, а порою едкими и злыми рисунками Юрия Черепанова.

Этот художник точно умеет подметить в жизни смешное, комическое там, где другой ничего такого не увидит. А еще он — большой выдумщик. Карикатурист поражает и радует неистощимостью творческой фантазии, умением находить, а то и создавать выразительные, запоминающиеся комические ситуации.

Увидеть смешное в жизни и донести его до читателя так, чтобы мы улыбались, а то и безудержно хохотали,— искусство. Юрий Черепанов, вот уже двадцать с лишним лет работающий в области карикатуры, сатирического плаката, острой репортажной зарисовки, бытового юмористического рисунка, книжной иллюстрации, стал большим мастером своего дела. Его рисунки выходят миллионными тиражами в «Огоньке», «Крокодиле», многих других газетах и журналах, предстают на больших всесоюзных выставках и в экспозициях советской графики за рубежом.

Но сам художник признается, что работа в заводской многотиражке ЗИЛа, когда нужно было моментально, остро, разнообразно откликаться на злобу дня: подстегнуть выразительной карикатурой прораба, срывающего план, или виновника отсутствия горячей воды в душевой, «продернуть» пьяницу-прогульщика...— стала первой и незабываемой строгой школой, научила гибкости и цепкости, развила воображение.

Сегодня Юрию Андреевичу Черепанову исполнилось пятьдесят лет. Художник в расцвете творческих сил. И его ждут впереди новые успехи на трудном и благодарном поприще художника-карикатуриста, которое он избрал для себя и на котором так хорошо трудится много лет с полной отдачей веселого, улыбчивого, отмеченного тонким и добрым чувством юмора таланта.

Иван СЕМЕНОВ,
народный художник РСФСР.

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.